

В. Ф. Мартынов

Гумилёвские чтения

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

ГУМИЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
SONDERBAND 15

56

442

V. F. Martynov - 978-3-95479-662-5

Downloaded from PubFactory at 01/11/2019 09:55:29AM

via free access

ГУМИЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH

SONDERBAND 15

V. F. Martynov - 978-3-95479-662-5

Downloaded from PubFactory at 01/11/2019 09:55:29AM

via free access

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
 SONDERBAND 15
 (LITERARISCHE REIHE, HERAUSGEGEBEN VON A. HANSEN-LÖVE)
 Wien 1984

DRUCK

Offsetschnelldruck Anton Riegelnik
 A-1080 Wien, Piaristengasse 19

Zu beziehen über: Wiener Slawistischer Almanach
 Institut für Slawistik der Universität Wien
 A-1010 Wien, Liebiggasse 5

EIGENTÜMER UND VERLEGER

© Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien

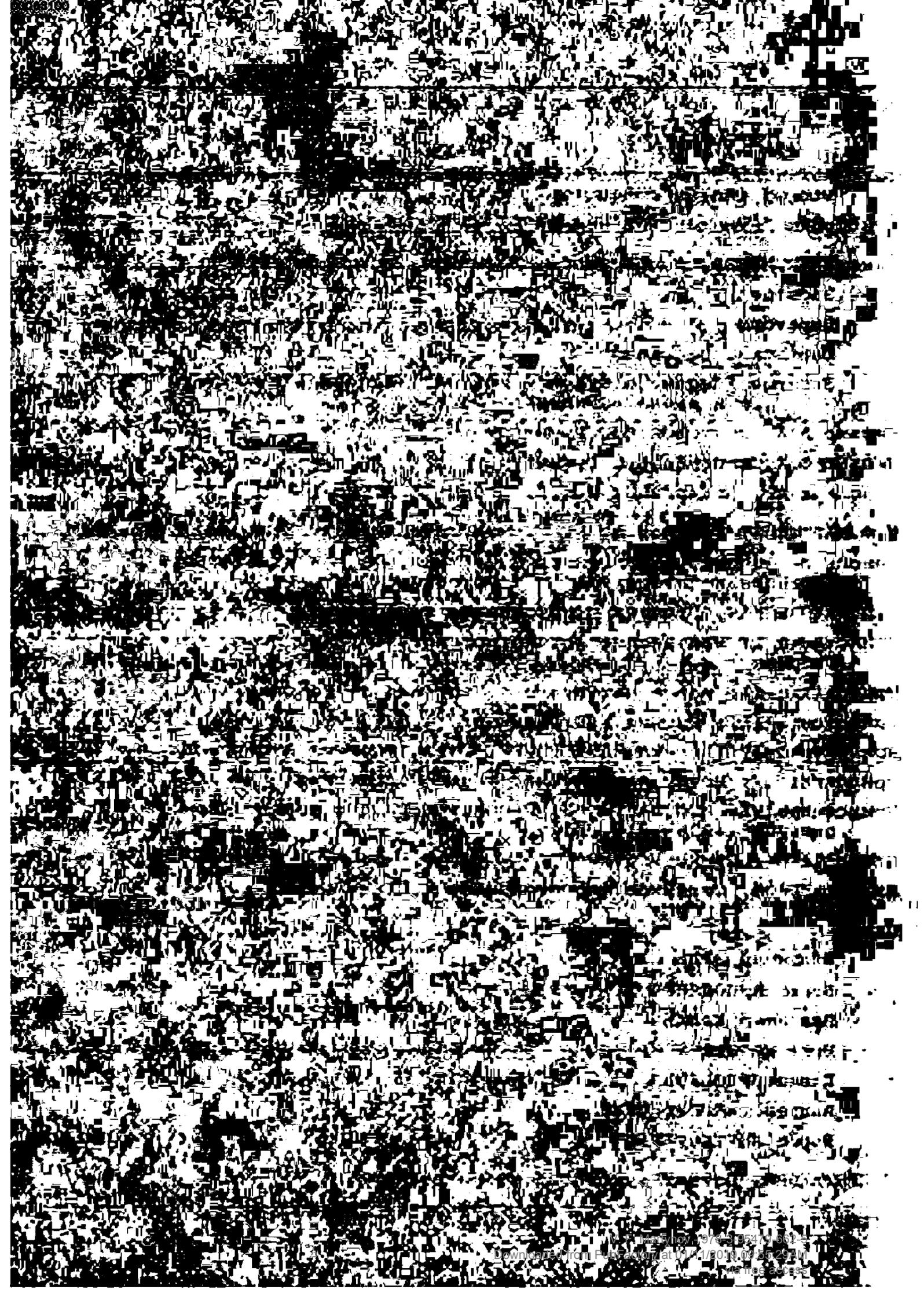
Alle Rechte vorbehalten

V. F. Martynov - 978-3-95479-662-5
 Downloaded from PubFactory at 01/11/2019 09:35:29AM
 via free access

FR 185/94858

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Mark ALTSHULLER, George CHERON, Gumilevskie čtenija: vypusk vtoroj (An Introduction)	5
К истории "Гумилевских чтений"	11
Николай ГУМИЛЕВ, Несобранное. Варианты, переводы, проза.	17
Забытое	21
Переводы	25
Юношеские рассказы	45
Забытые "Письма о русской поэзии" (Рецензии из газеты <i>Речь</i> и журнала <i>Гиперборей</i>)	53
Письмо А.А.Ахматовой Н.С.Гумилеву	69
Письмо Ф.К.Сологуба Н.С.Гумилеву	72
Список книг, подаренных Н.С.Гумилевым А.А.Блоку	74
И.Ф.МАРТЫНОВ, Гумилев и "Всемирная литература"	77
Список переводов, выполненных Н.С.Гумилевым для издательств "Всемирная литература" и Э.Гржебина	87
Т.Л.НИКОЛЬСКАЯ, Гумилев и грузинские символисты	97
Приложение I: Неизвестное стихотворение Черубины де Габриак	101
Приложение II: Новые материалы о Черубине де Габриак	104
Приложение III: Письма К.Д.Бальмонта Ф.Д.Батюшкову	123
Приложение IV: Леонид КАННЕГИСЕР, Стихотворения и переводы	127
Приложение V: Вечер памяти Владислава Ходасевича	133
Приложение VI: И.Ф.МАРТЫНОВ, Русский декаданс перед судом цензуры (1906-1916 гг.)	141
Елена ТАГЕР, Стихотворение	156
Иван ФЕДОРОВ, Органное многоголосье	157
Стихи	
Владимир ЭРЛЬ	167
Борис КУПРИЯНОВ	168
Владимир ХАНАН	171
Юрий КОЛКЕР	174
Елена ПУДОВКИНА	177
Андрей ГАЙВОРОНСКИЙ	179
Борис ЛИХТЕНФЕЛЬД	180
Е.ДРЫЖАКОВА, Поэзия духовного возрождения	187
Отрывки из первого выпуска "Гумилевских чтений" 1980 г.	197

Mark ALTSHULLER, George CHERON

"GUMILEVSKIE ČTENIJA: VYPUSK VTOROJ" (AN INTRODUCTION)

In 1975 a group of Leningrad poets sought official permission to hold a memorial meeting commemorating the ninetieth anniversary of the birth of Nikolaj Stepanovič Gumilev (1886-1921) the following year, as well as issuing a collection of their poetry. After undergoing much bureaucratic mistreatment and receiving no concrete reply to their requests, these poets decided to take matters into their own hands.

On April 16, 1976¹ the poet Oleg Oxapkin² and the historian Vladimir Poreš³ initiated the first memorial meeting devoted to the founder of Acmeism at a private apartment. Since that time there have been three additional "unofficial conferences" held (1978, 1979, and 1980). At these yearly private meetings, literary historians, poets and poetry lovers converge and pay homage to Gumilev. A three-fold program serves as the guiding principle of these annual assemblies: 1. - an investigation of the religious-philosophical aspect of Gumilev's poetry; 2. - making available unpublished materials of the "Silver Age"; 3. - the reading and discussion of new poetry by Leningrad poets. This second issue of "Gumilevskie čtenija", edited by V.F.Martynov as the first one was,⁴ is based on material presented in Leningrad at these Gumilev-inspired literary gatherings.

The section containing material relating to Gumilev in this volume is significant and illuminating. Uncollected variants of poems, translations⁵ and prose⁶ by Gumilev are presented first. Two early stories, "Karty" and "Vverx po Nilu", taken from the extremely rare Parisian literary journal *Sirius*, edited by Gumilev, follow. Although these stories are derivated and immature, they nevertheless are important in tracing the evolution of Gumilev's art. The entry entitled "Zabytye 'Pis'ma o Russkoj poézii'" includes a selection of 10 reviews of Gumilev written for the newspaper *Reč'*⁷ and 2 reviews for the acmeist-oriented journal *Giperborej*⁸. For a short while Gumilev was the literary critic of the newspaper *Reč'*. (He was succeeded by Aleksandr Blok, who in turn was succeeded by Sergej Gorodeckij.) The reviews that Gumilev wrote for this liberal newspaper plus those for his journal *Giperborej* were some-

times shorter versions of reviews he submitted to the modernist journal *Apollon*⁹ in the section entitled "Pis'ma o Russkoj poëzii". The publication of two letters from Anna Axmatova and Fedor Sologub to Gumilev add considerably to our meager collection of Gumilev's epistolary correspondence.¹⁰ The personal and professional interrelationship between Aleksandr Blok and Gumilev can, to some extent, be gauged by comparing the list of books presented by Gumilev to Blok against the recently published list of books presented by Blok to Gumilev.¹¹ A general list of books from Gumilev's personal library enables us to partially reconstruct the contents of his dispersed library.¹²

During the immediate post-revolutionary period when living conditions reached an all-time low in St. Petersburg and the city's intellectuals began to succumb to the deprivations of the time, Maxim Gorkij founded the short-lived translating project "Vsemirnaja literatura". The objective of this undertaking was to provide work for Petersburg intellectuals in the form of translations of literary classics, thereby securing for them needy food rations and other goods. Prince Mirskij has described Gorkij's humanitarian achievement by which he successfully, however momentarily, saved Russia's intelligentsia from the onslaught of totalitarianism:

Everything that was done between 1918 and 1921 to save the writers and other higher intellectuals from starvation was due to Gorky. This was chiefly arrived at by a whole system of centralized literary establishments where poets and novelists were set to work at translations. The contrivance was by no means a perfect one, but under the circumstances it was probably the only one possible.¹³

I.F. Martynov provides an incisive discussion of Gumilev's role in "Vsemirnaja literatura" in his article which is followed by an exhaustive list of published and unpublished translations by Gumilev, his introductions to various translations, as well as a list of translations edited by him.

The Gumilev part of this second issue of "Gumilevskie čtenija" concludes with T.L. Nikol'skaja's article where she talks about Gumilev's friendship with the Georgian Symbolist Grigorij Robakidze.

The second part of this collection, divided into 6 appendices, deals with several other figures of the "Silver Age". Unpublished and unknown verse of Čerubina de Gabriak - one of the most famous literary fabrications in modern Russian literature, if offered.¹⁴

Bal'mont's letters to the critic and editor Fedor Dmitrievič Batjuškov (1857-1920) shed light on Bal'mont's activity (translation endeavors and foreign travels) during this difficult period of Bal'mont's self-imposed exile.¹⁵ The verse of the promising young poet Leonid Kannegisser (1897-1918) is taken from contemporary journals. Unfortunately, Kannegisser has achieved more acclaim as the man who killed the chief of the Petrograd Čeka, Urickij, than as a poet.¹⁶ Jurij Kolker's lecture "Passeizm i gumannost'", an unknown letter of Vladislav Xodasevič to Aleksej Remizov (1909) complement notes on a memorial evening devoted to the poet Vladislav Xodasevič. All these materials serve as genuine indicators of Xodasevič's unofficial popularity in the Soviet Union personifying Nadežda Mandel'stam's words "Xodaseviča ljubili i ljubjat i sejčas".¹⁷ I.F.Martynov's article "Russkij dekadans pered sudom cenzury (1906-1916gg.)" traces the trials and tribulations that Futurists, Acmeists and Symbolists underwent in getting their books published under the stern gaze of Russian consorship before the revolution.

The third and final part of "Gumilevskie čtenija" concerns itself entirely with contemporary poetry. (An exception here is one poem by Elena Tager, 1895-1964.)¹⁸ The verse of seven contemporary poets, who call themselves poets of the "Bronze Age", is accompanied by "Ivan Fedorov's" article "Organnoe mnogogolos'e" and Elena Dryzhakova's article "Poézija duxovnogo vrozždenija".¹⁹ Whereas Fedorov's discussion provides the proper historical basis for understanding the emergence of the poetry of the "Bronze Age", Dryzhakova, in her article, concentrates on analyzing the verse of the ten poets who have so far participated in the two issues of "Gumilevskie čtenija".

A word is in order about the compiler and chief editor of "Gumilevskie čtenija", Ivan Fedorovič Martynov. Martynov was, until recently, a research associate of the library of the Academy of Sciences (BAN) in Leningrad. He is well-known for his numerous works on the history of Russian literature, culture, and social thought.²⁰ During the past few years Martynov has been active in human rights causes in the Soviet Union. He has come out in defense of Vladimir Poreš after his arrest²¹ and has vigorously protested the arrest of the historian Arsenij Roginskij.²² As a result of his human rights activity, Martynov lost his job and as of January 13, 1981 he has been unemployed.

The appearance of two issues of "Gumilevskie čtenija" is yet another sign of the present spiritual resurgence taking place in the Soviet Union today. Not only will historians of the "Silver Age" find this collection useful, but it will also appeal to all those who are interested in Russia's present, past and future.

California, December 1982.

N O T E S

1. N.S.Gumilev was born 3 (15) April 1886.
2. Oleg Oxapkin (born 1942) is a widely known and much gifted Leningrad poet, who is not only known in Samizdat but abroad as well; cf. *Exo*, No. 1, Paris 1979, 79-85.
3. Vladimir Jur'evič Poreš was one of the leaders of the "Orthodox seminars" held in Leningrad. On April 25, 1980 Poreš was tried and sentenced to five years in a labor camp for his religious activity. For more information, see: I.F.MARTYNOV, "V zaščitu Vladimira Poreša", *Novoe Russkoe slovo*, May 9, 1980 and M.ALT-SHULLER, "V zaščitu mysljaščich i pušiščich", *Novoe Russkoe Slovo*, May 21, 1980.
4. See *Wiener Slawistischer Almanach* (WSA), Band 9, 1982, 375-429.
5. In the first issue (*ibid.*) the verse fragment (*otryvok*) has been identified as an uncompleted translation by Gumilev of a poem by Heinrich Heine. The commentary to this poem as well as to the two other translations in "Gumilevskie čtenija", No.1, are found in this volume. The Gumilev translations of Oscar Wilde were intended for a 1912 Wilde collection, cf. *Central'nyj gosudarstvennyj arxiv literatury i iskusstva SSSR: putevoditel' - literatura*, Moscow 1963, 160. The translation of "Theoretikos" is mentioned in the Wilde entry of the Literary Encyclopedia, cf. *Kratkaja literaturnaja enciklopedija*, vol. 7, 717.
6. Commentary to Gumilev's introduction to a satire by Petronius, published in "Gumilevskie čtenija", No.1, it to be found in this volume.
7. Of these ten reviews, culled from the pages of *Reč'*, seven appeared previously in the fourth volume of the collected works of Nikolaj Gumilev edited by Professor G.P.Struve and B.A.Filipov, cf. N.GUMILEV, *Sobranie sočinenij v četyrech tomax*, tom četvertyj, Washington D.C. 1968.
8. In the journal *Giperborej* there are three reviews signed "N.G.". Of the three, two are included in the present volume and the third review is found in the fourth volume of Gumilev's collected works (*ibid.*).

9. In the commentary to Gumilev's selected criticism it is stated that after 1917 Gumilev quit writing reviews. However, this is not exactly correct. At least one review in the newspaper *Žizn' iskusstva* has surfaced and possibly there are more; see: "Zabytaja stat'ja N.Gumileva (publikacija i posleslovie G.P.Struve)", *Novyj žurnal*, No. 133, New York 1978, 105-119.
10. One other known letter to Gumilev from Axmatova (also 1914) is to be found in the Central State Archive of Literature and Art in Moscow (fond 147). Presently, there are 12 known letters of Gumilev to Axmatova, of which half have been already published, see: R.D.TIMENČIK and A.V.LAVROV, "Materialy A.A.Axmatovoj v rukopisnom otdele Puškinskogo doma", in *Ežegodnik rukopisnogo otдела Puškinskogo doma na 1974 goda*, Leningrad 1976, 60. The only other extant letter from Sologub to Gumilev was published by Prof. Struve in N.GUMILEV, *Neizdannye stixi i pis'ma*, Paris 1980, 127.
11. This list appeared in *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovanija, kniga tret'ja, Literaturnoe nasledstvo*, vol. 92, Moscow 1982, 56-57.
12. The whereabouts of Gumilev's large library is discussed in "Gumilevskie čtenija", No.1, in *WSA*, Band 9, 1982, 400-402.
13. Prince D.S.MIRSKY, *Contemporary Russian Literature: 1881-1925*, New York 1926, 111.
14. A thorough discussion of this mysterious literary figure, concocted by Maksimilian Vološin and Elizaveta Dmitrieva (who was in fact Čerubina de Gabriac), and her impact upon the editorial staff of *Apollon* is discussed by the journal's editor in his reminiscences, see: S.MAKOVSKIJ, *Portrety sovremennikov*, New York 1955, 333-358.
15. From 1905 to 1913 Bal'mont lived abroad. Had he returned to Russia at this time he would have been prosecuted for his anti-government poems, which were later incorporated into the collection "Pesni mstitelja" (1907).
16. Marina Cvetaeva in her memoir of the poet Mixail Kuzmin ("Nedešnij večer") describes a literary soirée at the home of Kannegisser's rich parents. Kannegisser also figures in Georgij Ivanov's reminiscences; see: G.IVANOV, *Peterburgskie zimy*, Paris 1928, 177-189.
17. N.MANDEL'ŠTAM, *Vtoraja kniga*, Paris 1972, 161.
18. Tager's poem was written in a labor camp where she was serving a ten year sentence. Professor Struve has done much to resurrect Elena Tager from obscurity and restore her to her proper place in Russian literature. See: E.M.TAGER, "O Mandel'stame: vospominanija (publikacija i komentarii G.P.Struve)", *Novyj žurnal*, No.81, New York 1965; G.STRUVE, *K istorii russkoj poëzii 1910-x - načala 1920-x godov*, Berkeley 1979.
19. Prof.E.Dryzhakova of the University of California, a specialist on contemporary Russian poetry, has expressly written her article for this collection.
20. Some of Martynov's more prominent works include the following books: "Zvučoščij stix svobody radi...". *Očerki o čitateljax dekabristskoj pory* (coauthored with M.G.Altshuller), Moscow 1976; *Knigoizdatel' Nikolaj Novikov*, Moscow 1981; *Opisanie rukopisnogo*

otdela Biblioteki Akademii Nauk SSSR, Leningrad 1980.

21. See note No.3.

22. Cf. Martynov's letter to the Chairman of the International Union of Archives (*Russkaja mysl'*, Dec.31, 1981), and after Roginskij was sentenced Martynov came out with a letter of support on his behalf; see: *Novoe Russkoe Slovo*, June 18, 1982. This letter was also signed by many of the contributors to "Gumilevskie čtenija": Oleg Oxapkin, Boris Lixtenfel'd, Victor Krivulin, Elena Pudovkina, Tamara Bukovskaja, Jurij Kolker.

К ИСТОРИИ "ГУМИЛЕВСКИХ ЧТЕНИЙ"

Впервые идея организации "Гумилевских чтений" зародилась весной 1975 г. в среде ленинградских поэтов "второй литературной действительности", не имеющих до настоящего времени никакого официального статуса. Избранная поэтами инициативная группа (активную роль в ней сыграла Ю.В.Вознесенская) обратилась в правление местного отделения Союза писателей РСФСР с просьбой разрешить им проведение публичных чтений своих стихов, издать подготовленный ими к печати поэтический сборник "*Лепта*", а также добиться согласие городских властей на торжественное празднование 90-летней годовщины со дня рождения великого русского поэта Н.С.Гумилева, исполнявшейся в апреле 1976 г. После долгих бюрократических мытарств деловые (и вполне конструктивные!) предложения участников "*Лепты*" были надежно упрятаны под сукно, что вынудило членов инициативной группы добиваться осуществления своей программы на собственный страх и риск.

16 апреля 1976 г. ленинградский поэт О.А.Охапкин, широко известный в "Самиздате", вместе со своим молодым другом, историком русской культуры В.Ю.Порешем провели у себя на квартире первый историко-литературный вечер памяти Гумилева, на который пришли несколько ценителей и знатоков его творчества. Собравшиеся читали по кругу чем-то особенно близкие им гумилевские стихи, горячо обсуждали прочитанное, после чего хозяева дома познакомили их с полным текстом замечательной поэмы Даниила АНДРЕЕВА "Ленинградский Апокалипсис" и новыми поэтическими работами Олега Охапкина. Естественным завершением первых "Чтений" была панихида по "угиенному рабу Божию" Николаю, отслуженная их участниками в одном из православных соборов Ленинграда.

С 1978 г. "Гумилевские чтения" начали проводиться ежегодно (16 апреля),¹ заполняя собой неестественный пробел в творческом освоении духовного наследия русской поэзии "Серебряного Века", который возник по вине тех, кто уже более шестидесяти лет безуспешно пытается вытравить само имя Гумилева из памяти его соотечественников. За это время состав постоянных участников "Чтений" значительно расширился. Примечательно, что в их работе принимают активное участие не только поэты и литературоведы, но и учащаяся

молодежь, научные работники негуманитарного профиля, люди разных профессий, разного возраста и религиозных убеждений.

Намечая программу "Чтений", их организаторы сочли целесообразным сконцентрировать свое внимание на трех основных темах: 1. религиозно-философский аспект поэзии Гумилева; 2. разыскание и популяризация литературного наследия акмеистов; 3. чтение и обсуждение новых стихов ленинградских поэтов "второй литературной действительности". Как показало время, такой подбор тем вполне отвечал интересам аудитории, трижды собиравшейся на "Чтения". Непринужденная атмосфера и свободный обмен мнениями между участниками этих историко-литературных вечеров позволили им серьезно, обстоятельно, без напыщенного "академизма" поговорить об актуальных проблемах русской поэзии, как одного из важнейших элементов нашей национальной культуры, и совместно наметить некоторые пути их решения.

Одной из таких, чрезвычайно интересных по замыслу и исполнению попыток был доклад В.Ю.Пореша "Гумилев как поэт-христианин",² открывавший после двухлетнего перерыва "Гумилевские чтения" 1978 г. Резко осудив декадентскую поэзию начала XX века, усиленно насаждавшую культ безбожия и аморализма (Брюсов, Городецкий, Маяковский и др.)³ докладчик увидел в творчестве Гумилева ту большую нравственную силу, которая активно противостояла духовной деградации русского общества. Гумилев был, по его мнению, тем эталоном *действенного христианина*, чья вера не только помогла ему стойко преодолевать мирские соблазны, но и открывала свет Божьей истины для других людей. После долгой, оживленной дискуссии участники "Чтения" горячо одобрили основную идею доклада Пореша, выразив в то же время вполне обоснованные сомнения в статичности идейных и эстетических позиций Гумилева на разных этапах его творчества, претерпевшего эволюцию от "мистического анархизма" юношеских лет к ясной просветленности предсмертных часов.

Именно эта мысль, подкрепленная фундаментальной подборкой гумилевских стихов, легла в основу пространного доклада О.А.Охапкина, обсуждение которого стало не только "стержнем" третьих "Гумилевских чтений", но и продолжалось на следующий год.⁴ Плоть от плоти окружавшей его с юности литературной среды, Гумилев прошел, по справедливому утверждению докладчика, все круги декадентского ада, далеко не всегда сохраняя в гноище богемы "незапятнан-

ность риз". Борение Добра и Зла, Господа и Сатаны, горечь греха и благодать искупительной молитвы – эти мотивы пронизывают все гумилевское творчество. Собственный поэтический опыт явно помог докладчику чутко уловить и верно оценить самые интимные, потаенные движения созвучной ему души. Тем ценнее и убедительнее были для слушателей не только общие, концептуальные выводы Охапкина – литературоведа, но и его частные наблюдения и комментарии к отдельным стихотворениям Гумилева. Особого внимания заслуживает, например, та веская, глубоко продуманная аргументация, которую он привел в защиту гумилевского авторства, напомнив участникам "Чтений" одного из его "апокрифических" стихотворений "тюремного" цикла:

В час вечерний, час заката
 Каравеллою крылатой
 Проплывает Петроград,
 И горит на рдяном диске
 Ангел твой на обелиске
 Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,
 Я – поэт, моряк и воин
 Не поддамся палачу.
 Пусть клеймят клеймом позорным,
 Знаю, сгустком крови черным
 За свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
 За сонеты и за шпагу.
 Знаю, строгий город мой
 В час вечерний, в час прощальный
 Каравеллою хрустальной
 Отвезет меня домой.

Как с формальной, так и с идейной точек зрения это поэтическое завещание Гумилева неотделимо от всего того, что было достоверно написано им в короткие промежутки между допросами на Гороховой улице, являясь тем завершающим штрихом, без которого остается эскизом картина самого великого мастера.

Теоретическое осмысление литературного наследия акмеистической школы всегда было в центре внимания участников "Чтений", однако они с неменьшим интересом встречали тематические обзоры новых материалов о Гумилеве и его окружении, выявленных по печатным и архивным источникам историком русской культуры И.Ф.Мартыновым. Начатая им еще на студенческой скамье работа над книгой, посвященной "трудам и дням" одного из талантливейших русских поэтов "Серебряного Века", продолжается по сей день, вовлекая в

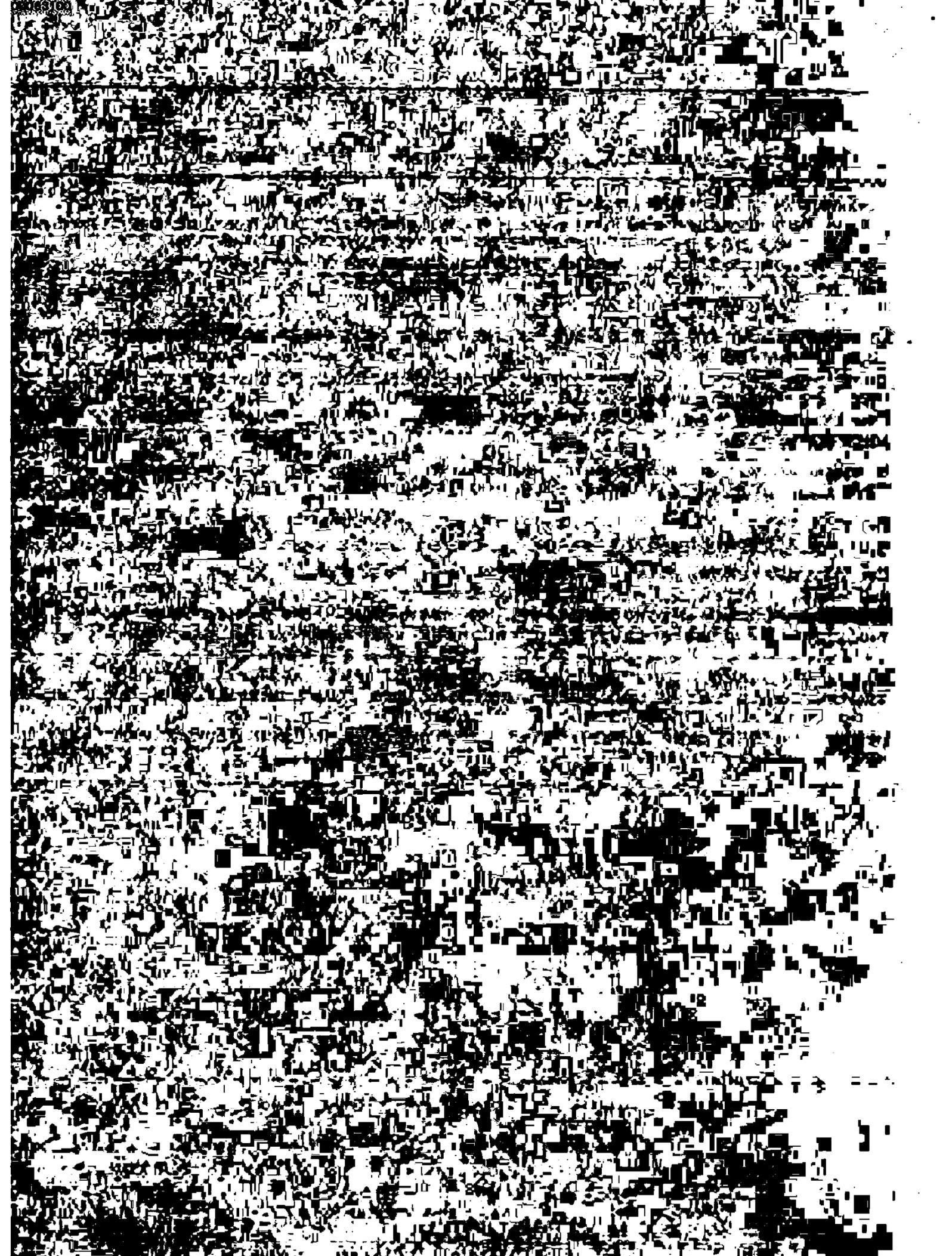
свою орбиту все более широкий круг имен, литературных памятников, фактов и событий. К сожалению, ее автору пока удалось опубликовать лишь незначительные фрагменты своей будущей книги.⁵ Тем ценнее и полезнее были для него все замечания, советы и дополнительные сведения, которые он получил от других участников "Чтений".

Доброй традицией этих историко-литературных вечеров, их естественным продолжением и логическим завершением стали публичные чтения новых, как правило нигде еще не публиковавшихся стихов их авторами - ленинградскими поэтами-нонконформистами. Различие эстетических платформ и далеко не адекватное отношение к акмеизму не мешало собираться за одним столом Олегу Охапкину и Владимиру Эрлю, Тамаре Буковской и Сергею Стратановскому. Все они ощущают себя законными наследниками петроградской школы поэтики, ее питомцами и продолжателями на новом витке истории России.

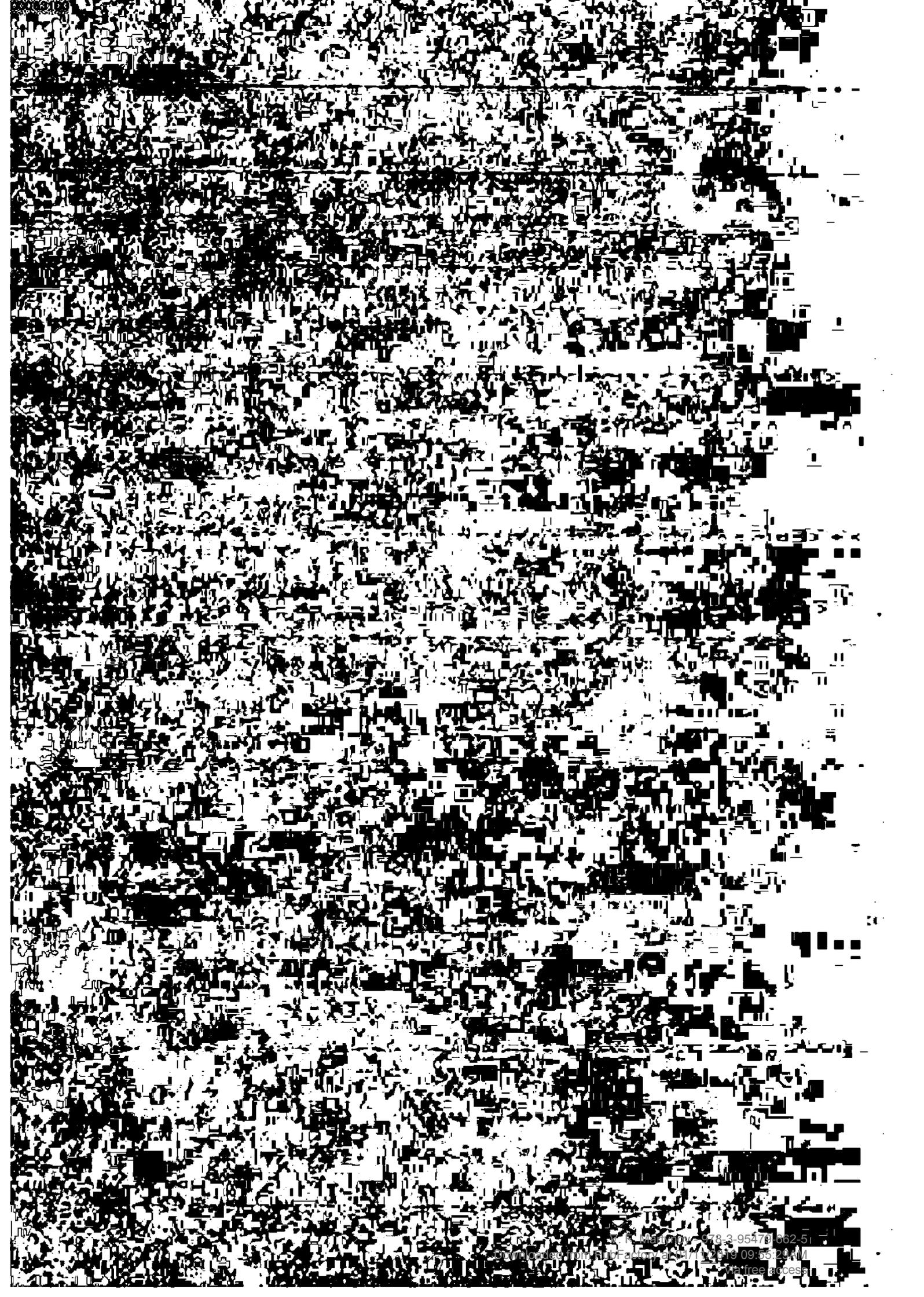
Конечно, далеко не все в работе "Гумилевских чтений" отвечало высшим академическим стандартам, да и трудно было этого ожидать. Атмосфера "полудозволенности" нередко привлекала на "Чтения" случайных людей из околосредственных кругов и, наоборот, отталкивала многих талантливых поэтов и историков культуры, не расставшихся до сих пор с конформистическими иллюзиями. Отсутствие заблаговременно выработанной программы каждого вечера, нерегламентированность выступлений и организационный сумбур вредили делу не меньше, чем скрытое, но достаточно активное противодействие официальных кругов. Хочется надеяться, что это издание повысит эффективность "Гумилевских чтений", как независимого, авторитетного и деятельного объединения людей, взявших на себя трудную, но почетную миссию хранителей лучших традиций "Серебряного Века" русской словесности, твердо верящих в их большое будущее.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В 1980 г. открытие "Гумилевских чтений" было отложено на два месяца в связи с тем, что именно в эти дни состоялся судебный процесс над одним из их организаторов - В.Ю.Порешем. 25 апреля он был осужден на пять лет "исправительно-трудовых" лагерей за свою общественно-религиозную деятельность. Отметим, что ни в ходе следствия, ни на суде выступления Пореша на "Чтениях" не квалифицировались, как "антисоветские" и противозаконные.
2. К сожалению, арест В.Ю.Пореша лишил нас возможности поместить здесь полный текст его доклада. Читатели, желающие поделиться с ним своими соображениями о творчестве Гумилева, могут писать ему по адресу: 618810. Пермская обл., Чусовский район. Ст. Всехсвятская, пос. Центральный ВС- 389/39. Порешу Владимиру Юрьевичу.
3. В приложениях к настоящему изданию мы публикуем некоторые материалы, подтверждающие эту точку зрения.
4. Полный текст доклада О.А.Охапкина публикуется им в одном из журналов русского Зарубежья.
5. См. опубликованную в журнале *Русская литература*, № 1, 1971, 125-134, статью о Петроградском Доме литераторов. Впоследствии, по просьбе этого журнала, Мартынов подготовил целую серию статей о литературных объединениях и салонах Петрограда 1917-1922 гг. ("Дом искусств", "Союз поэтов", "Островитяне" и др.), однако, получив положительные отзывы маститых литературоведов, а затем пролежав несколько лет в редакционном "портфеле", они были отвергнуты единоличным решением нового редактора "*Русской литературы*" В.В.Тимофеевой, как "аполитичные" и неактуальные.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
•
Н Е С О Б Р А Н Н О Е
ВАРИАНТЫ, ПЕРЕВОДЫ
ПРОЗА

Как показали наши новейшие разыскания в фондах государственных библиотек, архивов, музеев, а также некоторых частных собраний России, ученики Гумилева (прежде всего, Г.В.Иванов) сразу же после его расстрела провели большую и кропотливую работу по сохранению творческого наследия этого замечательного русского поэта. Свидетельством тому может служить посмертный сборник гумилевских *Стихотворений* (2-е изд., Пг., 1923), вобравший в себя все наиболее ценное из рукописей синдика Цеха поэтов, которые по тем или иным причинам оставались к тому времени неопубликованными. Выявленные нами автографы нескольких малоизвестных стихов Гумилева ("Вот девушка с газельими глазами..."¹ и др.) почти все, за небольшим исключением, текстуально совпадают с ивановскими публикациями, что лишний раз доказывает их авторитетность и полноту. Весьма существенные дополнения в основной корпус "Гумилевяны" внесли его четырехтомное *Собрание сочинений* (Вашингтон, 1962-1968) и однотомник *Неизданных стихов и писем* Гумилева (Париж, 1980) под редакцией проф. Г.П.Струве, практически подводящие черту под разысканиями в этом направлении.² Конечно, среди гумилевских автографов, хранящихся в малодоступных, либо совершенно недоступных исследователям государственных (ЦГАЛИ, архив Петрогубчека) и частных (М.С.Лесмана) коллекциях со временем могут быть обнаружены отдельные, пока еще неизвестные нам произведения его пера в стихах и прозе, однако они едва ли существенно дополнят наши представления о творчестве и личности одного из ведущих русских поэтов Серебряного Века.

Гораздо менее известен Гумилев, как переводчик и публицист. Публикуя в первом выпуске нашего ежегодника стихотворения А.Рембо и Ш.Бодлера, а также небольшой отрывок из поэмы Г.Гейне "Емини" - малую часть того, что было переведено им для издательства "Всемирная литература" (см. список гумилевских переводов), - мы в меру своих сил начинаем восполнять этот пробел. Те же соображения побудили нас познакомить читателей с известным пока лишь узкому кругу специалистов и библиофилов предисловием Гумилева к фацеции Тита Петрония Арбитра *Матрона из Эфеса* - ценным первоисточником сведений о его взглядах на модный в среде русских модернистов тех лет "дендизм", ставший основой цехового этикета для поэтов акмеистической школы.

Завершают публикацию два юношеских рассказа "Карты" и "Вверх по Нилу", напечатанные Гумилевым в его парижском журнале *Сириус* (1907). Слабые и подражательные, они, тем не менее, интересны для нас, как одно из немногочисленных свидетельств духовных исканий и заблуждений молодого поэта, сурово осужденного салоном Мережковских за "мистический анархизм" (НГ, с. 8).

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В альбоме Э.Ф.ГОЛЛЕРБАХА: под заглавием *Хокку*.
2. По вполне понятным причинам многие публикации Г.П.Струве нуждаются в дополнениях и примечаниях на базе материалов, отсутствующих в русском Зарубежье. Так, приведя окончательный текст "Молитвы мастеров" (СС, т.2, 56, 294-295), он не указывает на то, что ранняя редакция этого стихотворения была впервые прочитана Гумилевым 11 апреля 1921 г. в Доме литераторов на Бассейной и опубликована в его печатном органе - журнале *Вестник литературы* (1921, № 4-5, 21), вместе с "Канцоной второй" и стихотворением "Души" (в сб.: *Огненный столп* озаглавленным - "Память"). В архиве Петроградского Дома литераторов сохранились автографы трех этих стихотворений.

Отрадно отметить, что некоторые советские литературоведы, несмотря на официальное "табу", всеми доступными им способами пытаются ввести в научный оборот хотя бы отдельные фрагменты лежащей под спудом "Гумилевяны". Примером тому могут служить опубликованные в амстердамском журнале *Russian Literature* (1977-1981) "Заметки об акмеизме" Р.Д.Тименчика, отдельные материалы *Литературного наследия*, *Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского дома* и *Записок Отдела рукописей ГБЛ*, подготовленные к печати доктором филологических наук Н.А.Трифоновым, К.М.Азадовским, С.С.Гречишкиным, Н.В.Котрелевым, А.В.Лавровым и др. К сожалению, даже такая, вполне лояльная и уважаемая позиция одного из наиболее энергичных и талантливых публикаторов гумилевского наследия в СССР Константина Марковича Азадовского показалась кому-то недостаточно "правоверной", и он надолго лишился возможности заниматься научной работой, будучи осужден весной 1981 г. ленинградским судом на два года ИТЛ якобы "за хранение наркотиков".

З А Б Ы Т О Е

ОПАСЕНИЕ

Закат. Как змеи, волны гнутся
Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Сомлевших в буре берегов.

И только издали дошедший
Бурун, седой любимеу гроз,
Внесется, буйный, сумасшедший,
И грузно грянет на утес.

И лопнет с гиканьем и ревом,
Подбросив к небу пенный клочок...

...Но весел в море бирюзовом
С латинским парусом челнок!

И весел парус, кормчий ловок,
Дыша волной растущей мглы
И, от натянутых веревок,
Бодрящим запахом смолы.

МОТИВ ДЛЯ ГИТАРЫ

Ушла!.. Завяли ветки
Сирени голубой,
И даже чижик в клетке
Заплакал надо мной.

Что пользы, милый чижик,
Что пользы нам грустить?
Она теперь в Париже,
В Берлине, может быть.

Страшнее страшных пугал
Красивым честный путь,
И нам в наш бедный угол
Беглянки не вернуть!

От Знаменья псаломщик
В цилиндре на боку,
Большой, костлявый, тощий
Зайдет попить чайку.

Мы с ним играем в шашки
Иль дремлем в тишине,
Но бегают мурашки
По согнутой спине.

Мы ничего не знаем,
Ни как, ни почему,
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.

А песню вырвет мука,
Так старая она:
"Разлука, ты разлука,
Чужая сторона!"

*

И год второй к концу склоняется,
Но также реют знамена,
И также буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Вслед за ее крылатым гением,
Всегда играющим вничью,
С победной музыкой и пением
Войдут войска в столицу - чью?

И сосчитают ли потопленных
Во время трудных переправ,
Забывших на полях потоптанных
И громких в летописи слав?

Иль зори будущие, ясные
Увидят мир таким, как встарь:
- Огромные гвоздики красные

И на гвоздиках спит дикарь.

Мы будем делать, что нам велено!
Труба, реви, ружье, стреляй,
Граната, рой в земле расселины,
Подготавливая новый рай.

И ты светись, заря зловещая,
Пугая и чаруя нас;
Ведь время, как сибилла вещая,
Нам все расскажет в должный час.

1916

ТОСКА ПО МОРЮ

Я молчу - во взглядах видно горе,
Говорю - мои слова так злы!
Ах! когда ж я вновь увижу в море
Синие и темные валы,

Белый парус, белых, белых чаек
Или ночью длинный лунный мост,
Позабыв о прошлом и не чая
Ничего в грядущем кроме звезд!

Видно, я суровому Нерее
Смог когда-то очень угодить,
Что теперь - его, и не умею
Ни полей, ни леса полюбить.

Я томлюсь, мне многого не надо,
Только - моря с четырех сторон.
Не была ль сестрою мне наядя,
Нежным братом лапчатый тритон?

Боже! Будь я самым сильным князем,
Но живи от моря вдалеке,
Я б наверно, повалившись наземь,
Грыс ее и бил в глухой тоске.

После 1918

ПЕРСИДСКАЯ МИНИАТЮРА

Когда я кончу наконец
Играть в *caché-caché* со смертью хмурой,
То сделает меня Творец
Персидскую миниатюрой.

И небо, точно бирюза,
И принц, склонивший еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлет девических качелей.

С копьем окровавленным шах
Стремящийся тропой неверной
На киноварных высотах
За ускользящую серной.

И ни во сне, ни на яву
Невиданные туберозы,
И дымным вечером в траву
Уже наклоненные лозы.

А на обратной стороне
Как облака Тибета, чистой
Носить отрадно будет мне
Значек великого артиста.

Елагоухающий старик,
Негоциант или придворный,
Ко мне зажжется в тот же миг
Любовью острой и упорной.

Его однообразных дней
Звездой я буду путеводной,
Вино, любовниц и друзей
Я замену поочередно.

И вот когда я утолю
Без упоенья, без страданья
Всегдашнюю мечту мою
Будить повсюду обожанье.

П Е Р Е В О Д Ы

Ш. БОДЛЕР

МУЧЕНИЦА

Среди флаконов, ваз, среди материй сонных
И сладострастно-мягких соф,
Картин, и мраморов и платьев надушенных
В небрежных складках из шелков,
В нагретой комнате, где, как в оранжерее,
Опасен воздух роковой,
Где мертвые цветы, в гробах стеклянных млея,
Роняют вздох последний свой,
Там труп без головы в подушках пропадает,
А из него, как бы река,
Кровь красная бежит, и ткань ее впивает
С голодной алчностью песка.

Подобна призракам, рожденным тьмой ночью,
Но полным чар и волшебства,
Вся в драгоценностях, обвитая косою
Такою темной, голова -

На столике ночном, как репнонкул огромный,
Лежит; и уж без дум глядят
Открытые глаза, роняя смутный, темный,
Как-будто сумеречный, взгляд.

А туловище там, раскинуто впервые
В таком последнем забытьи,
Открыло, не стыдясь, не прячась, роковые
Нагие прелести свои.

На согнутой ноге остался, розовея,
Как память о былом чулок;
И пряжка, точно глаз алмазный пламенея,
Глядит и взгляд ее глубок.

Необычайный вид покинутого зала,
Картины, на которой кровь,
Что подстрекающий наверно взор бросала,
Рождает темную любовь,

И радость грешную и празднества ночные,
Проклятых поныне чудес,
Которым радовались ангелы дурные,

Таясь меж складками завес.
Но если посмотреть на поворот несмелый
Плеча изящного ея,
На худошавость ног, на стан оцепенелый,
Как разъяренная змея,
Она еще юна! - Ее душа пустая
И чувства скукой сожжены,
Открылись ли они остервенелой стае
Желаний чуждой стороны?
И тот, которого ты не могла, живую,
Своей любовью утолить,
Свои безмерные желанья над тобою
Насытил мертвой, может быть?
Ответь, нечистый труп! И голову за косы
Держа в трепещущих руках,
Запечатлел ли он последние вопросы
На ледяных твоих зубах?
Забывтое толпой, исполненной глумленья,
И любознательным судом,
Спи, безмятежно спи, о странное творенье,
В гробу таинственном твоём;
Твой муж скитается везде, но образ вечный
Твой бдит над ним, когда он спит;
Как ты ему теперь, и он тебе, конечно,
До смерти верность сохранит.

Английская народная баллада

АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЬ И ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВУШЕК

В Париже их девиц
Всех восемьдесят было,
Плясали на мосту,
Садилась на перила.
Такой, как у меня,
Никто не съест милой.

Пред ними молодой
Прошел король Английский
И всем, опричь меньшей,
Поклон отвесил низкий.

Такой, как у меня,
Никто не същдет милой.

- Что ж не хотите Вы,
Король, мне поклониться?

- Я вижу по глазам,
Что ты уж не девица.

Такой, как у меня,
Никто не същдет милой.

- Ты просто негодяй,
Узнай, король Английский! -

Он поднимает меч,
А я мой штык воинский.

Такой, как у меня,
Никто не същдет милой.

Он поднимает меч,
А я мой штык воинский,
Удар, еще удар,
И пал король Английский.

Такой, как у меня,
Никто не същдет милой.

Оставь Париж, ступай,
Где братьев ждут тринадцать,
За каждого хлебни
По очереди братца.

Такой, как у меня,
Никто не същдет милой.

ОСКАР УАЙЛЬД

СФИНКС

В глухом углу, сквозь мрак неясный
Угрюмой комнаты моей,

Следит за мной так много дней
Сфинкс молчаливый и прекрасный.

Не шевелится, не встает,
Недвижный, неприкосновенный,
Ему ничто - луны изменной
И солнц вращающихся ход.

Глубь серую сменяя красной,
Лучи луны придут, уйдут,
Но он и ночью будет тут,
И утром гнать его напрасно.

Заря сменяется зарей,
И старше делаются ночи,
А эта кошка смотрит, - очи
Каймой обвиты золотой.

Она лежит на мате пестром
И смотрит пристально на всех,
На смуглой шее вьется мех,
К ее ушам струится острым.

Ну что же, выступи теперь
Вперед, мой сенешаль чудесный!
Вперед, вперед, гротеск прелестный,
Полу-жена и полу-зверь.

Сфинкс восхитительный и томный,
Иди, у ног моих ложись,
Я буду гладить, точно рысь -
Твой мех пятнистый, мягкий, темный.

И я коснусь твоих когтей,
И я сожму твой хвост проворный,
Что обвился, как Аспид черный,
Вкруг лапы бархатной твоей.

*

Столетний счет тебе был велен,
Меж тем как я едва видал,
Как двадцать раз мой сад менял
На золотые ризы зелень.

Но пред тобою обелиск
Открыл свои иероглифы,
С тобой играли гиппогрифы
И вел беседы василиск.

Видала ль ты, как беспокоясь,
Изида к Озирису шла?
Как Египтянка сорвала
Перед Антонием свой пояс -

И жемчуг выпила, на стол
В притворном ужасе склоняясь,
Пока проконсул, насыщаясь
Соленой скумброй, пил рассол?

И как оплакан Афродитой
Был Адониса катафалк?
Вел не тебя ли Аменалк,
Бог, в Гелиополисе скрытый?

Ты знала ль Тота грозный вид,
Плач Ио у зеленых склонов,
Покрытых краской фараонов
Во тьме высоких пирамид?

*

Что ж, устремляя глаз сиянье
Атласное в окрестный мрак,
Иди у ног моих приляг
И пой свои воспоминанья.

Как со Святым Младенцем шла
С равнины Дева назаретской;
Ведь ты хранила сон их детский

И по пустыням их вела.

Пой мне о вечере багряном,
Том душном вечере, когда
Смех Антиноя, как вода,
Звенел в ладье пред Адрианом.

А ты была тогда одна
И так достать его хотела,
Раба, чей красен рот, а тело -
Слоновой кости белизна.

О Лабиринте, где упрямо
Бык угрожал из темноты;
О ночи, как пробралась ты
Через гранитный плинтус храма,
Когда сквозь пышный коридор
Летел багровый Ибис с криком,
И темный пот стекал по лицам
Поющих в страхе Мандрагор,
И плакал в вязком водоеме
Огромный, сонный крокодил
И, сбросив ожерелья в Нил,
Вернулся в тягостной истоме,
Не внемля жреческим псалмам,
Их змея смела ты похитить
И ускользнуть, и страсть насытить
У содрогающихся пальм.

*

Твои любовники... за счастье
Владеть тобой дрались они?
Кто проводил с тобой все дни?
Кто был сосудом сладострастья?
Перед тобою в тростниках
Гигантский Ящер пресмыкался,
Иль на тебя, как вихрь, бросался
Грифон с металлом на боках.

Иль брел к тебе неумолимый
Гиппопотам, открывши пасть,
Или в Драконах пела страсть,
Когда ты проходила мимо.

Иль из разрушенных гробов
Химера выбежала в гневе,
Чтобы в твоём несытом чреве
Зачать чудовищ и богов?

*

Иль были у тебя ночами
Желанья тайные, и в плен
Заманивала ты сирен
И нимф с хрустальными плечами?

Иль ты бежала в пене вод
К Сидонцу смуглому, заране
Услышать о Левиафане,
О том, что близок бегемот.

Иль ты, когда уж солнце село,
Прокрадывалась в мрак трущоб,
Где б отдал ласкам Эфиоп
Свое агатовое тело?

*

Иль ты в тот час, когда плоты
Стремятся вниз по Нилу тише,
Когда полет летучей мыши
Чуть виден в море темноты,
Ползла по краю загражденья,
Переплывала реку, в склеп
Входила, делала вертеп

Из пирамиды, царства тленья,
Пока, покорствуя судьбе,
Вставал мертвец из саркофага?
Иль ты манила Трагелага
Прекраснорогого к себе?
Иль влек тебя бог мух, грозящий
Евреям бог, который был
Вином обрызган? Иль берилл,
В глазах богини Пашт горящий?
Иль влюбчивый, как голубок
Астарты, юный бог тирийский?
Скажи, не бог ли ассирийский
Владеть тобой хотел и мог?
Чьи крылья вились над бесстрастным,
Как бы у ястреба, челом
И отливали серебром,
А кое-где горели красным?
Иль Апис нес к твоим ногам,
Свернув с назначенных тропинок,
Медово-золотых кувшинок
Медово-сладкий фимиам?

*

Как! Ты смеешься! Не любила,
Скажи, ты никого досель?
Нет, знаю я, Аммон постель
Делил с тобою возле Нила.
Его заслыша в тьме ночной,
Речные кони ржали в тине,
Он пахнул гальбаном пустыни,
Мидийским нардом и смолой.
Как оснащенная галера,
Он шел вдоль берега реки,

И волны делались легки,
И сумрак прятала пещера.
Так он пришел в долину той,
Где ты лежала ряд столетий,
И долго ждал, а на рассвете
Агат грудей нажал рукой
И стал твоим он, Бог двурогий,
Уста устами ты сожгла,
Ты тайным именем звала
Его и с ним была в чертоге.
Шептала ты ушам царя
Чудовищные прорицанья,
Чудовищные волхвованья
В крови тельцов и коз творя.
Да, ты была женой Аммона
В той спальне, словно дымный Нил,
Встречая страсти дикий пыл
Улыбкой древней, негой стона.

*

Он маслом умащал волну
Бровей, и мраморные члены
Пугали солнце, точно стены,
И бледной делали луну.
Спускались волосы до стана,
Желтей тех редкостных камней,
Что под одеждою своей
Несут купцы из Курдистана.
Лицо цвело, как муст вина,
Недавно сделанного в чанах,
Синее влаги в океанах
Синела взоров глубина.

А шея, плечи, на которых
Сеть жил казалась голубой,
И жемчуг искрился росой
На шелковых его уборах.

*

Поставленный на пьедестал,
Он весь горел - и слеп глядящий,
Затем, что изумруд горящий
На мраморной груди сиял.

Тот страшный камень, полнолуние
В себе сокрывший водолаз
Найдя его в Колхиде, раз
Колхидской подарил колдунье.

Бежали на его пути
Увенчанные корибанты,
Суровые слоны-гиганты
Склонялись, чтоб его везти.

Нубийцы смуглые рядами
Несли носилки, чтоб он мог
Смотреть в простор больших дорог
Под радужными веерами.

Ему янтарь и стеатит
Стремил корабль, хитро раскрашен,
Его ничтожнейшие чаши,
Нежнейший были хризолит.

Ему везли ларцы из кедра
С одеждой пышною купцы,
Носили шлейф за ним жрецы,
Им принцы одарялись щедро.

Пятьсот жрецов хранили дверь,
Пятьсот других молились, стоя
Пред алтарем его покоя

Гранитного, - и вот, теперь

Ехидны ползают открыто
Среди поверженных колонн,
А дом разрушен, и склонен
Надменный мрамор монолита.

Онагр приходит и шакал -
Дремать в разрушенных воротах,
Сатиры самок ищут в гротах,
Звеня в зазубренный цимбал.

И тихо на высокой крыше
Мартышка Горура среди мглы
Бормочет, слыша, как стволы
Растут сквозь мрамор, выше, выше.

*

А бог разбросан здесь и там:
Я видел каменную руку,
Все сжатую еще, на муку
Сыпучим данную пескам.

И часто, часто перед нею
Дрожала гордых негров рать
И тщетно думала поднять
Неслыханно большую шею.

И бородатый бедуин,
Бурнус откидывая пестрый,
Глядит часы на профил острый
Того, кто был твой паладин.

*

Иди, ищи обломки бога,
Омой их вечером в росе,
Один с другим сложи их все

И призывай их к жизни строго.

Иди, ищи их, где они

Лежат, составь из них Аммона

И в исковерканное лоно

Безумье прежнее вдохни.

Дразни словами потайными;

Тебя любил он, доброй будь!

Возлей на кудри нард, а грудь

Обвей полотнами тугими.

Вложи в ладони царский жезл

И выкрась губы соком ягод,

Пусть ткани пурпурные лягут

Вокруг его бесплодных чресл.

*

В Египет! Не страшна утрата!

Один лишь Бог сходил во тьму,

Пронзило бок лишь одному

Копье сурового солдата.

А эти? Нет, они живут!

Анубис все сидит в воротах,

Набрал он лотосов в болотах,

Они хребет твой обовьют.

И, на порфириное ложе

Облокотясь, глядит Мемнон

И каждым желтым утром он

Тебе поет одно и то же.

Нил с рогом сломанным все ждет

В постели тинистой, во мраке,

И на засохнувшие злаки

Не разливает мутных вод.

Никто из них не умер, быстро

Сбегутся все они, любя,

И будут целовать тебя
Под звон тимпана или систра.
Поставь же парус у ладьи,
Коней – у черной колесницы,
А если древние гробницы
Уже скучны тебе, иди
По следу льва, к его вертепам,
Поймай его среди диких скал
И умоляй, чтобы он стал
Твоим любовником свирепым.
С ним рядом ляг у тростника
И укуси укусом змея,
Когда ж он захрипит, слабея,
Ударь хвостом в свои бока.
И тигра вымани из грота,
Своим супругом называй
И на спине его въезжай
Через фиванские ворота.
Терзай его в пылу любви,
А если он кусаться будет,
Свали его ударом груди
И тяжелой лапой раздави.

•

Зачем ты медлишь? Прочь отсюда!
Ты мне ужасна с давних пор,
Меня томит твой долгий взор,
О, вечно-дремлющее чудо.
Ты задуваешь свет свечей
Своим дыханием протяжным,
И лоб мой делается влажным
От губительной росы ночей.

Твои глаза страшны, как луны,
Дрожащие на дне ручья,
Язык твой красен, как змея,
Которую тревожат струны.

Твой рот, как черная дыра,
Что факел или уголь красный
Прожег на пестроте прекрасной
Месопотамского ковра.

Прочь! Небо более не звездно.
Луна в восточные врата
Спешит, ее ладья пуста...
Прочь! Или будет слишком поздно.

Смотри, заря спугнула тень
Высоких башен, дождь струями
Вдоль окон льется и слезами
Туманный омрачает день.

Какая фурия в веселье
Тебя сквозь беспокойный мрак,
В питье царицы всыпав мак,
В студенческой забыла келье?

Какой нездешний грешный дух
Принес мне гибельный подарок?
О, если б свет мой был не ярок
И не приманивал вас двух!

Иль не осталось под луною
Проклятых более, чем я?
Абаны, Фарфара струя
Иссякла ль, что ты здесь, со мною?

О тайна, мерзкая вдвойне,
Пес ненавистный, прочь отсюда!
Ты пробуждаешь с жадой чуда
Все мысли скотские во мне.

Ты называешь веру нищей,
Ты вносишь чувственность в мой дом,
И Аттис с поднятым ножом
Меня, смущенного, был чище.

Злой Сфинкс! Злой Сфинкс! Уже с веслом
Старик Харон стоит в надежде
И ждет, но ты плыви с ним прежде,
А я останусь пред крестом.

Где слезы льются незаметно
Из утомленных скорбью глаз,
Они оплакивают нас
И всех оплакивают тщетно.

МОГИЛА ШЕЛЛИ

Как факелы вокруг одра больного,
Ряд кипарисов встал у белых плит,
Сова как бы на троне здесь сидит,
И блещет ящер спинкой бирюзовой.

И там, где в чашах вырос мак багровый,
В безмолвии одной из пирамид,
Наверно, Сфинкс какой-нибудь глядит,
На празднике усопших страж суровый.

Но пусть другие безмятежно спят
В земле, великой матери покоя, -
Твоя могила лучше во сто крат,

В пещере синей, с грохотом прибоя,
Где корабли во мрак погружены
У скал подмытой морем крутизны.

МИЛЬТОНУ

Я думаю, Мильтон, твой дух устал
Бродить у белых скал, высоких башен:
Наш пышный мир, так огненно раскрашен,
Стал пепельным, он скучен стал и мал;

А век комедией притворной стал,
Нам без нее наш день казался б страшен.

И, несмотря на блеск, на роскошь брашен,
 Мы годны лишь, чтоб рыть песчаный вал,
 Коль этот островок, любимый Богом,
 Коль Англия, лев моря, демагогам
 Тупым во власть досталась навсегда.
 Ах, эта ли страна на самом деле
 Держала три империи, когда
 О Демократии пронесся клич Кромвеля.

THEORETIKOS

Империя на глиняных ногах -
 Наш островок: ему уже не сродно
 Теперь все то, что гордо, благородно,
 И лавр его похитил некий враг;
 И не звенит тот голос на холмах,
 Что о свободе пел: а ты свободна,
 Моя душа! Беги, ты не пригодна
 В торгашеском гнезде, где на лотках
 Торгуют мудростью, благоговеньем,
 А чернь идет с угрюмым озлобленьем
 На светлое наследие веков.
 Мне жалко это; и, поверив чуду
 Искусства и культуры, я не буду
 Ни с Богом, ни среди Его врагов.

ФЕДРА

САРЕ БЕРНАР

Как скучно, суетно тебе теперь со всеми,
 Тебе, которой следовало быть
 В Италии с Мирандоло бродить
 В оливковых аллеях Академий,

Ломать в ручье тростник с мечтами теми,
Что Пан в него затрубит, и шалить
Меж девушек у моря, где проплыть
Мог важный Одиссей в своей триреме.

О, да! Наверно, некогда твой прах
Таился в урне греческой, и снова
Ты в скучный мир направила свой шаг,
Возненавидев сумрака оковы,
Унылых асфоделей череду
И холод губ, целующих в Аду.

П Р И М Е Ч А Н И Я

МОТИВ ДЛЯ ГИТАРЫ

Перв. публ.: *Новая жизнь*, 1914, № 3, 3. Впоследствии не перепечатывалось.

И ГОД ВОТРОЙ К КОНЦУ СКЛОНЯЕТСЯ...

Печ. по автографу (собр. П.Л.Вакселя). Опубл. в сб.: *Стихотворения*, Пб. 1923, 64-65, с совершенно иными пятой и шестой строфами, а также двумя разночтениями: с. 7 - "с победой, музыкой и пеньем"; с. 12 - "но громких..." Репринт в СС, т. 2, 139. Текст стихотворения, вероятно, несколько раз перерабатывался по цензурным соображениям. Примечательно, что осенью 1915 г. военная цензура исключила четвертую строку в стихотворении Гумилева "Наступление" и выбросила несколько строк в "Июле, 1914" А.А. Ахматовой. См.: *В тилу. Литературно-художественный альманах*, Пб. 1915, 13, 15.

ТОСКА ПО МОРЮ

Печ. по автографу (собр. П.Л.Вакселя). Опубл. в сб.: *Стихотворения*, Пб. 1923, 29-30, под заглавием "О.Н.Арбениной", без четвертой строфы, а также с двумя разночтениями: с. 4 - "синие и пенные валы"; с. 10 - "смог когда-то очень угодить". Репринт в СС, т. 2, 193.

ПЕРСИДСКАЯ МИНИАТЮРА

Печ. по автографу (собр. П.Л.Вакселя). Стихотворение включено в авторский рукописный сборник *Персия. Стихи* (вместе с "Подражанием персидскому" и "Пьяным дервишем"). На обложке примечание Гумилева: "Книга эта повторена не будет, а переписана она в одном экземпляре автором и иллюстрирована (четыре илл. - Ред.) им же. 14 февраля 1921 г.". В собрании Отдела рукописей ГБЛ имеется еще один автограф этого стихотворения. Первая публ. в сб.: *Огненный столп*, Пб. 1921, 30-31, со следующими разночтениями: с. 2 - "игру"; с. 6 - "и принц поднявший"; с. 12 - "за улетающею серной"; с. 15 - "и сладким вечером"; с. 23 - "взглянув, меня полюбит вмиг"; с. 31 - "старинную мечту мою". Репринт в СС, т. 2, 45-46; здесь же опубликован французский вариант "Персидской миниатюры" (с. 269-270). Уже в записных книжках Гумилева 1917 г. встречаются библиографические заметки, свидетельствующие о его обостренном интересе к персидской поэзии и живописи (СС, т. 4, 541). Полтора года спустя, возвратившись в Россию, он редактировал выполненный М.Л.Лозинским для издательства "Всемирная литература" перевод поэмы Фирдоуси "Шахнаме".

Г.ГЕЙНЕ. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ "БИМИНИ"

Печ. по автографу (собр. А.Е.Бурцева). Шесть заключительных строф поэмы. Как видно из книги авторских гонораров издательства "Всемирная литература", в январе-октябре 1920 г. Гумилев работал над переводом поэмы "Бимини" для четырехтомного *Собрания сочинений* ГЕЙНЕ под редакцией А.А.Блока. Годом раньше он перевел поэму "Атта Троль" и романсеро "Вицлипуцли".

А. РЕМБО. ГЛАСНЫЕ

Печ. по автографу (собр. А.Е.Зурцева). Как видно из книги авторских гонораров издательства "Всемирная литература", Гумилев перевел это стихотворение весной 1919 г. (23 мая 1919 г. ему был выплачен гонорар - 28 руб. - из расчета 2 руб. за строчку) для намечавшегося к выпуску в свет под его редакцией антологического сборника *Проклятие поэты* (Католог, 52-53). К сожалению, этот сборник, куда должны были войти стихотворения А.Рембо, Т.Корбье, Ш.Кро, М.Роллина и Ж.Жилькэна, так и остался в проекте. По-видимому, гумилевский перевод был первым и последним в него вкладом. Ср. с другим переводом "Гласных", выполненным А.А.Кублицкой-Пиоттух (РЕМБО А. *Стихотворения*, М. 1960, 82).

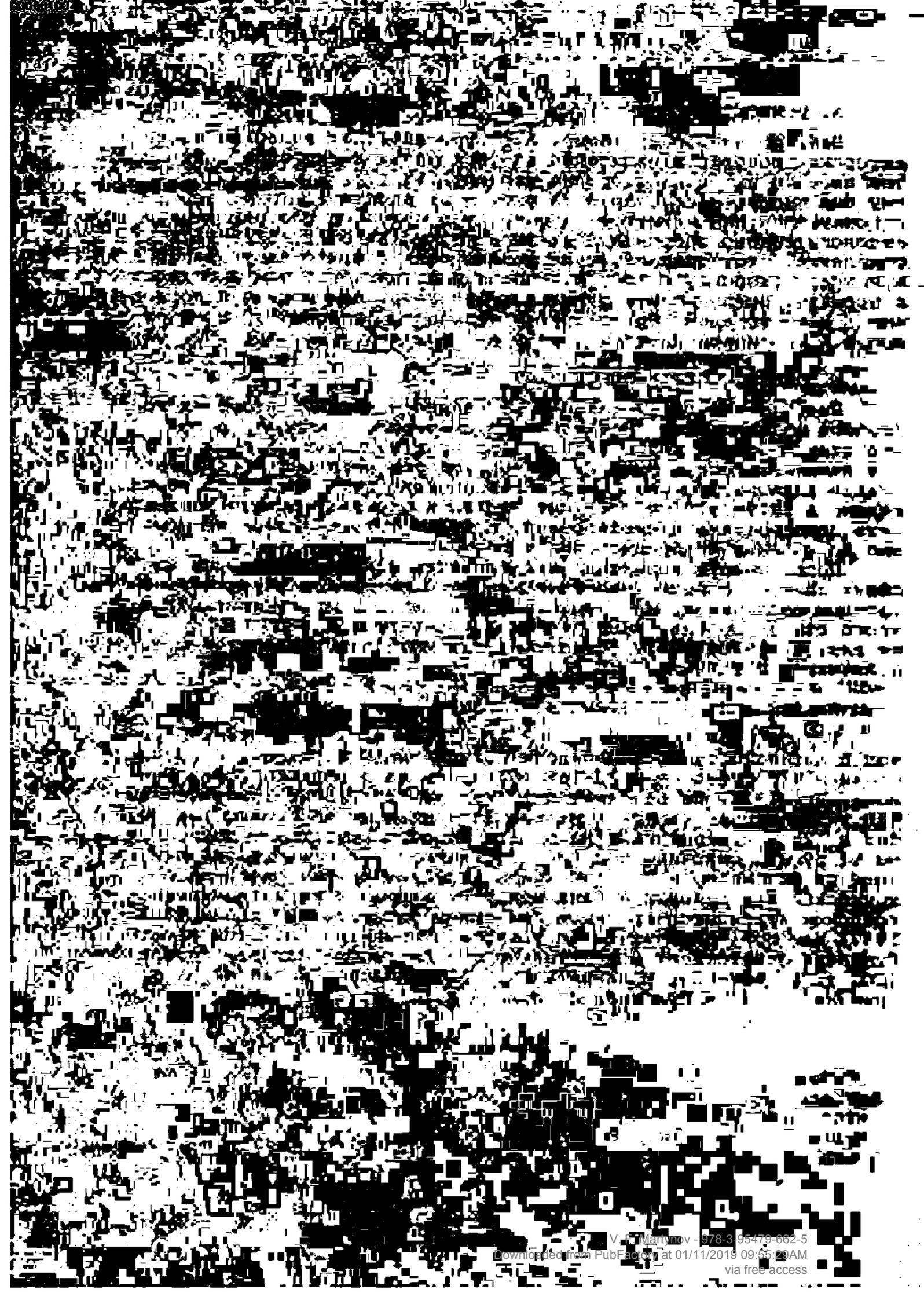
Ш. БОДЛЕР. СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Печ. по автографу (ИРЛИ). Как видно из книги авторских гонораров издательства "Всемирная литература", Гумилев перевел это стихотворение летом 1920 г. (гонорар выплачен 15 июля 1920 г.) для намечавшегося к выпуску в свет под его редакцией сборника стихов Бодлера. Помимо "Смерти любовников" Гумилевым было переведено в 1919-1920 гг. еще пятнадцать и отредактировано двадцать пять бодлеровских стихотворений, а кроме того написано не дошедшее до наших дней предисловие к сборнику.

После смерти редактора издательство исключило сборник из своих планов, а подготовленные для него материалы разошлись по частным коллекциям. Ср. гумилевский перевод с другим переводом этого стихотворения, выполненным К.Д.Бальмонтом (БОДЛЕР Ш. *Цветы зла*, М. 1970, 206). "Смерть любовников" переводили также А.Альвинг, В.В.Левик, А.Панов и Эллис.

ПРЕДИСЛОВИЕ К "МАТРОНЕ ИЗ ЭФЕСА"

Первое публ.: ТИТ ПЕТРОНИЙ АРБИТР, *Матрона из Эфеса*. Перевод с латинского, послесловие и примечания Г.И.Гидони. С предисловием Н.С.Гумилева и 12-тью гравюрами на дереве Григория Гидони, Пг. 1923, На об. тит. л.: "Издана Г.И.Гидони в количестве 550 экземпляров, из коих: первые 25 - именные на бумаге Van Gelder и 125 - нумерованные на бумаге высшего качества - раскрашены от руки и снабжены подписью сочинителя". В нашем распоряжении имеется экземпляр № 97 этой книги. Никаких других сведений о дружеских или деловых связях между Гумилевым и известным петроградским художником-графиком Григорием Иосифовичем Гидони (1895-1937) нам пока обнаружить не удалось. Упоминание об этой работе Гумилева отсутствует в двух важнейших библиографиях его трудов (СС, т. 4, 637-638; МАЛКИНА Е.Р., *Н.С.Гумилев. Произведения и критика о нем*. - Рукопись из архива А.Г.Фомина).

ЮНОШЕСКИЕ РАССКАЗЫ

КАРТЫ

Что селения наши убогие,
Все пространства и все времена!
У Отца есть обители многие.
Нам не ведомы их имена.

Ф. Сологуб

Древние маги любили уходить из мира, погружаться в соседние сферы, говорить о тайнах с Люцифером и вступать в брак с ундинами и сильфидами. Современные старательно подбирают крохи старого знания и полночью, в хмурой комнате, посреди каменного города вещими словами заклинаний призывают к своему магическому кругу духов бесформенных, страшных, но любимых за свою непостижимость.

Волшебный и обольстительный огонь зажег Бодлер в своем искусственном раю, и как ослепленные бабочки полетели к нему жадные искатели мировых приключений. Правда вслед за ними поспешили и ученые, чтобы как назойливые мухи испачкать все, к чему прикоснутся их липкие лапки. Восторги они называли галлюцинацией извращенного воображения.

Никто не слушал их перед светом Высшей правды существования иных вселенных и возможности для человека войти в новые, нездешние сады.

Виденья магов принадлежат областям нашего подсознательного я, астрального существования, чей центр по старым книгам - грудь, материя - кровь и душа - нервная сила.

Искусственный рай рождается скрытыми законами нашего тела, более мистического, чем это думают физиологи. И нам хочется наслаждений более тонких, более интеллектуальных, радующих своей насмешливой улыбкой небытия. Таким наслаждением являются карты, не игра в них, часто пошлая, часто страшная, нет, они сами, мир

их уединенных взаимоотношений и их жизнь прозрачная, как звон хрустальной пластинки.

Чтобы понять все, что я скажу сейчас, вспомните рисунки Обри Бердслея,¹ его удивительную Саломею, сидящую в бальном платье перед изящным туалетным столиком, и аббата Фанфрелюша в замке Прекрасной Елены, перелистывающего партитуру Вагнера.

Этими певучими гротесками, очаровательными несообразностями художник хотел рассказать людям то, что не может быть рассказано.

И всякий знающий сложное искусство приближений, угадываний и намеков, радостно улыбнется этим смеющимся тайнам и взглянет нежным взором на портрет Обри Бердслея, как странник, который на чужбинке случайно услышал родной язык.

Тот же способ подсказывания и намека я возьму для моей *causerie*² о картах.

Карты, их гармоничные линии и строго-обдуманые цвета ничего не говорят нам о прошлом, не владеют чарой атавистических воспоминаний; к будущему человечества и нашего сознания они так же великолепно-равнодушны. Они живут теперь же, когда о них думают, особой жизнью, по своим свойственным только им законам. И для того, чтобы рассказать эти законы, мне придется перевести их на язык человеческих чувств и представлений. Они много потеряют от этого, но если кто-нибудь не поленится и в ненастный осенний день раскроет ломберный стол и, разбросав по нему в беспорядке карты, начнет вдумываться в определенную физиономию каждой, я надеюсь, что он поймет их странное несложное бытие.

Тузы - это солнца карточного неба. Черной мудростью мудрый пиковый и надменный трефовый владеют ночью; день принадлежит царственно-веселому бубновому и пронизанному вещей любовью червонному.

Все четыре короля рождены под их влиянием и сохраняют отличительные черты своих повелителей; но они потеряли способность светиться собственным светом, для своего проявления они прибегают к сношениям с картами низшего порядка, они унижаются до эмоций: посмотрите, как пиковый бросает украдкой недовольные взоры на шаловливого юркого мальчишку, своего валета; трефовый упал еще ниже: он тяготеет к бессмысленно-добрым восьмеркам и неуклюжим девяткам. Короли бубновый и червонный стоят много выше, но все же и на них заметна печать оскудения.

Дамы, это вечная женственность, которая есть даже в нездешних мирах, влюблены в заносчивого, дерзкого бубнового валета; каждая сообразно своей индивидуальности. Пиковая обнимает его своими смуглыми худыми руками и поцелуй змеиных губ жжет как раскаленный уголек. Трефовая легким знаком приказывает ему приблизиться.

Бубновая, гордая *châtelaine*³ раздувает свои выточенные нервные ноздри и ждет, скрывая любовь и ревность.

И стыдливая червонная счастлива от ондой близости этого надменного мальчишки.

Юркий пиковый, положительный трефовый, избалованный бубновый и скверно-развратный червонный - таков мир валетов, мир попоек, драк и жестоких шалостей. Они любят издеваться и бросать нечистоты туда, в нижние ряды карт.

Там внизу уже нет жизни, есть только смутное растительное прозябание, бытие цифр, облеченных в одежду знаков. Но личность проглядывает и там. Один мой приятель обратил мое внимание, что пятерка имеет злое выражение. Я пригляделся к ним и заметил тоже самое. Если когда-нибудь будет революция знаков против цифр, в этом наверно окажутся виновными пятерки.

Из двоек таинственна только пиковая, хорошо знакомая любителям покера.

ВВЕРХ ПО НИЛУ. (ЛИСТЫ ИЗ ДНЕВНИКА)

9 мая.

Я устал от Каира, от солнца, туземцев, европейцев, декоративных жирафов и злых обезьян. Каждой ночью мне снится иная страна, знакомая и прекрасная, каждой ночью я ясно помню, что мне надо сделать, но просыпаясь забываю все. Проходят дни, недели, а я все еще в Каире.

11 мая.

Завтра решится все. Сегодня на вечере у французского консула я встретил высокого англичанина с надменной линией губ и детски-веселыми голубыми глазами. Мне сказали, что он художник и едет к истокам Нила. И при первом взгляде я понял, что он знает многое. Если вообще тайна жива среди арийских народов, то англичане чаще других владеют ею. Я пригласил его на кофе и с тревогой ждал ответа. Он обещал прийти.

12 мая.

- Сигару, мистер Тъери?

- Благодарю, мистер Грант.

- Говорят, в истоках Нила лихорадки и москиты.

- Да, но там есть также священные крокодилы особенной редкой породы, изумрудные.

- Арабы интереснее негров.

- Один нищий дервиш рассказал мне, что в тропических лесах еще могуче племя мудрых эфиопов под властью потомка короля-волхва Балтазара.

- Это вроде романов Райдера Хаггарда.

- Нисколько! Райдер Хаггард был доволен, встречая свирепых работорговцев, увертливых карликов и красивых девушек с белой кожей. Но мы, люди тысяча девятьсот шестого года, мы ищем скрытого. И мы находим тайны там, где Хаггард не увидел бы ничего, кроме высохшей пальмы и больной негритянки.

- Но где же золото, пурпур и роскошь черных царей?

- Вы видите эту золотую монету? Разве она радует Вас; а эти красные шелковые занавески, этот ковер из старой Персии, на котором быть может заклинали солнечных духов, все это слишком неискуссно скрывает свою тяжелую скуку. И мне кажется, что вот-вот и наши великолепные зданья вдруг раскроются неустержимым,

гигантским зевком. Я был бы огорчен, если бы в моем путешествии встретил что-нибудь подобное.

- Что же можно встретить?

- Новое познание, которое укажет другую сторону всех вещей. Найдите его и вы будете изумлены, как Вы могли считать облако атмосферическим явлением, когда оно на самом деле звездокрылая бабочка из царства примитивов Джиото. И кокосовый орех расскажет Вам больше, чем книги всего мира.

- Если Вы позволите, мистер Тьерри, я поеду с Вами.

- Тогда надо торопиться, мистер Грант, я выезжаю на рассвете.

24 мая.

Мы едем почти две недели и сегодня высадились на берег около маленькой пирамиды, неизвестной туристам. По близости не было ни души, и мы вошли в нее без проводника. Лестница вилась, поднималась и опускалась и внезапно окончилась пугающей заманчиво-черной ямой. Мистер Тьерри лениво пожал плечами и пошел на верх, а я привязал веревку к выступу скалы и начал спускаться, держа в руке смоляной факел, ронявший огненные капли в темноту. Скоро я добрался до сырого, растреснутого дна и, присев на камень, огляделся. Мой факел освещал только часть пещеры, старую, старую и странно родную.

Где-то сочилась вода. Валялись остатки рассыпавшейся мумии. Мелькнула и скрылась большая черная змея. - Она никогда не видела солнца, - с тревогой подумал я. Задумчивая жаба выползла из-за камня и видимо хотела подойти ко мне. Но ее пугал свет факела.

Мне стало вдруг так грустно, как никогда еще не бывало. Чтобы рассеяться, я подошел к стене и начал разбирать полустертую гиероглифическую надпись. Она была написана на очень старом египетском, много старше луврских папирусов. Только в Британском музее я видел такие же письма. Но должно быть благословение задумчивой жабы прояснило мой ум, я читал и понимал. Это не был рассказ о старых битвах или рецепт приготовления мумий. Это были слова, полные сладким пьяным огнем, которые ложились на душу и преображали ее, давая новые взоры, способные понять все.

Я плакал слезами благодарности и чувствовал, что теперь мир переменится, одно слово... и новое солнце заплещет в золотистой лазури и все ошибки превратятся в цветы.

Мой факел затрещал и начал гаснуть. Но я прочитал довольно. Я начал подниматься и при последней вспышке огня опять увидел черную змею, мелькнувшую неясным предостережением, и милые, милые святые буквы.

Я без труда отыскал мистера Тьеры, который сидел неподалеку и рисовал мертвого крокодила. При моем приближении он поднял на меня свои детские, незнающие глаза. Я улыбнулся и сказал мое таинственное слово, которое я принес из глубин пирамиды. Солнце закружилось, запрыгало и покатилося как черный шар в бездонность, а на его месте загорелись слова: - Ты не дочитал, несчастный, и то, что ты сказал - яд! В ужасе упал я на землю и как сквозь сон слышал встревоженный земной голос: "Что с Вами, мистер Грант".

17 июня.

Три недели пролежал я в сильной нильской лихорадке и только сегодня могу снова приняться за дневник. Мистер Тьеры привез меня обратно в Каир и ужасивал за мной, как за ребенком. Но кажется он о чем-то догадывается, потому что когда я сказал ему, что мы должны возвратиться к пирамиде, он начал распространяться о неоплатониках и их солнечных заклинаниях и, наконец, почти не скрываясь: - Бойтесь задумчивых жаб.

Откуда он знает?

П Р И М Е Ч А Н И Я

КАРТЫ

Перв. публ.: *Сириус*, Париж 1907, № 2. До наших дней дошел, по-видимому, всего лишь один экземпляр этого двухнедельного журнала "литературы и искусства", хранящийся в ГПБ (СС, т. 1, с. XI-XII). Помимо Н.С.Гумилева, возглавившего литературный отдел "Сириуса", в состав редакции (Paris, 25, Rue de la Gaite) входили два молодых русских художника и искусствоведа Мстислав Владимирович Фармаковский (1873-1946) (критический отдел) и Александр Иванович Божерянов (художественный отдел). "Мы любим все, - писали они в своей программной статье, - что даст эстетический трепет нашей душе, будет ли это развратная, но роскошная Помпея, или Новый Египет, где времена сплелись в безумьи и пляске, или золотое Средневековье, или наше время, строгое и задумчивое. Мы не будем поклоняться кумирам; искусство не будет рабыней для домашних услуг, ибо искусство так разнообразно, что свести его к какой-либо цели, хотя бы и для спасения человечества, есть мерзость перед Господом" (№ I). За полтора месяца существования этой литературной эфемериды Гумилев напечатал здесь под псевдонимом "К-о" стихотворение "Франция" (№ I; СС, т. 2, 122-123) и еще один свой поэтический опыт - первый вариант "Неоромантической сказки" (№ 3), два рассказа "Карты" и "Вверх по Нилу" (под псевдонимом "Анатолий Грант"), а также отрывок из незаконченного романа "Гибели обреченные" (№№ 1 - 3 СС, т. 4, 83-86), подписанный его подлинной фамилией. Помимо этого на страницах "Сириуса" увидели свет первая стихотворная публикация А.А.Горенко-Ахматовой (Анны Г.) "На руке его много блестящих колец..." (№ 2), цикл ученических стихов Александра Биска (в 1912 г. увидел свет его стихотворный сборник *Расписанное ожерелье*, а семь лет спустя - книга переводов из Р.-М.Рильке) "Бледная девушка..." (№ 2) и компилятивный очерк М.В.Фармаковского "Помпейи" (№ 1). Согласно программе, журнал печатался на бумаге высших сортов, в красивой декадентской обложке и был богато иллюстрирован работами художников-модернистов А.И.Божерянова, С.И.Данишевского (1870-1944), Я.И.Николадзе (1876-1951), М.В.Фармаковского и А.И.Финкельштейна. Известно, что Гумилев пытался привлечь к участию в "Сириусе" В.Я.Брюсова и других известных русских литераторов того времени, однако не имел успеха (НГ, с. 9, II, 14-15), после чего парижский журнал группы молодых петербургских эстетов быстро зачах и прекратился на третьем выпуске.

1. Бердсли Обри (1872-1898), английский художник и литератор-декадент, друг О.Уайльда и иллюстратор многих его произведений. Примечательно, что рецензия В.Я.Брюсова на первую книгу стихов Гумилева *Путь конквистадоров* была напечатана в том же номере *Весов*, 1905, № 11, где увидели свет на русском языке "романтическая новелла" Бердсли "Под холмом" (с иллюстрациями автора "Аббат Фанфрелюш" и "Туалет Елены", рассказ "Застольная болтовня", а также критико-биографический очерк В.Пика "Обри Бердслей").
2. болтовня (франц.)
3. владелица замка (франц.)

ВВЕРХ ПО НИЛУ. (ЛИСТЫ ИЗ ДНЕВНИКА)

Перв. публ.: *Сириус*, Париж 1907, № 3. С юношеских лет до последних дней своей жизни Гумилев проявлял живой интерес к творчеству известного английского писателя Г.Р.Хаггарда (1856-1925), автора "колониальных" и исторических романов, герои которых - отважные путешественники и авантюристы претерпевали самые невероятные, экзотические приключения с явным налетом мистики. Летом 1920 г., по заданию издательства "Всемирная литература", Гумилевым был отредактирован и снабжен предисловием русский перевод его знаменитого романа "Аллан Кватерман".

Образ "задумчивой жабы", воплотившей в себе таинственные силы тьмы, мог возникнуть у Гумилева (как указал нам В.И.Эрль) под влиянием некоторых рассказов Г.Мейринка. См.: Г.МЕЙРИНК, *Лиловая смерть. Рассказы.*, Пг. 1923, 19-21 ("Проклятье жабы").

Н.С.ГУМИЛЕВ

ЗАБЫТЫЕ "ПИСЬМА О РУССКОЙ ПОЭЗИИ"
(РЕЦЕНЗИИ ИЗ ГАЗЕТЫ *РЕЧЬ* И ЖУРНАЛА *ГИПЕРБОРЕЙ*
1908-1909, 1912 гг.)

Г. М.А.Кузмин. Сети. Первая книга стихов. М. "Скорпион", 1908.

Кузмин - поэт любви, именно поэт, а не певец. В его стихах нет ни глубины, ни нежности романтизма.

Его глубина чисто языческая, и он идет по пути, намеченному Платоном - от Афродиты Простонародной к Афродите Урании. В первой части своей книги он по-новому любовно относится к обыденности.

Все принять, все полюбить без пафоса, смотреть на вещи, как на милых бессловесных братьев, - вот чего хочет его сердце, усталое от гордых слов и отвлечений. Но уже во второй части его душа затосковала о красоте. Он не хочет говорить об окружающем его, он понял, что единственная реальность - это мир мечты. Отдел "Ракеты" - тонкий абрис романа XVIII века, когда любовь и смерть казались одинаково легкими, напоминает рисунки Сомова.¹

Но Кузмин не останавливается на стилизации, он сам чувствует, что вносит в позу дэнди всю наивность молодой "расы" и спешит к мистицизму - истинному воплощению славянской души. И отдел "Александрийских песен" дает нам жизнь в высшем плане. Во-истину, не позади, но впереди нас его Александрия.

Стиль Кузмина спокойный и красивый при всей своей причудливости. Многое кажется слишком смелым. Но он знает, как толстая броня читательского равнодушия и старается пробить ее намеренными изящными прозаизмами, шутливостью поворотов мысли. Вместе с Верленом разделяет он ненависть к так называемой литературе.

Стих выразительный, сам определяющий интонацию голоса при чтении. Оригинальность размеров, звонкость рифм, все это опьяняет и восхищает даже наше время Брюсова, Бальмонта и Блока.

Но Кузмина все же нельзя поставить в числе лучших современных поэтов, потому что он является рассказчиком только своей души, своеобразной, тонкой, но не сильной и слишком далеко ушедшей от тех вопросов, которые определяют творчество истинных мастеров.

II. Валерий Брюсов. Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. 2. Риму и миру. Венок (1901-1905). М. "Скорпион", 1908. Цена 2 руб.

За последнее время Брюсову посвящались целые статьи, о нем писали лучшие критики и было бы странно в небольшой рецензии пытаться охарактеризовать его творчество, такое сложное и в сложном единое. Зато перед рецензентом появляется другая задача: отметить хотя бы в общих чертах те особенности формы и мысли, которые отличают 2-й том "Путей и перепутья" от 1-го. И прежде всего бросается в глаза цельность плана и твердое решение следовать по пути символизма, которое в первом томе иногда ослаблялось уклонами в сторону декадентства и импрессионизма. Брюсов оперирует только с двумя величинами "я" и "мир" и в строгих, лишенных всего случайного схемах дает различные возможности их взаимоотношения. Он открывает новые горизонты к выяснению вопроса оприятии мира, перенося события в высший план мысли, где этическое мерило теряет свою силу и уступает место мерилу эстетическому. По мановению его руки в нашем мире снова расцветают цветы, которые опьяняли взор ассирийских царей, и страсть становится бессмертной, как во время богини Астарты.

Мир опять прекрасен и с избытком искупает сам себя:

"...И есть иль нет дорога сквозь гроба,
Я был! я есмь! мне вечности не надо!"¹

Отличительная черта дум Брюсова - это их благородство.

Даже в самых враждебных ему кругах Брюсов заслужил репутацию мастера формы. Он разделяет мечты Малларме² и Рене Гиля³ о возвращении слову его метафизической ценности, но не прибегает ни к неологизмам, ни к намеренным синтаксическим трудностям. Строгим выбором выражений, отточенной ясностью мысли и медной музыкой фраз он достигает результатов, которые не всегда доставались на долю его французских собратьев. Вечно-непокорное слово уже не борется с ним; оно нашло своего господина.

Последнее время часто слышатся нападки на Брюсова из самых противоположных лагерей. Его упрекают в гордости, в самомнении, в презрении к реальной жизни. В этом нет ничего удивительного. Уже давно люди привыкли считать поэтов чиновниками литературного ведомства, забыли, что духовно они ведут свой род от Орфея, Гомера и Данте. Брюсову поставлено в вину, что он это вспомнил.

III. Сергей Штейн. Славянские поэты. Николай I Черниговский. Иован Иованович Змай. - Иован Илич. - Воислав Илич. - Иован Дучич. - Антон Ашкерц. - Отон Жупанчич. - Казимир Тетмайер. - Карл Гавличек-Боровский. Переводы и характеристики. СПб. 1908.

Переводчик посвящает свой труд "желанным дням объединения" и надеется, что скоро "все ручьи сольются вновь в едином всеславянском море". С целью помочь этому слиянию, он предлагает читателю девять выдающихся славянских поэтов в образцах и характеристиках. Имена выбраны тщательно, даваемые о них сведения интересны и ценны, переводы сделаны любовно.

Интереснее других Антон Ашкерц,¹ словенский поэт-эпик. В его стихах есть нежная задумчивость южной славянской души, красивые образцы, но и только. Сильные переживания, могучие мысли, которые определяют духовный облик поэтов, все это совершенно отсутствует в его стихах, как впрочем и у его товарищей по книге.

Неудачным кажется включение в эту книгу прекрасного польского поэта Казимира Тетмайера.² Нельзя же серьезно поставить глубоко польскую культуру наряду с молодыми культурами южных славян. Ведь тогда следовало бы включить в книгу и русских.

IV. Алексей Ремизов. Часы. Роман. СПб. Книгоиздательство "Еос", 1908. Цена 1 рубль.

Можно ли построить роман не работой мозга, а работой нервов? Ремизов своими "Часами" показывает, что это невозможно. В самом деле, теперь, когда так велик наплыв в литературу людей безграмотных и бездарных, но старающихся перещегоолять друг друга оригинальностью, истинные творцы должны особенно беречь культ формы, делающий их завоевания не бесплодными и роднящий их с драгоценными заветами старины: и с пластичностью Эллады, и с золотыми молниями романтизма, и с патриархальной простотой натурализма. Мы стосковались по строгому искусству, нас влекут не крикливые афиши современных выставок, а уже испытанные очарования музеев. Мы любим писателей-продолжателей, писателей с длинной родословной. Но для Ремизова нет прошлого. Его творчество возводит свой род не дальше Андрея Белого и Пшибышевского.¹ Подобно последнему, он подходит к душевным переживаниям не со строгим художественным методом, а растерянно, как фотограф, которому поручено сфотографировать бурю. Он нагромождает подробность на подробность, с каж-

дой страницей теряет руководящую нить и совершенно забывает правила перспективы, так что иногда не на шутку кажется, что вся суть романа в каком-то старике (обломке Карамазова-отца), голова которого "набита тараканьими яйцами". Зачем? Не знаю и не хочу догадываться. Эти "карманные символы", больше похожие на ребусы из детских журналов, начинают серьезно надоедать.

Манера, в которой написан весь роман, утомляет и раздражает. Многие страницы невозможно прочесть: в них нет существительных, и поэтому не знаешь, о ком собственно говорит автор.

А там, где Ремизов членоразделен, он придумывает "ужасики" вроде вышеприведенного. Даже его стиль, такой грациозный, такой неожиданный, в "часах" становится натянутым и болезненно-деланным.

Иногда он унижается даже до размеренной прозы - самого позорного изобретения бездарных людей. Пример на 21-й странице:

"На каланче пожарный, закутанный в овчину, в своей ужасной каске, вдруг встрепенулся и, тупо вперясь глазами в город, искал пожара..."

Мне грустно, что, говоря о Ремизове, я не имею места поговорить о восхитительных страницах его "Посолони",² об эпически задумчивом "Лимонаре".³ Ремизов - истинный писатель, и поэтому особенно горько видеть его имя под такими явно слабыми вещами, как "Часы".

V. Федор Сологуб. Пламенный круг. Стихи. Книга 8-я. М. Издание журнала "Золотое Руно", 1908. Цена 1 руб. 25 коп.

Странным свойством обладают стихи Сологуба. Их прочтешь в журналах, в газетах, удивишься их изысканной форме и забудешь в сутолоке дня. Но после, может быть через несколько месяцев, когда останешься один и печален, вдруг какая-то странная и близкая мелодия зазвенит на струнах души и вспоминаешь какое-нибудь стихотворение Сологуба, один раз прочитанное, но все целиком. И ни одно не забывается совершенно. Все они обладают способностью звезд проявляться в тот или другой час ночного безмолвия.

Я объясняю это тем, что Сологуб избегает случайного, жемчуг его переживаний принесен из глубин, где все души сливаются в одну мировую. В своем творчестве он следует заветам Шопенгауэра:¹ отрекается от воли ради созерцания. Но в каждой фразе его, в каждом образе чувствуется, как была трудна эта победа, и чуткий читатель на каждом шагу находит окаменевшие, но еще не остывшие мол-

нии страсти и желанья. Успокоенность Сологуба ранит больше, чем мятежность других.

В "Номо Sapiens" Пшибышевского² мельком говорится о человеке, во взгляде которого чудились надломленные крылья большой белой птицы. Несколько лет тому назад это казалось идеалом судьбы человека. Могучий взлет, беспощадное падение, а потом безмолвие отчаяния.

Но Сологуб не пошел по этому пути. В долине скорби он обрел нежное нежалящее солнце и нашел сладость в соке горьких подземных трав. Вот призывает он людей полюбоваться его сокровищами: окровавленным идолом полинезийских деревень, гибкими стеблями полыни и грешной алоостью рубина. Он уже не светлый и могучий, стремящийся к Богу, он ворожащий колдун, у которого есть свой рай на звезде Маир. Перешедшее предел огня, где погибает все живое, его творчество живет иным бытием, оно похоже на свинцовые воды заколдованного озера, где отражается весь мир, но отражается преображенным, и, взглядываясь в него, кажется, что все иное - тень и бредовое безумье.

Переходя к формальной стороне творчества Сологуба, прежде всего останавливаешься на сложном механизме его приемов. Темы его вечно-близки и вечно-новы: ласкающая смерть, любовь без желанья, грусть и порыв к мятежу. Но для каждой есть новый образ, слова, волнующие своей неожиданностью. Как все большие художники, Сологуб избегает называть вещи их именами; часто он дает только одну черту какого-нибудь события, но настолько сильную и меткую, что она заменяет страницы описанья.

Стих его мягкий и певучий, лишен и медной звонкости брусковского стиха, и неожиданных поворотов блоковского. Но зато он и менее подвергся влиянию старых мастеров, в нем при той же пленительности чувствуется меньше литературности.

В книге "Пламенный круг" есть стихотворения старше и по тому одному менее сильные. Но они удачно вплетены в общий строй книги и служат скрепами, связующими ее отдельные моменты.

Книга издана так, как ей и следует быть изданной: красиво и просто.

VI. Андрей Белый. Урна. Стихотворения. М. "Гриф", 1909.

Цена 1 рубль.

Из всего поколения старших символистов Андрей Белый наиме-

нее культурен, – не книжной культурой ученых, чем-то вроде сиамского ордена, который ценится только за то, что его трудно получить, и он мало у кого есть, – в этой культуре он силен, он и о "марбургском философе"¹ напишет и о "золотом треугольнике Хирама",² – а истинной культуры человечества, которая учит уважению и самокритике, входит в плоть и кровь и кладет отпечаток на каждую мысль, каждое движение человека. Как-то не представляется, что он бывал в Лувре, читал Гомера... И я сужу сейчас не по "Пеплу"³ и не по "Кубку мятежей",⁴ – им судья Бог, а по всей творческой деятельности Андрея Белого, за которой я слежу давно с интересом. Почему с интересом, будет видно из дальнейшего.

Поэт Андрей Белый быстро усвоил все тонкости современной стихотворной техники. Так варвар сразу принимает, что не надо есть рубы ножом, носить зимою цветных воротников и писать сонетов в девятнадцать строк (как это недавно сделал один небезызвестный поэт).⁵ Он пользуется и свободным стихом, и аллитерациями, и внутренними рифмами. Но написать правильное стихотворение, с четкими и выпуклыми образами и без шумихи ненужных слов он не может. В этом он уступает даже третьестепенным поэтам прошлого, вроде Бенедиктова, Мея или Каролины Павловой.⁶ И сильно можно поспорить против его понимания четырехстопного ямба, размера, которым написана вся "Урна". Следя за развитием ямба у Пушкина, мы видим, что великий Мэтр все больше и больше склоняется в сторону применения четвертого пеона, как придающего наибольшую звучность стиху.⁷ Непонятно, почему Андрей Белый отказывается от такого важного средства придать жизнь своим часто деревянным стихам.

Но в чем же чара Андрея Белого, почему о нем хочется думать и говорить? Потому, что у его творчества есть мотивы, и эти мотивы воистину глубоки и необычны. У него есть враги – время и пространство, есть друзья – вечность, конечная цель. Он конкретизирует эти отвлеченные понятия, противопоставляет им свое личное "я"; они для него реальные существа его мира. Соединяя слишком воздушные краски старых поэтов со слишком тяжелыми и резкими современных, он достигает удивительных эффектов, доказывающих, что мир его мечты действительно великолепен:

"Атласные, красные розы,
Печальный хрустальный фонтан..."⁸

Читатель останется недоволен моей рецензией. Ему непременно

захочется узнать, хвалю я или браню Андрея Белого. На этот вопрос я не отвечу. Еще не наступил час итогов.⁹

VII. И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений. СПб. 1909. Цена 80 коп.¹

Автор прав, говоря, что его книга "одно в себе".² Это настоящий роман, но без фабулы, без картин. Пусть в нем появляются то Пушкин, то Гейне, то Ибсен, то Достоевский, мы чувствуем, что это только личины, которые автор по странному, а, может быть, и глубоко обоснованному капризу не пожелал претворять в собственные образцы, и что единство времени и места соблюдены с точностью почти педантической. Но что в наше время пленительнее педантизма?

Время Эклезиаста прошло безвозвратно. "Суета сует и всяческая суета" для нас только "медь звенящая, кимвал бряцающий". Мир стал больше человека, и теперь только гимназисты (о эти вечные гимназисты мысли!), затосковав, шалют с пессимизмом. Взрослый человек (много ли их?) рад борьбе. Он гибок, он силен, он верит в свое право найти землю, где можно было бы жить. Мне представляется, что автор "Книги отражений", почуввав первое веянье древней тоски,³ не улыбнулся и не нахмурился, а вздохнул облегченно, как человек, наконец, нашедший свое дело. Колдовством своей бессонной мысли, как Аэндорская волшебница,⁴ стал вызывать он тени былых пророков и царей, чтобы говорить с ними о деле жизни. И они открыли свои тайные лица, такие неожиданные и странно знакомые. Вот Гейне, замученный жизнью, как конквистадор ацтеками, плачет и смеется в одно и то же время. Гамлет открывает, наконец, свою роковую тайну — вечное сомнение в своем происхождении. И Достоевский, алмазное солнце мысли, говорит, что нет ни счастья, ни печали, один холод созерцания. Но зорко смотрит вызывающий тени, ничего не принимает на веру, ничему не говорит ни своего "да", ни своего "нет".

Книга Анненского сама нуждается в отражении, чтобы быть понятой.

Помимо многого, о чем не место говорить в коротенькой рецензии, в книгах Анненского особенно радует редкая чисто-европейская дисциплина ума. Он любит мелочи, детали нашей культуры и умеет связывать их с целым. Нам кажется неважным, кем рожден Гамлет, убитым ли королем, или его убийцей, Анненский подробно разбирает вопрос и находит нити, связывающие судьбу датского принца с нашей.

На основании одной только "Тамани" он открывает нам всего Лермонтова и, может быть, не столько Лермонтова, сколько "Того" тайного, веселого охотника за солнцами, будущего человека.

Как систематик, разбирает он сцепление идей в "Преступлении и наказании", снабжает свою статью чертежом. Но он всегда поэт, и каждая страница его книги обжигает душу подлинным огнем.

VIII. Владимир Пяст. Ограда. Книга стихов. М. Изд. т-ва М.О.Вольф, 1909. Цена 75 коп.¹

В книге встречаются несколько эпиграфов из Эдгара По, в литературных кругах говорили о влиянии его на молодого поэта. Но, по-моему, последний ближе английским прерафаэлитам,² чем великому математику чувства. Та же задумчивость, то же отсутствие позы и естественное благородство линий. Только, пожалуй, больше мягкости, переходящей иногда в расплывчатость, туманность непродуманного мистицизма. Вообще это отличительное свойство данной книги — усталость многоиспытавшей крылатой души, за которой не поспевает мысль.

Мысль, как литературный прием, у Пяста особенно находится в загоне. Он даже, как будто, бравировал своим отношением к ней, создавая стихотворения, где нет ничего, кроме образа, страстного порыва. Его переживания исчисляются секундами, но как светлы эти секунды. И стихи его, сплошь и рядом лишенные структуры, живут, как пущенная стрела, пронизывающим их трепетом полета. Иногда чувство доходит до такой напряженности, что создает почти явственный слепок мгновения. Таково стихотворение, начинающееся словами:

"Мы замерли в торжественном обете,
Мы поняли, что мы — Господни дети..."³

Как технику, Пясту недостает многого: излюбленные им тердактические рифмы раздражают ухо, стих не глубок, порой вял и особенно чувствительна бедность языка. Хотя, с другой стороны, иное богатство приводит к тому, что воображаешь себя в лавченке торговца редкостями посреди всех этих отравленных стрел, морских ежей, подсвечников и битых греческих ваз.

И я рад за Пяста, что у его книги есть недостатки, исключаящие ее из круга вагонного чтения.

IX. Французские лирики XIX века. Перевод в стихах и библиографические примечания Валерия Брюсова. СПб. "Пантеон". 1909. Цена 2 руб.¹

Надо написать исследование, по крайней мере, в двадцать томов, чтобы сколько-нибудь обстоятельно рассмотреть и определенные школы, и подводные течения французской лирики XIX века. Это одна из наиболее значительных и сложных страниц всемирной поэзии.

И когда мы видим такое исследование всего в одном пухлом томе, да еще считая переводы, мы можем с уверенностью сказать, что познакомимся не с предметом, а только с мнением составителя. Так и есть. Как критик и историк литературы, Валерий Брюсов встает в этой книге во весь рост. Он сразу подчиняет себе свою тему и гипнотизирует читателя, доказывая, до чего она проста. Вот романтизм, ведущий свое начало от Андре Шенье,² от него выход через Теофиля Готье³ к парнасцам.⁴ Парнасцы попали в заколдованный круг формы и условности, Стефан Малларме⁵ и Поль Верлен⁶ разрывают этот круг - отсюда символизм. Последний, в свою очередь, разбивается на три основные течения: чистый символизм Анри де Ренье,⁷ бельгийскую школу Жоржа Роденбаха⁸ и научную поэзию Рене Гиля.⁹ И, по обыкновению, Брюсов пожелал скрыть себя за этой великолепно-простой системой, так что мы, видя здание, только по отдаленному эху последних ударов можем догадаться, как оно воздвигнуто.

Правильно ли, однако, такое хронологическое деление на школы? Не следует ли отнести Альфреда де Виньи¹⁰ к символистам или, по крайней мере, к парнасцам, как тоже несомненным творцам символа, отметить, как важный симптом, неустанные проблески классицизма (за последнее время хотя бы в лице Мореаса)?¹¹ Хорошо ли обращать внимание на "научную поэзию", мертворожденную уже по одному тому, что ее теория создавалась раньше практики?

Хотелось бы, чтобы Брюсову эти вопросы были безразличны: он сказал свое мнение, свой каприз, может быть, - пусть другие ломают из-за него копья.

Но есть средство узнать душу поэта, как бы искусно он ее не скрывал. Надо вчитаться в его стихи, по вспыхивающим рифмам, по внезапным перебоям ритма угадать биение сердца. И как приятно заметить читателю, что неистовые фанфары Гюго в переводе Брюсова стали значительно тише, что дикий Роллина¹² оказался способным к холодной нежности, что образы Верлена могут быть четкими. Зато Леконт де Лиль ничего не потерял из своего великолепия, Стефан Малларме - из своей глубины и изысканности.

По этим признакам можно опять угадать чисто брюсовское

тяготение к классичности, не академиков и не плакальщиков Эллады, а к истинной классичности гениев всех веков и стран.

Х. Валериан Бородаевский. Стихотворения. Элегии, оды, идиллии. Предисловие Вячеслава Иванова. СПб. "Оры" 1909. Цена 85 коп.¹

Если не ошибаюсь, Бородаевский выступает в печать впервые,² но, тем не менее, его книгу нельзя считать преждевременной.

Чувствуется, что за его стихами стоят годы раздумий, годы упорной творческой работы. Ему есть что говорить, и он хочет сказать это как можно лучше. Отсюда изощренность его формы, ряд новых размеров и новых строф.

Почти каждое его стихотворение написано по истинно художественным мотивам, открывает нам изломы души странной, насмешливой и испуганной. К его книге хочется поставить эпиграфом следующие строки из нее самой:

"И зачем так холодно? И зачем так рано?
И зачем дороги снегом замело?.." ³

Как мистик, Бородаевский не знает благостного Христа солнечных полей Иудеи, ему дорог Христос русский, "удрученный ношей крестной", с губами слишком запекшимися, чтобы благословлять. Этот Христос видит самые мучительные сомнения, самые темные грехи, и он прощает не потому, что любит, а потому, что понимает. Волхвы не приносили ему в дар золота, и у него нет рая белых лилий.

Сообразно этому и стихи Бородаевского тусклы по тонам и болезненно-изысканны по перебоям ритма. Он не чувствует ни линий, ни красок. Что касается синтаксиса, то дыхание его, короткое и быстрое, как у смертельно уставшего человека, не позволяет ему создавать длинные, величавые периоды, изысканные сочетания слов, на которые так податлив русский язык. И досадно мучит в его стихах отсутствие литературности, отношения к мысли, как к поводу для стихотворения. Его серьезность иногда вызывает даже улыбку, как, например, в стихотворении "В музее". ⁴

К книге приложено предисловие Вячеслава Иванова, великолепное по стилю и образам и являющееся примером того, какой должна быть критика по Уайльдду: углубляющей данный предмет и дающей ему очарование, какого он, может быть, не имеет. ⁵

XI. Вячеслав Иванов. Нежная Тайна. - Лепта. СПб. "Оры" 1912.¹
Цена 1 руб. 25 коп.

"Нежная Тайна" может быть лучшая из книг Вячеслава Иванова. Первая часть занята почти исключительно описанием картин природы, которые наводят поэта на глубокие и серьезные размышления. Полная связанность при массе подробностей - их отличительное свойство. Пейзажам В.Иванова должно быть отведено первое место среди пейзажей символистов. Во второй части собраны полные грации и нежного остроумия стихотворения на случай. Книга написана необычным для В.Иванова простым и прекрасным языком, отчего всегдашние его темы только выигрывают в значительности.

XII. Я.Любяр. Противоречия. Кн. 2. Мы безумные... I. Набат. II. Влюбленным. III. Шелест тайны. Спб. Тип. Акц. о-ва тип. дела, 1912.¹

Стихи Я.Любяра обнаруживают поэта бедного образами, неспособного к обобщениям, но зато имеющего бесспорное достоинство - всегда напряженную мысль, бескрылую, но и не расплывающуюся в лиризме. Острый взгляд на мир, но мир остается тем же самым. Над книгой не вздохнешь, не задумаешься, но считаться с ней в своих размышлениях все-таки будешь. Очень портят ее неумелая версификация и ряд стилистических оплошностей.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Публикуемая выше подборка рецензий Н.С.Гумилева из газеты *Речь* и журнала *Гиперборей* является весьма существенным дополнением и даже, в определенной степени, "фундаментом" для блистательной серии гумилевских "Писем о русской поэзии", регулярно публиковавшихся им с ноября 1909 г. по декабрь 1915 г. на страницах *Аполлона*.

Возвратившись весной 1908 г. из Парижа в Петербург, двадцатидвухлетний поэт сразу же активно включился в литературную жизнь русской столицы, где довольно скоро сумел занять пока еще скромное, но вполне самостоятельное и авторитетное место среди молодых романтиков—"экзотистов" (С.А.Ауслендер, С.М.Городецкий, С.К.Маковский, граф А.Н.Толстой и др.), исподволь подтачивавших эстетические устои символизма. Автор двух поэтических сборников (*Путь конквистадоров* и *Романтические цветы*) и начинающий критик, испытывавший свои силы в качестве редактора литературно-художественного журнала *Сириус* (Париж, 1907), он уже тогда по-праву считался одним из лучших знатоков теории и истории мировой поэзии, тонким ценителем и не лицеприятным судьей новейших творений российской музыки. Интенсивная переписка с духовным отцом и литературным диктатором отечественного Парнаса тех лет В.Я.Брюсовым и почти ежедневные, многочасовые беседы в Царском Селе со своим первым наставником в искусстве поэзии И.Ф.Анненским день ото дня пополняли интеллектуальный багаж Гумилева. Поступление в Петербургский университет (30 июля 1908 г.) и чтение стихов в столичных литературных салонах расширило круг его знакомств. Именно тогда, при поддержке новых покровителей и друзей из близких к кадетам кругов, Гумилев стал постоянным корреспондентом крупнейшей ежедневной газеты либеральной русской интеллигенции *Речь* (1906-1917), в литературном отделе которой активно сотрудничали все видные отечественные прозаики и поэты "Серебряного Века". Читатели *Речи* с интересом встретили напечатанные здесь программное гумилевское стихотворение "Завещание" (1908, № 136, 8 июня, с. 2) и два его романтических рассказа "Черный Дик" (1908, № 145, 15 июня, с. 2) и "Последний придворный поэт" (1908, № 178, 27 июля, с. 2), однако не они, а десять отточенно-лаконичных и вместе с тем удивительно емких рецензий на важнейшие новинки литературного сезона 1908/09 года закрепили за Гумилевым репутацию человека, "делающего погоду" на Петербургском Парнасе. Примечательно, что уже в этих рецензиях, при всей их "пестроты" и внешней несвязанности между собой, явственно слышится голос будущего автора "Писем о русской поэзии", блестящего "анатома" стиха, твердой рукой извлекающего подлинные жемчужины мысли и слова из шелухи "общих мест" и ремесленнических "плевел". Повышенный интерес к первым проблескам неоклассицизма в мировой поэзии, высокая требовательность к формальной стороне стиха в сочетании с явным тяготением к скульптурной четкости линий и определенности художественных образов, — все выдает здесь "предтечу" акмеистической школы, пока еще робко прокладывающего дорогу новой эстетике.

К сожалению, сотрудничество Гумилева с газетой *Речь* было недолгим. После выхода в свет первого номера журнала *Аполлон* (25 октября 1909 г.) он стал его штатным рецензентом, уступив свое место в литературном отделе *Речи* А.А.Блоку (БЛОК А.А., *Собрание сочинений*, Т. 5. Проза 1903-1917., М.-Л. 1962, 649-657), которого

весной 1910 г. сменил С.М.Городецкий – автор целой серии пространственных критических очерков о современной русской поэзии, публиковавшихся здесь вплоть до начала Первой мировой войны.

Вне поля зрения исследователей творчества Гумилева до настоящего времени оставались еще несколько его рецензий, опубликованных им под вполне "прозрачным" криптонимом "Н.Г." в цехпоэтовском журнале *Гиперборей*. Думается, что и они, при всей своей лапидарности и определенной параллельности гумилевским отзывам о тех же самых книгах в *Аполлоне*, должны учитываться при подготовке полного текста "Писем о русской поэзии" в будущем академическом собрании сочинений этого выдающегося художника слова и организатора литературного процесса.

В советское время Гумилев, до предела перегруженный текущей литературной работой, ни разу публично не выступал на страницах печати как обозреватель или рецензент поэтических новинок. Трудно пока сказать, чем объясняется этот факт: недостатком ли времени либо некоей принципиальной позицией, – однако до нашего времени дошло лишь несколько кратких рукописных отзывов Гумилева – члена коллегии экспертов Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов о стихах молодых дебютантов, пробивающих себе дорогу на профессиональный Парнас. "Стихи Всеволода Леонидовича Пастухова, – писал он осенью 1920 г. об одном из таких искателей поэтической славы, – несамостоятельны, малокровны, но действительно отмечены культурностью и вкусом, так что для меня вопрос о его принятии в члены Союза остается открытым. Все зависит от того, насколько высокие требования мы предъявляем" (Архив П.Н.Медведева). Судя по другим отзывам, сохранившимся среди бумаг Блока (о стихах Ванды Валуевич, Артура Гофмана, Нины Оболенской и др.), Гумилев в этом вопросе занял раз и навсегда максималистскую позицию, нередко расходясь в мнениях со своими более умеренными коллегами – Блоком, Кузминым и Лозинским. Лишь четыре кандидатуры из ста молодых поэтов и поэтесс (К.К.Вагинов, Н.С.Тихонов, А.И. Оношкович-Ядына и М.М.Шкапская) встретили безусловно поддержку и искреннее одобрение сурового мэтра (*Вопросы литературы*, 1980, № 6, с. 121). Как показало время, он и на этот раз не ошибся в своем выборе, безошибочно выделив из обильной литературной поросли тех лет все наиболее талантливое, яркое, перспективное, вне зависимости от своих узкоцеховых эстетических или идеологических пристрастий.

I. Речь, 1908, № 121, 22 мая (3 июня), 5.

1. Сомов Константин Андреевич (1869–1939), русский живописец и график, один из основателей журнала *Мир искусства*.

II. Речь, 1908, № 127, 29 мая (11 июня), 5.

1. БРЮСОВ В.Я., *Пути и перепутья*, Т. 2, М. 1908, 220. Стихотворение "К счастливым".

2. Малларме Стефан, (1842–1892), французский поэт-символист, мастер сложной, утонченной формы.

3. Гиль Рене (1862–1925), основатель французской школы "научной поэзии".

III. Речь, 1908, № 145, 19 июня (2 июля), 5. Подписана "Н.Г.".

1. Ашкерц Антон (1856–1912), словенский поэт-романтик.

2. Тетмайер Казимеж 1865–1940, один из наиболее талантливых поэтов "Молодой Польши".

IV. Речь, 1908, № 187, 7 (20) августа, 4.

1. Пшибышевский Станислав (1868–1927), польский писатель-нищенец.

2. Посолонь. М. "Золотое руно", 1907.

3. Лимонарь, сиречь: Луг духовный. СПб "Оры", 1907.

V. Речь, 1908, № 223, 18 сентября (1 октября), 5.

1. Шопенгауер Артур (1788–1860), немецкий философ-неокантианец.

2. Имеется в виду герой этого романа Эрик Фальк.

VI. Речь, 1909, № 120, 4 (17) мая, 3. Автограф рецензии сохранился в архиве Андрея Белого (ГБЛ).

1. БЕЛЫЙ Андрей, *Урна*, М. 1909, 63–66. Стихотворения "Премудрость" и "Мой друг". Имеется в виду Герман Коген (1842–1918), немецкий философ-неокантианец, глава "Марбургской школы".

2. Имеется в виду тирский царь Хирам, один из строителей Иерусалимского храма и легендарный предтеча масонства (*Библия*, "Третья Книга Царств", гл. 5–7).

3. Пепел. СПб. "Шиповник", 1909.

4. Кубок метелей. Четвертая симфония. М. "Скорпион", 1908.

5. К сожалению, нам пока не удалось установить, чьи сонеты имел в виду Гумилев.

6. Имеются в виду высоко чтимые символистами русские поэты-лирики второй половины XIX в. В.Г.Бенедиктов (1807–1873), Л.А.Мей (1822–1862) и К.К.Павлова (1807–1893).

7. Излюбленный метр самого Гумилева. Гумилевские "гулкие пеоны", по меткому выражению Э.Ф.Голлербаха (ГОЛЛЕРБАХ Э.Ф., *Портреты. Стихи.*, Л. 1926, 7). См. об этом также в рецензии Андрея Белого "Десять лет Северных цветов" (*Русская мысль*, 1911, № 10, отд. 2, 24).

8. БЕЛЫЙ Андрей, *Урна*, М. 1909, 136. Стихотворение "Роскошная дева".

9. См. о стихах Андрея Белого в "Письмах о русской поэзии" (Пг. 1923). Примечательно, что рецензия В.Я.Брюсова на сборник *Урна* во многом перекликается с гумилевским отзывом (*Русская мысль*, 1909, № 6, 135–137). Сравни также с рецензией В.Л.Львова-Рогачевского в *Современном мире* (1909, № 7, отд. 2, 185–188).

VII. Речь, 1909, № 127, 11 (24) мая, 3.

1. В сборник вошли статьи: "Изнанка поэзии", "Белый экстаз", "Иуда", "Гейне прикованный", "Проблема Гамлета", "Бранд - Ибсен" и "Искусство мысли".

2. См. предисловие И.Ф.Анненского.

3. Гумилев, вероятно, намекает на дурные предчувствия, овладевшие в то время его смертельно больным учителем и другом. 30 ноября 1909 г. И.Ф.Анненский скоропостижно скончался от

разрыва сердца на Царскосельском вокзале.

4. Аэндорская волшебница вызвала, по просьбе Саула, тени великих царей и пророков древности (*Библия*, "Первая Книга Царств", гл. 28).

VIII. Речь, 1909, № 182, 6 (19) июля, 3.

1. См. отзыв Гумилева об этой книге стихов В.А.Пяста в ноябрьском номере журнала *Аполлон* за 1909 г. (*Письма о русской поэзии*, Пг. 1923, 70-72). Сравни с рецензией В.П.Кранихфельда в журнале *Современный мир* (1909, № 7, отд. 2, 191-192).
2. Имеется в виду группа английских поэтов и художников 40-х гг. XIX в., объединившихся вокруг Д.Г.Россетти в "Прерафаэлитское братство".
3. ПЯСТ В.А., *Ограда*, М. 1909, 81. Из цикла "Живой с живыми".

IX. Речь, 1909, № 196, 20 июля (2 августа), 3. Сравни с рецензиями Элліса, В.Л.Львова-Рогачевского и Н.А-вича в *Весех* (1909, № 7, 87-93), ежемесячнике *Современный мир* (1909, № 9, отд. 2, 102-104) и *Новом журнале для всех* (1909, № 10, 122).

1. *Французские лирики XIX века*. Переводы в стихах и библиографические примечания Валерия Брюсова. СПб., Пантеон, 1909. Содержание: Андре Шенье, Марселина Деборг-Вальмор, Альфонс Ламартин, Альфред де Виньи, Виктор Гюго, Жерар де Нерваль, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Шарль Леконт де Лиль, Шарль Бодлер, Жозе-Мария де Эредиа, Стефан Малларме, Поль Верлен, Морис Роллина, Жюль Лафорг, Артюр Рембо, Лоран Тайад, Жорж Роденбах, Эмиль Берхарн, Жан Мореас, Иван Жилькен, Шарль Ван Лерберг, Морис Метерлинк, Рене Гиль, Адольф Ретте, Анри де Ренье, Франсис Вьеле-Гриффен, Стюарт Мерриль, Эрнест Рейно, Л.Деларю-Мардрюс, Приска де Ландель, Рене Аркос, Жорж Дюамель.
2. Шенье Андре Мари (1762-1794), французский поэт-романтик.
3. Готье Теофиль (1811-1872), французский поэт, духовный отец парнасской школы.
4. Группа французских поэтов (Т. де Банвиль, А.Казалис, Скулли-Прюдом, Ж.М.Эредиа и др.), страстных ревнителей безупречности стихотворной формы.
5. См. примеч. 2 к № 2.
6. Верлен Поль (1844-1896), французский поэт, один из основоположников символизма.
7. Ренье Анри (1864-1936), французский поэт-символист "младшего" поколения.
8. Роденбах Жорж (1855-1898), бельгийский поэт-символист, близкий к импрессионизму.
9. См. примеч. 3 к № 2.
10. Виньи Альфред Виктор де (1797-1863), французский поэт-классицист, оказавший большое влияние на парнасцев.
11. Мореас Жан (1856-1910), французский поэт-неоклассицист.
12. Роллина Морис (1846-1903), французский поэт, последователь Ш.Бодлера.

X. *Речь*, 1909, № 259, 21 сентября (4 октября), 3.

1. См. отзыв Гумилева об этой же книге стихов В.В.Бородаевского в ноябрьском номере журнала *Аполлон* за 1909 г. (*Письма о русской поэзии*, Пг. 1923, 64-65). Гумилев еще раз писал о стихах этого заурядного поэта (*там же*, 120).
2. В том же 1909 г. вышла в свет книга стансов Бородаевского *Страстные свечи*.
3. БОРОДАЕВСКИЙ В.В., *Стихотворения*, СПб. 1909, с. 11. Стихотворение "Ранняя обедня".
4. *Там же*, 42.
5. См. его статью "Развитие исторического метода в критике" (УАЙЛЬД О., *Полное собрание сочинений*, Т. 8, М. 1909, 163-284).

XI. *Гиперборей*, 1913, № 4, 27. Подписана "Н.Г."

1. См. отзыв Гумилева об этой же книге стихов Вячеслава Иванова в мартовском номере журнала *Аполлон* за 1913 г. (*Письма о русской поэзии*, Пг. 1923, 166).

XII. *Гиперборей*, 1913, № 4, 28. Подписана "Н.Г."

1. См. отзыв Гумилева об этой же книге стихов Я.Любюра (Лозина-Лозинского Алексея Константиновича, 1886-1916) в мартовском номере журнала *Аполлон* за 1913 г. (*Письма о русской поэзии*, Пг. 1923, 169).

ПИСЬМО А.А.АХМАТОВОЙ Н.С.ГУМИЛЕВУ

13 июля 1914 г. Слепнево¹

Милый Коля, 10-го приехала в Слепного. Нашла Левушку² здоровым, веселым и очень ласковым. О погоде и делах тебе верно напишет мама. В июльской книге *Нового слова*³ меня очень мило похвалил Ясинский.⁴ Соседей стараюсь не видеть, очень они пресные. Я написала несколько стихотворений, которые не слышал еще ни один человек, но меня это, слава Богу, пока мало огорчает. Теперь ты au courant всех петербургских литературных дел. Напиши, что слышно? Сюда пришел Жамм.⁶ Только получу, с почты же отошлю тебе. Прости, что я распечатала письмо Зноски,⁷ чтобы большой конверт весил меньше. Я получила от Чулкова⁸ несколько слов, написанных карандашом. Ему очень плохо, и, мне кажется, что мы его больше не увидим.

Вернешься ли ты в Слепного? Или с начала августа будешь в Петербурге. Напиши мне обо всем поскорее. Посылаю тебе черновики моих новых стихов⁹ и очень жду вестей.

Целую твоя Аня.

ЗАВЕЩАНИЕ

Моей наследницею полноправной будь,
Живи в моем дому, пой песнь, что я сложила.
Как медленно еще скудеет сила,
Как хочет воздуха замученная грудь.

Моих друзей любовь, врагов моих вражду,
И розы желтые в моем густом саду,
И нежность жгучую любовника - все это
Я отдаю тебе, предвестница рассвета.

И славу, то зачем я родилась,
Зачем моя звезда, как некий вихрь, взвилась
И падает теперь. Смотри, ее паденье
Пророчит власть твою, любовь и вдохновение.

Мое наследство щедрое храня,
Ты проживешь и долго и достойно.
Все это будет так. Ты видишь, я спокойна,
Счастливой будь, но помни про меня.

1914. Ник(олаевская) ж.д.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Публикуется по автографу из архива литературоведа и критика П.Н.Медведева (1891-1942).

1. Слепнево - имение Гумилевых в Бежецком уезде, на стыке Новгородской, Тверской и Вологодской губерний.
2. Имеется в виду сын Ахматовой и Гумилева Лев Николаевич Гумилев (р. 1911), впоследствии видный ученый-ориенталист.
3. См. рецензию М.Чунослова (псевд. И.И.Ясинского) на книгу стихов А.А.Ахматовой *Четки* (СПб. 1914) в литературном приложении к "Биржевым ведомостям" - журнале *Новое слово* (1914, № 7, 158). "Поэтесса Анна Ахматова, - писал он, - своеобразный стилист, что зависит, как и весь строй ее поэзии, от ее несомненной и бесспорной искренности. Слова у нее простые, без вывертов без модных фасонов, а, между тем, кажутся новы. Стоят на месте, и из сочетания их звучит то прекрасное, что так характерно для стиха Анны Ахматовой..."

Все просто и нежно и уже тысячу раз сказано, и как будто стерлось, и надоело, а вот, подите же: опять в тысяча первый раз ново, как нова всякая искренняя любовь и ново всякое искреннее чувство. Тайна новизны в искренности, а не в ломании и не в вывихе. Быстрые краски и оттиски быстрых примет самой обыденной жизни одухотворены в стихотворениях Анны Ахматовой тонкой и чарующей наблюдательностью...

Часто приходится слышать: настал конец поэзии. А я думаю, что, напротив, наступает время поэзии, только, раумеется, настоящей, хорошей поэзии, искренней. Так прозой сжато и красочно нельзя сказать, как может сказать поэт... Нет ничего "умного" в стихах Анны Ахматовой; она не мудрствует лукаво, но зато сколько поэтического, сколько глубоко прекрасного, очаровательно-женского. Она любит жизнь, радость, любовь ради любви, и не скрывает, что ей хочется быть всегда вдвоем. Прекрасная женская душа улыбается, временами, может быть, слегка нервничает, - нельзя же без этого, - со страниц этой книги".

К 1914-му году у Гумилева сложились крайне неприязненные отношения с редакцией *Нового слова*. После появления в этом журнале похвального отзыва И.И.Ясинского о третьей книге его стихов *Жемчуга* (1911, № 3, 159) поэт опубликовал здесь несколько своих стихотворений: "Я закрыл Илиаду и сел у окна..." (1911, № 8, 86). "Сонет" (1912, № 1, 81) и "Опасение" (1912, № 2, 3). Однако сотрудничество между Ясинским и Гумилевым продолжалось недолго. Выход в свет четвертого гумилевского поэтического сборника *Чужое небо* (СПб. 1912) Ясинский встретил грубой, "разносной" рецензией, бестактно высмеяв отдельные промахи этой безусловно талантливой книги (1912, № 7, 157-158). Глубоко оскорбленный Гумилев порвал все отношения с *Новым словом*, поэтому, думается, что известие Ахматовой едва ли искренне порадовало его.

4. Ясинский Иероним Иеронимович (1850-1931), писатель и журналист, редактор консервативного журнала *Новое слово* (1908-1914).
5. au courant (франц.) - быть в курсе.
6. Жамм Франсис (1868-1938), французский поэт-мистик и символист. Неизвестно, какое издание его стихов пришло в Слепнево.

7. Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884-1954), секретарь редакции журнала *Аполлон*, близкий друг Гумилева.
8. Чулков Георгий Иванович (1879-1939), писатель и поэт-символист.
9. При публикации этого письма нами опущено второе стихотворение Ахматовой "Целый год ты со мной неразлучен...", напечатанное впоследствии в третьем ахматовском сборнике стихов *Белая стая* (Пг. 1917) с посвящением Н.В.Недоброво и датой "Весна 1915" (АХМАТОВА А.А., *Стихотворения и поэмы*, 1977, 94-95). В письме оно не имеет посвящения и датировано иклем 1914 г.

Как известно, "детский роман" Николая Гумилева с Аней Горенко начался еще в 1903-1904 гг., когда их семьи жили по соседству в Царском Селе и дружили домами. Гордая, своенравная девушка беспощадно третировала своего по-мальчишески пылко и явно некрасивого поклонника, но он упорно стремился завоевать ее сердце романтическими стихами, страстными признаниями, экстравагантными поступками. В один из дней рождения Ани, - рассказывала нам подруга Ахматовой, - Гумилев явился последним с огромным букетом роз. - Коля пришел и тринадцатый букет принес, - съязвила именинница (Анна Андреевна родилась в июне - самая пора цветения роз!). Тут же цветы полетели в мусорную корзину, а побледневший от злости поклонник убежал прочь. Праздник продолжался, хотя собравшимся не слишком понравилось поведение Ани, да и сама она была смущена и опечалена. Через час раздался звонок. На пороге дома Горенок стоял Гумилев с букетом роз. - Коля вернулся и четырнадцатый букет принес! - не смогла удержаться и на этот раз Аня. Но юноша, не глядя на нее, спокойно вошел в комнату и бережно поставил свой подарок в самую красивую хрустальную вазу. - Эти розы необычные, ими впору любоваться только самой императрице. Да они для нее и предназначались, и мне пришлось занять их для Вас, Аня! - Как занять?! Впоследствии выяснилось, что юный рыцарь среди бела дня забрался в "собственный садик" Александровского дворца, рискуя напороться на острые пики забора или штыки охранявших царскую семью солдат, и беспощадно опустошил любимую клумбу императрицы Александры Федоровны. Трудно было устоять перед таким поклонником...

И все-таки Анна Андреевна целых шесть лет отстаивала свою свободу (см. ее первое опубликованное стихотворение "На руке его много блестящих колец..." в кн.: АХМАТОВА А.А., *Стихотворения и поэмы*, Л. 1977, 269). Только весной 1910 г., пережив первые разочарования в близких людях, развод родителей, смерть брата, она, наконец, приняла предложение Гумилева. До свадьбы "я была гордая. Теперь присмирела", - жаловалась она другу мужа Г.В.Иванову. Ненадолго...

ПИСЬМО Ф.К.СОЛОГУБА Н.С.ГУМИЛЕВУ

23 июля 1919 г.

В.О., 10 линия, 5, кв. 1.

Многоуважаемый Николай Степанович!

Вы обратили мое внимание на неверное по отношению к Вам утверждение в моей статье, напечатанной в *Вестнике Союза писателей*,¹ будто вы сами себя избрали в члены редакционной коллегии. Действительно, припоминаю, что в том заседании Совета С(оюза) д(еятелей) х(удожественной) л(итературы), о котором идет речь, я застал на председательском месте г-на Муйжеля, из чего видно, что Вы или вовсе не были на этом заседании, или пришли позже меня, стало быть, в этих выборах не участвовали. Сожалею, что мною допущена эта ошибка по отношению к Вам.

Эта оговорка личного свойства не изменяет моего мнения о выборах, которые я считаю неправильными и по форме, и по существу. Принимаясь за издательство русских писателей, в такое совершенно исключительное время, СДХЛ брал на себя весьма большую ответственность. Все относящиеся к этому делу вопросы, в том числе и вопрос о составе редакции, следовало решать гораздо осмотрительнее, не лишая и меня возможности высказать свое мнение и подать мой голос.

Повторяю еще и то, что для меня непонятно, почему Ваша подпись была под одним или несколькими документами, исходившими от Совета СДХЛ, в которых я не могу не видеть тенденции к устранению меня и А.Н.Чеботаревской от участия в делах того самого Союза, в учреждении которого мы с нею принимали наиболее деятельное участие. Думаю, что эта странная тенденция не принесла никакой пользы Союзу, как учреждению общественному.

С истинным уважением Федор Сологуб.

П Р И М Е Ч А Н И Е

1. В своей статье "О Союзе деятелей художественной литературы" (*Вестник литературы*, 1919, № 4, 10-11) Ф.К.Сологуб гневно обвинял руководителей этой организации В.В.Муйжеля и Ю.Л.Слезкина (1885-1947) в бесконтрольном разбазаривании и присвоении общественных фондов, отпущенных Наркомпросом на улучшение быта петроградских писателей. Скандальный резонанс, вызванный статьей Сологуба, имел такой широкий резонанс, что 12 апреля 1919 г. группа прозаиков и поэтов (А.М.Горький, А.А.Блок, Е.И.Замятин, Д.С.Мережковский, К.И.Чуковский и В.Я.Шишков) демонстративно

вышла из Союза, а для ревизии деятельности СДХЛ была создана специальная комиссия из представителей всех литературных объединений Петрограда (*там же*, № 4, 12; № 5, 1, 10). Выводы комиссии во многом совпали с обвинениями, выдвинутыми против руководителей СДХЛ Сологубом, Петроградский Союз деятелей художественной литературы бесславно закончил свое существование, хотя прямые виновники этих злоупотреблений - Муйжель и Слезкин - так и остались безнаказанными. Справедливо раскритиковав "самозванных" хозяев СДХЛ и организованного ими издательства, Сологуб в порыве раздражения допустил грубую бестактность по отношению к издавна нелюбимому им, но ни в чем не повинному Гумилеву (члену Совета и редколлегии СДХЛ), поставив его имя в "один ряд" с именами наглых казнокрадов и политических "хамелеонов". Разгневанный Гумилев потребовал у Сологуба извинений и, судя по публикуемому нами письму, достойно сумел защитить свою честь.

СПИСОК КНИГ, ПОДАРЕННЫХ Н.С.ГУМИЛЕВЫМ А.А.БЛОКУ

1. *Чужое небо. Третья книга стихов*, СПб., Аполлон, 1912. - "Александру Александровичу Блоку с искренней дружественностью Н.Гумилев". - 94.5/69.¹
2. *Колчан. Стихи*, М.-Пг., Гиперборей, 1916. - "Моему любимейшему поэту Александру Блоку с искренней дружественностью Н.Гумилев. 6 февраля 1916". - 94.5/70.
3. *Костер. Стихи*, СПб., Гиперборей, 1918. - "Дорогому Александру Александровичу Блоку в знак уважения и давней любви Н. Гумилев. 14 декабря 1918". - 94.5/71.
4. *Гильгамеш*, Пер. Н.С.Гумилева, СПб., Изд. З.И.Гржебина, 1919. - "Дорогому Александру Александровичу Блоку последнему лирику первый эпос. Искренно его Н.Гумилев. 21 марта 1919". - 94.5/72.

СПИСОК КНИГ ИЗ БИБЛИОТЕКИ Н.С.ГУМИЛЕВА (С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ И СОСТАВИТЕЛЕЙ)

1. АХМАТОВА А.А., *Белая стая. Стихотворения*, Пг., Гиперборей, 1917. - На форзаце: "Моему дорогому другу Н.Гумилеву с любовью Анна Ахматова. 10 июня 1918. Петербург". Помета красным карандашом на защитном листе: "Лена Г(умилева)". - 44.22.
2. БЛОК А.А., *Двенадцать*, СПб., Алконост, 1918. - На форзаце: "Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву с искренним уважением и приветом Александр Блок. XII/1918". - 72.5/14.
3. БЛОК А.А., *Песня судьбы. Драматическая поэма*, Пг., Алконост, 1919. - На форзаце: "Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву с искренним приветом от автора. VIII. 1919". Книга не разрезана. - 19.4/35.
4. БРЮСОВ В.Я., *Пути и перепутья. Собрание стихов*, Т. 3, М., Скорпион, 1909. - На тит. л.: "Николаю Степановичу Гумилеву дружески Валерий Брюсов. 1909". - 44.40.
5. КЛЮЕВ Н.А., *Сосен перезвои*, Предисл. Валерия Брюсова. М., Книгоиздат-во В.И.Знаменский и К^о, 1912. - На об. обложки: "...мы выйдем для общей молитвы / на хрустальный песок золотых островов. - Дорогому Н.Гумилеву с пожеланием мира и радости от автора. Андома. Ноябрь 1911 г." Авторские исправления опечаток (с. 21, 24, 26, 28, 76, 77). На с. 18, 19, 29, 32, 41, 49, 51 и 52 резко отчеркнуты простым карандашом отдельные строчки, строфы и стихотворения. Письма,² 134-136. - 20.9/67.
6. КРУГЛИКОВ Н.С., *Праздник у Халифа*, СПб., тип. Сириус, 1910. - На форзаце: "Многоуважаемому Николаю Степановичу Гумилеву от почитателя-поэта Н.Кругликова". Брошюра сильно подмочена. - Бр. 180/19.
7. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА Е.Ю., *Скифские черепки. Стихи*, СПб., Цех поэтов, 1912. - На тит. л.: "Укротителю зверей - Николаю Степановичу Гумилеву автор". На с. 28, 29 и 37 резко отчеркнуты простым карандашом отдельные строчки и строфы. Письма, с. 144-146. - Бр. 404/4.

8. ЛАБРИ Рауль. *Поэты войны*, СПб., 1917. Отд. оттиск из журнала *Аполлон* (1917, № 4-5). Стихи в пер. М.Л.Лозинского. - На тит. л.: "Слышу умолкнувший звук вавилонской добашенной речи, / поступь Хумбаба в бору чую созвучной душой. - 31. VII. 1918. М.Л(озинский)". - Бр. 63/25.

9. НЕКРАСОВ Н.А., *Неизданные произведения*. С объяснительными статьями и примечаниями К.И.Чуковского. СПб., Книгоиздательство Петербург, 1918. - На тит. л.: "Возлюбленному Н.Гумилеву - с чувством давней и растущей любви К.Чуковский. 1919. Янв. Заседание коллегии" (издательство Всемирная литература. - Ред.). - 53.3/9.

10. СОЛОВЬЕВ С.М., *Апрель. Вторая книга стихов. 1906-1909*, М., Мусaget, 1910. - На форзаце: "Николаю Степановичу Гумилеву дружески Сергей Соловьев". На с. 47-48 резко отчеркнуты простым карандашом отдельные слова и строчки. - 16.7/32.

11. *Тэффи, Семь огней*, СПб., Шиповник, 1910. - На форзаце: "Николаю Степановичу Гумилеву 'Юному Магу' Слова. Автор". - 1936 К/2602.

12. ШЕМШУРИН А.А., *Футуризм в стихах В.Брюсова*, М., тип. Русского товарищества, 1913. - На тит. л.: "Н.Гумилеву от автора Ан.Шемшурина. 1913.9.XII". - 1939 Л/101.

13. ЭРЕНБУРГ И.Г., *Детское*, Paris, тип. Рираховского, 1914. - На тит. л.: "Николаю Степановичу Гумилеву И.Эренбург". Брошюра сильно подмочена. - Бр. 304/19.

14. ЮНГЕР В., *Песни полей и комнат. (1911-1913)*, СПб., Цех поэтов, 1914. - На форзаце: "Николаю Степановичу Гумилеву в знак глубокого сочувствия Владимир Юнгер. 12 апр. 1914. СПб." Книга не разрезана. - 44.124.

15. *Арион*, (Владимир Злобин, Дмитрий Майзельс, Георгий Маслов, Николай Оцуп, Анна Регат, Всеволод Рождественский). Пб., Изд-во Сирига, 1918. - На тит. л.: "Николаю Степановичу Гумилеву - благодарный 'Арион'. 25.X.1918 г. СПб." (дарственная надпись В.А.Рождественского).

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Здесь и далее шифр научной библиотеки ИРЛИ.
2. Здесь и далее ссылки на рецензии Н.С.Гумилева в его кн.: *Письма о русской поэзии*, Пг. 1923.

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

И.Ф.МАРТЫНОВ

ГУМИЛЕВ И "ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА"

К октябрю 1917 г. в Петрограде, ставшем за два века своего существования подлинным средоточием всех культурных сил России, насчитывались десятки книжных издательств, журналов, альманахов и ежедневных газет с постоянными литературными отделами, которые предоставляли общественную трибуну и средства существования целой армии профессиональных поэтов, прозаиков, переводчиков и публицистов. Один из первых же законодательных актов нового, советского правительства - "Декрет о печати", подписанный Лениным 10 ноября 1917 г., - существенно ограничил издательскую деятельность оппозиционных партий, организаций и частных фирм. Последовавшие затем национализация полиграфической промышленности и жесткий цензурный режим эпохи военного коммунизма практически свели "на нет" деловую активность последних "независимых" издателей, готовых в той или иной форме к сотрудничеству с большевиками.¹ Вместе с ними остались не у дел все те петербургские литераторы, кто не мог и не хотел, подобно беспринципным "хамелеонам" типа Иеронима Ясинского и Сергея Городецкого, раболепно выполнять любой "социальный заказ" ради сытного пайка. Наместник "красного" Питера Зиновьев и его подручные тогда еще избегали прямых репрессий против инакомыслящих,² опасаясь обострить и без того далеко не идиллические отношения новых властей с русской интеллигенцией. Лучшими их союзниками стали голод и холод, непривычные "властителям дум" предреволюционной России.

"Многоуважаемый Захар Григорьевич! - писали они 26 августа 1919 г. помощнику Луначарского Гринбергу. - В Петрограде существует группа известных писателей, много поработавших для дела русского просвещения, не состоящих ни в каких союзах и организациях и не пользующихся никакими льготами в продовольственном отношении. К этой группе относятся, между прочим, А.В.Амфитеатов, З.Н.Гиппиус, А.И.Куприн, Д.С.Мережковский, М.А.Кузмин, В.И.Немирович-Данченко, А.М.Ремизов, Ф.К.Сологуб, Д.В.Философов, А.Н.Чеботаревская, П.Е.Щеголев. В виду тяжелых условий переживаемого момента и выраженной Вами готовности оказать содействие для их облегчения, обращаемся с просьбой включить означенных лиц в число членов коо-

пертива при Комиссариате народного просвещения".³ Наркомпрос удовлетворил просьбу изголодавшихся "внутренних эмигрантов", однако это не было актом чистой благотворительности, а заранее продуманной пропагандистской акцией, преследовавшей цель если не привлечь на свою сторону, то хотя бы нейтрализовать литературную элиту Петербурга.

Примерно такие же функции выполняли созданные по распоряжению Зиновьева и Луначарского "левый" Дом искусств и более консервативный (если не прямо "контрреволюционный") Дом литераторов на Бассейной,⁴ но самой хитрой, внешне заманчивой ловушкой для просветителей-интеллигентов народнической закваски стало издательство "Всемирная литература", созданное осенью 1918 г. под эгидой Горького. Петербургские власти и даже сам всемогущий Зиновьев не могли не считаться с прихотями и капризами этого прославленного "Буревестника Революции", личного друга Ленина и потенциального основоположника соцреализма, хотя и доставлял им тогда массу огорчений. Возглавив после победы Февральской революции редколлегию социал-демократической газеты *Новая жизнь*, Горький, с присущей большинству великих русских писателей политической наивностью, попытался встать "над схваткой", гневно обличая "белых" и "красных" гонителей демократии в серии публицистических статей с претенциозным названием "Несвоевременные мысли". Около года это интеллигентски-ядовитая, злободневная и прекрасно информированная газета назойливо требовала у большевиков "свободы слова",⁵ изобличала их в "жестокости" и "незнании психологии русского народа",⁶ отстаивала экономические интересы голодающего питерского пролетариата. Настал день, когда терпение властей лопнуло, и последний в России орган "свободной социалистической мысли" мирно почил в одной братской могиле с кадетской *Речью*, эсеровской *Волей народа* и плехановским *Единством*.

"Распоряжением Комиссариата по делам печати, агитации и пропаганды от 16 июля, - жаловались 25 июля 1918 г. в Исполком Петровета ее редактор В.А.Десницкий-Строев и издатель А.Н.Тихонов, - газета *Новая жизнь* подвергнута закрытию без указания каких-либо мотивов, вызвавших подобную репрессию. Точно так же незадолго до этого на газету *Новая жизнь*, как на "орган сознательной провокации", был наложен штраф в размере 50 тысяч рублей."⁷

Пятнадцатимесячная работа, протекавшая у всех на глазах, га-

зеты *Новая жизнь*, социал-демократического органа, независимого от каких-либо партийных группировок, меньше всего дает объективных оснований для обвинений в "провокации" или "контрреволюционности".

Редакция *Новой жизни*, прилагая все усилия к правильной постановке осведомительного аппарата, несмотря на общую разруху почтово-телеграфного дела, готова в любой момент представить объяснения перед каким угодно судом, если ей будут предъявлены конкретные, основанные на точных фактах обвинения в информационной недобросовестности.

На основании сказанного редакция издательства *Новой жизни* ходатайствует о разрешении немедленного выпуска в свет газеты и обращает внимание на то, что ее длительный невыход грозит полным финансовым крахом всему предприятию, в котором заинтересовано несколько сот газетных, конторских и типографских работников".⁸

Руководство Петросовета "единогласно отклонило" беспочвенные "домогательства" меньшевиков Десницкого и Тихонова. Примечательно, что постановление об окончательной ликвидации *Новой жизни* подписано 25 июля 1918 г. тем самым Иваном Петровичем Бакаевым (1887-1937), который через три года послал на расстрел Гумилева, а двадцать лет спустя был исключен из ВКП(б) "за систематическое нарушение социалистической законности" и поставлен к стене, как "начальник "Зиновьевско-троцкистского Гестапо", "активнейший террорист" и "организатор" убийства Кирова."⁹

То ли устав от бесплодной борьбы с ветряными мельницами, то ли надеясь (в духе милых его сердцу энциклопедистов) постепенно умягчить сердца новых хозяев земли Русской просвещением, Горький спокойно пережил крах своего любимого детища.¹⁰ На горизонте уже маячили куда более величественные прожекты, дивной красоты и непостижимого масштаба, столь любезно, а главное своевременно подброшенные "великому русскому гуманисту" хитроумным Луначарским. Кстати сказать, осуществление этих прожектов радикально решало проблему трудоустройства (и прокормления) бывших сотрудников *Новой жизни*, а заодно с ними - сотен голодных и полуголодных русских литераторов. Этическая сторона дела тоже не вызвала никаких опасений ни у Горького, ни у фрондирующей интеллектуальной элиты, если учесть, что уже на страницах *Новой жизни* ее идейный вдохновитель активно призывал русскую интеллигенцию к позитивной работе "во что бы то

ни стало и при всех условиях", ¹¹ а для интеллигенции дерзкий автор "Несвоевременных мыслей" представлялся гораздо более приемлимым работодателем, чем нарком Луначарский и иже с ним.

Так родился грандиозный замысел организации издательства "Всемирная литература", широко разрекламированный как внутри страны, так и за ее пределами. ¹² К участию в этом патронируемом Горьким проекте привлекались лучшие интеллектуальные силы России – ученые, писатели, переводчики, – трудами которых намечалось выпустить в свет за три года около 800 томов "основной серии" и более 2000 компактных книжек "народной библиотеки", включающих все ценнейшие памятники мировой художественной литературы. Новое издательство пользовалось (точнее, должно было пользоваться) полной автономией в подборе сотрудников, выборе подлежащих изданию книг, установлении их тиража, определении характера вступительных статей, примечаний и иллюстраций, получило в свое распоряжение одну из лучших петербургских типографий и государственную дотацию. Позднее сюда влился "мертворожденный" издательский отдел при Петроградском профессиональном союзе деятелей художественной литературы, который, заплатив крупнейшим прозаикам и поэтам того времени (А.В.Амфитеатрову, З.Н.Гиппиус, А.С.Грину, Н.С.Гумилеву, ¹³ Е.И.Замятину, М.А.Кузмину, А.И.Куприну, Д.С.Мережковскому, А.М.Ремизову, А.П.Чапыгину, В.Я.Шишкову и др.) сравнительно небольшие авансы, на три года "заморозил" переиздание их важнейших произведений. ¹⁴

С первых же дней существования "Всемирной литературы" дела у нее шли далеко не блистательно, а через два с половиной года, выпустив в свет всего лишь 14 томов "основной серии" и 36 брошюр "народной библиотеки" (немногим более 5% готовых к печати рукописей), она потерпела финансовый крах. ¹⁵ Как и следовало ожидать, основную вину за это официозные историографы горьковского издательства постарались возложить на мифических "вредителей", отнеся к их разряду довольно пестрый букет "буржуазных эстетов, декадентов и модернистов" с "неблагонадежной" политической репутацией. ¹⁶ "Некоторые, – писал печально известный "литпроработчик" 1930-х гг. К.Л.Зелинский, – использовали "советскую марку" "Всемирной литературы" и средства ее (?!) для своих антисоветских действий (как поэт Н.Гумилев – ?!); для других она стала только пересадочной станцией на пути в эмиграцию (как для В.Ходасевича)". ¹⁷ Если хоть на

минуту поверить версии Зелинского и К^О, роль Гумилева в издательстве "Всемирная литература" может показаться и вправду довольно сомнительной. Коварный контрреволюционер и (само собой разумеется!) саботажник неизвестно за что (скорее всего за переводы анти-советских?! стихов) получал (а, может быть, и присваивал?) из кассы Горького более-менее значительные (по-видимому, немалые!) суммы на организацию антисоветского мятежа. Но так ли все это было на самом деле?..

Возвратившись из Англии в Петроград летом 1918 г., Гумилев, как и большинство русских литераторов тех лет, занял резко отрицательную позицию по отношению к новым властям. В то же время, не желая умирать с голоду или униженно выпрашивать у "комиссаров" мизерный паек, он сразу постарался найти себе такое общественно полезное и морально приемлемое для него занятие, которое могло обеспечить ему твердый заработок и личную независимость. Мало кому, например, известно, что еще в октябре 1918 г. Гумилев, вероятно, не без содействия Блока, продал Театральному отделу Наркомпроса право на издание и постановку написанной им незадолго до этого пьесы для детей "Дерево превращений".¹⁸ Тот же Блок пригласил его, по поручению А.М.Горького и А.Н.Тихонова, войти в состав редколлегии "Всемирной литературы", и он охотно принял столь интересную, почетную и не слишком обременительную должность. Став членом специальной поэтической комиссии, в задачу которой входило редактирование стихотворных рукописей, и лектором студии художественного перевода при издательстве, Гумилев получил скромную, но гарантированную ставку (2000 руб. в год),¹⁹ а главное - "трудо-вой" наркомпросовский паек.²⁰ Эти доходы - плюс гонорары за собственные переводы и лекции в Институте истории искусств, на поэтических семинарах Балтфлота, Дома искусств, Пролеткульта, и кружка "Живое слово" - избавили поэта от унижительных забот о куске хлеба, но были слишком незначительны, чтобы при самом богатом воображении усмотреть в них серьезный источник финансирования подпольных антисоветских центров.

Вспоминая о Гумилеве, его самые близкие друзья и ученики единодушно отмечают, что этот поэт-романтик, ревностный христианин и отважный авантюрист в повседневной жизни был вполне практичным и даже скуповатым человеком, с юности привыкшим рассчитывать во всем только на самого себя.²¹ Столь же характерными для него чер-

тами характера можно считать рыцарственную верность долгу, самодисциплину, удивительную работоспособность и педантичную добросовестность в любых, даже, на первый взгляд, незначительных делах. Именно эти качества сделали Гумилева поистине незаменимым сотрудником "Всемирной литературы", деятельным, неутомимым, инициативным. Как видно из дневника Блока, Горький (по вполне понятным причинам) не любил, но высоко ценил своего нового коллегу.²² Всех руководителей издательства поражала "обширность" гумилевских познаний "в области европейской поэзии, необыкновенная напряженность и добротность его работы", а в особенности редкостный педагогический дар мудрого наставника молодых поэтов. "В общественном нашем быту, ограниченном заседаниями редакции, - рассказывал о Гумилеве эмигрировавший на Запад А.Я.Левинсон, - он с чрезвычайной резкостью и бесстрашием отстаивал достоинство писателя... О политике почти не говорил: раз навсегда отвергнутый режим как бы не существовал для него" (СС, Т. 1, с. XXXII).

"Жизнерадостный", постоянно переполненный "какими-то многообещающими проектами и схемами", Гумилев выгодно выделялся на безрадостном фоне нытиков и маловеров, заполнивших редакцию "Всемирной литературы" после первых же ее неудач.²³ Характерно, что даже "трепетный" В.А.Рожественский не мог не отметить в своих выходящих сталинской цензурой мемуарах той живой, неподдельной заинтересованности в делах горьковского издательства, которую неизменно проявлял его старший друг и наставник.²⁴ Острые споры с Блоком о принципах художественного перевода стихов завершились явной победой гумилевской точки зрения,²⁵ принятой и развитой впоследствии мэтрами петербургской переводческой школы М.Л.Лозинским, Т.Г.Гнедич и Е.Г.Эткингом. Эта победа была подкреплена несколькими десятками тысяч стихотворных строф, блестяще переведенных и отредактированных пером великого мастера. Знакомство с литературным наследием Гумилева тех лет настолько поражает воображение исследователя, что ему трудно сразу поверить в то, что все это написано одним человеком, к тому же сидящим на полуголодном пайке и обремененном многотрудными педагогическими и общественными (Петроградское отделение Союза поэтов, Дом искусств, Дом литераторов²⁶ и др.) обязанностями. Как он выкраивал время на "активное участие в подготовке контрреволюционного восстания" - было известно лишь следователям Петрогубчека, не оставившим нам, к со-

жалению, своих мемуаров!..

Судя по тонким намекам тех же следователей, Гумилев пытался вовлечь в заговорщическую деятельность группу молодых петербургских "интеллигентов".²⁷ Трудно, а скорее всего невозможно теперь подтвердить или опровергнуть это обвинение, однако нам хорошо известно, что в студии "Всемирной литературы" прошли у Гумилева отличную поэтическую выучку не только будущие эмигранты Одоевцева и Оцуп, но и такие вполне "правоверные" и далеко не худшие из советских стихотворцев, как Е.Г.Полонская, В.А.Рождественский и С.Е.Нельдихен.²⁸ Практически все члены Цеха поэтов (О.Э.Мандельштам, Г.В.Адамович, Г.В.Иванов, М.Л.Лозинский), по примеру своего синдика, приняли самое активное участие в работе горьковского издательства (а не в "таганцевском заговоре"!), подготовив для него фундаментальные переводы четырех поэм Байрона, "Орлеанской девственницы" Вольтера, героической комедии Э.Ростана "Сирано де Бержерак", а также нескольких десятков стихотворений, сонетов и баллад французских и английских поэтов. В архиве "Всемирной литературы" сохранился договор издательства с Гумилевым от 29 июля 1921 г. на редактирование им романа А. де Мюссе "Исповедь сына века" (перевод Г.В.Иванова), аннулированный через десять дней после расстрела поэта.

Рецензируя одну из первых книг с маркой горьковского издательства, современный критик высказал оптимистическую надежду на то, что его "программа будет полностью осуществлена".²⁹ К сожалению, он оказался плохим пророком, и в этом нужно винить не Гумилева и других мифических "вредителей", а бездушных и завистливых партбюрократов, типа зиновьевского свояка, беспощадного гонителя Блока Ильи Ионовича Ионина (1887-1942). Пользуясь прерогативами заведующего Петроградским отделением Госиздата и полновластного хозяина местной полиграфической промышленности, этот бездарный поэт и спесивый чиновник сделал все для того, чтобы усугубить и без того объективно тяжелое положение "Всемирной литературы".

С первых же дней своего существования издательство остро ощущало нехватку бумаги. Все попытки Горького с помощью Москвы или своих заграничных связей радикально решить эту проблему потерпели крах, и к концу 1920 г., исчерпав старые бумажные запасы, "Всемирная литература" была вынуждена приостановить дальнейшее печатание книг "основной серии" и "народной библиотеки", хотя в

ее "портфелях" к тому времени скопилось более 8000 листов полностью подготовленного и отредактированного текста.³⁰ "Типография наша, - жаловалась А.Ф.Кони 8 июля 1921 г. секретарь "Всемирной литературы" В.А.Сутугина, - вот уже месяца 3-4 как закрыта и ничего не печатается, да, должно быть, и не будет".³¹ Не лучше обстояли дела с финансами, в результате чего Горькому пришлось перед отъездом на Запад выплатить жалование техперсоналу издательства из собственного кармана.³²

Катастрофу ускорила передача "Всемирной литературы" под контроль Ионова. К началу 1921 г. конфликт между ним и Горьким настолько обострился, что при ЦК РКП(б) была даже создана специальная комиссия, которая не только не нашла реальных путей к спасению горьковского издательства, но и лишила его последних остатков самостоятельности.³³ После смерти Блока и расстрела Гумилева Горький надолго покинул Россию, а его столь широко разрекламированное просветительское предприятие быстро захирело и в конце 1924 г. прекратило свое существование.³⁴ Прошло много лет, однако "Буревестник" так и не смог простить "ионовым" этой тяжелой обиды. Усталый, смирившийся и покорный, он не сдержал стариковской слезы, жалуясь своему "конфиденту" А.С.Макаренко на тех, кто "растоптал" дорогую его душе "Всемирную литературу".³⁵ Думается, что вспоминая о ней в тоскливые дни крымского заточения, он видел перед собой не только переплеты "зарезанных" книг, но и скорбные тени безвременно сошедших в могилу Зиновия Гржебина, Александра Блока, Николая Гумилева...

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Более-менее успешно функционировали патрионируемые советским правительством издательства З.И.Гржебина и С.М.Алянского. Только за второе издание поэмы Блока "Двенадцать" (тираж 3000 экземпляров) "зиц-владелец" "Альционы" Алянский ухитрился получить с Литературно-издательского отдела Наркомпроса более 20 тысяч рублей (Архив ЛИТО Наркомпроса). Однако их процветание было эфемерным, и уже к началу НЭПа они потерпели полный финансовый крах (ГОЛУБЕВА О.Д., *Горький - издатель*, М. 1968, 121).
2. Если не считать расстрела в 1918 г. поэта-романтика Леонида Каннегисера, совершившего террористический акт против ближайшего сподвижника Троцкого, председателя Петрогубчека Урицкого.

3. Архив Наркомпроса СКСО.
4. МАРТЫНОВ И.Ф., КЛЕЙН Т.П., "К истории литературных объединений первых лет советской власти. (Петроградский Дом литераторов. 1918-1922)". - *Русская литература*, 1971, № 1, 125-134.
5. *Новая жизнь*, 1918, № 89, 14 мая, 1.
6. *Там же*, № 103, 30 мая, 1.
7. С февраля по август 1918 г. Петроградский комиссариат по делам печати тижды штрафовал "Новую жизнь" и приостанавливал ее издание за выступления против Брестского мира, призывы к забастовкам и другие подобного рода вольности (*Новая жизнь*, 1918, № 30, 21 февраля, 1; № 33, 3 марта, 1; № 122, 26 июня, 3; № 123, 27 июня, 1; № 127, 2 июля, 1).
8. Архив Совета Народных Комиссаров СКСО.
9. *Правда*, 1936, № 229, 20 августа, 4; № 230, 21 августа, 2; № 233, 24 августа, 1.
10. СОСНОВСКИЙ А., "Птичья ориентация. К вопросу об интеллигенции и советской власти", в: *Правда*, 1918, № 223, 16 октября, 2.
11. *Новая жизнь*, 1918, № 86, 10 мая, 1.
12. ГОЛУБЕВА О.Д., *Горький - издатель*, 97-112; ШОМРАКОВА И.А., *Книгоиздательство "Всемирная литература" (1918-1924)*, Книга. Исследования и материалы, Сб. 14, М. 1967, 175-193.
13. См. документы из архива издательства "Всемирная литература".
14. ГОЛУБЕВА О.Д., *Горький - издатель*, 114-116. Управляющим отделом был назначен бездарный прозаик и политический "хамелеон" В.В. Муйжель (1880-1924).
15. *Там же*, 104.
16. *Там же*, 102; ШОМРАКОВА И.А., *Книгоиздательство "Всемирная литература"*, 179.
17. ЗЕЛИНСКИЙ К.Л., *На рубеже двух эпох. Литературные встречи. 1917-1920*, Изд. 2-е, М. 1962, 266. См. также рассуждения Городецкого о том, как Блок "дэндировал революцию вместе с ненавистным ему Гумилевым" в "палаццо" (?) "Всемирной литературы" (ГОРОДЕЦКИЙ С.М., "Воспоминания о Блоке", в: *Печать и революция*, 1922, № 1, 87). Эту же версию повторяет вслед за ними в своей статье И.А.Шомракова (с. 177).
18. Архив Наркомпроса СКСО. Судя по материалам этого архива, в 1919-1920 гг. Гумилев вместе с Горьким и Блоком входил в состав коллегии Секции исторических картин при Наркомпросе, подготовив для нее пьесы "Жизнь Будды" (совместно с академиком С.Ф. Ольденбургом), "Гондла", "Красота Мории" и "Фальстаф" (представление в двух действиях по историческим хроникам Шекспира), а также сценарий для кинематографа о похождениях багдадского калифа Гарун аль Рашида (на материале арабских сказок "Тысяча и одна ночь"). Кроме того ему были заказаны трехактная пьеса "Охота на носорога", изображающая "эпоху первобытного общества, зарождение и развитие героического начала в человеке, борьбу его с природой и окружающей социальной средой", и массовое театрализованное представление "Завоевание Мексики".
19. БЛОК А.А., *Записные книжки. 1901-1920*, М. 1965, 438, 450.

20. Архив Наркомпроса СКСО. 26 июля 1919 г. К.И.Чуковский выдал ему, а также остальным десяти членам редколлегии "Всемирной литературы" прикрепительные талоны продовольственного кооператива при Наркомпросе СКСО.
21. См. воспоминания И.М.Наппельбаум.
22. БЛОК А.А., *Собрание сочинений*, Т. 7, М.-Л. 1963, 371.
23. ЗАМЯТИН Е.И., "Воспоминания о Блоке", в: *Русский современник*, 1924, кн. 3, 188. См. также: ГОЛУБЕВА О.Д., *Горький - издатель*, 110.
24. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ В.А., "Александр Блок. (Из книги *Повесть моей жизни*)", в: *Звезда*, 1945, № 3, 110.
25. ГУМИЛЕВ Н.С., "Переводы стихотворные", в: *Принципы художественного перевода*, Пб. 1920, 54.59.
26. См., например, в архиве культурно-просветительного отдела Петроградского Дома литераторов копию мандата, которым Гумилев командировался в Москву для участия "в литературном вечере современной поэзии", устроенном 2 ноября 1920 г. в Политехническом музее. (*Художественное слово. Временник Литературного отдела Наркомпроса*, Кн. 2, 1921, 73). Во время одной из таких поездок Мэтр акмеистов читал свои новые стихи в московском "Кафе поэтов", смирив, по воспоминаниям современника, "Буйную вольницу презентистов, эгофутуристов, эвфуистов и ничевоков", "разбивших" здесь "пестрое становье". Именно здесь он познакомился и обменялся изысканными комплиментами со страстным поклонником гумилевской поэзии - знаменитым чекистом Блюмкиным (ЛУГИН Г., *28^о 14' 30'' восточной долготы*, Рига 1933, 28-30).
27. *Петроградская правда*, 1921, № 181, 1 сентября, 1.
28. ПОЛОНСКАЯ Е.Г., "Начало двадцатых годов", в: *Простор*, 1964, № 6, 113, 118.
29. *Жизнь искусства*, 1920, № 373, 17 февраля, 3.
30. Характерно, что после ликвидации "Всемирной литературы" ценнейшие рукописи из ее редакционных "портфелей" разошлись по частным собраниям, а многие из них (см. приложения I-III) вообще бесследно исчезли.
31. Архив А.Ф.Кони.
32. Архив издательства "Всемирная литература".
33. ГОЛУБЕВА О.Д., *Горький - издатель*, 107.
34. *Там же*, 109.
35. МАКАРЕНКО А.С., *Сочинения*, Т. 7, М. 1952, 388.

СПИСОК ПЕРЕВОДОВ, ВЫПОЛНЕННЫХ Н.С.ГУМИЛЕВЫМ ДЛЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ
"ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА" И З.И.ГРЖЕБИНА.¹

I. Народный эпос и фольклор.

1. Гильгамеш. Аккадская эпическая поэма (VII-XI. 1918).²
Опубл.: *Гильгамеш*. Пер. (и предисл. переводчика) Н.С.Гумилева.
Введение В.К.Шилейко, СПб., изд. З.И.Гржебина, 1919.
2. Французские народные баллады ("Адская машина", "Жалоба
вечного жида" и др. - X. 1920). Опубл.: *Французские народные пес-
ни*. Пер. и предисл. Н.С.Гумилева. Пг.-Берлин, Петрополис, 1923.
3. Баллады о Робин Гуде: "Посещение Робинотом Гудом Ноттингема"
и "Робин Гуд и Гай Гисборн" (конец 1918). Опубл.: *Баллады о Робин
Гуде*. Под ред. Н.С.Гумилева, Пб. 1919, 71-73, 74-81.
4. Английская народная баллада "Английский король и восемь-
десят девушек" (I.1920). Сохр. в архиве П.Н.Медведева. Неопубл.
5. Скандинавские народные баллады: "Бой со змеем", "Гагбард
и Силия", "Лонгобарды" и "Сиффурт и Брюнелау" (IX.1920). МНИ.³

II. Французская поэзия

1. (Кат, с. 34).⁴ Ф.М.Вольтер, Орлеанская девствинница, Пес-
ни 1 (от стиха 26-го; с 1 по 26 стих - перевод А.С.Пушкина), 2,
3 и 4. Опубл.: *ВОЛЬТЕР Ф.М., Орлеанская девствинница. Поэма в 21
песни*, под ред. М.Л.Лозинского, т. 1, М.-Л., Всемирная литерату-
ра, 1924, 9-24.
2. (Кат, с. 34). Ф.М.Вольтер, Стихи к философской повести
"Принцесса Вавилонская" (XII.1919). МНИ.
3. (Кат, с. 41). Т.Готье (1811-1872): "Карнавал" из цикла
"Эмали и камеи" (X.1920). МНИ. Пер. также В.Портнов.
4. (Кат, с. 42). Ш.Леконт де Лиль (1818-1894):⁵ "Неумирающий
аромат" из цикла "Трагические стихотворения" (V.1919). МНИ. Пер.
также И.Поступальский.
"Слезы медведя" из цикла "Варварские стихотворения" (V.1919). МНИ.
Пер. также И.Поступальский.
"Фиделе" (IV.1919). МНИ.
5. (Кат, с. 43). Ш.Бодлер (1821-1867):

"Благословение" из цикла "Сплин и идеал" (V.1919). МНИ. Пер. также В.В.Левик и Эллис.

"Соответствия" из цикла "Сплин и идеал" (IV.1919). МНИ. Пер. также В.В.Левик и Б.К.Лившиц.

"Враг" из цикла "Сплин и идеал" (V.1920). МНИ. Пер. также В.В.Левик и А.М.Эфрос.

"Дон Жуан в аду" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также М.Квятковский и В.В.Левик.

"Вампир" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также М.Донской.

"Кошка" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также В.В.Левик.

"Кот" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также П.Г.Антокольский.

"Приглашение к путешествию" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также Д.С.Мережковский и И.Озерова.

"Привидение" из цикла "Сплин и идеал" (IV.1919). МНИ. Пер. также В.Я.Брюсов.

"Сплин" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также С.Андреевский, Д.Бродский, Вяч.Иванов, Н.С.Курочкин, В.В.Левик, В.Портнов и Эллис.

"Ужас" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также П.Г.Антокольский.

"Грустный мадригал" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также В.В.Левик.

"Жалобы Икара" из цикла "Сплин и идеал" (VIII.1919). МНИ. Пер. также П.Г.Антокольский и В.В.Левик.

"Мученица" из цикла "Цветы зла" (VI.1919). Сохр. в архиве П.Н.Медведева. Неопубл. Пер. также В.В.Левик.

"Авель и Каин" из цикла "Мятеж" (IV.1919). МНИ. Пер. также В.Я.Брюсов, В.Дынник и Д.Д.Минаев.

"Смерть любовников" из цикла "Смерть" (VII.1920). Сохр. в ИРЛИ. Пер. также К.Д.Бальмонт.

6. (Кат, с. 46). Ж.М. де Эредиа (1842-1905):

"Немея" из цикла "Геракл и кентавры" (VI.1919). МНИ. Пер. также Д.Олерон.

"Луперкус" из цикла "Рим и Варвары".⁶ Опувл.: ЭРЕДИА Ж.М., *Трофеи*, М. 1973, 61.

"Конкистадоры" из цикла "Конкистадоры". Оpubл.: ЭРЕДИА Ж.М., *Трофеи*, М. 1973, 91.

7. (Кат, с. 47). П.Верлен (1844-1896): "Эпилог" (X.1920). МНИ. Пер. также А.Эфрон.

8. (Кат, с. 49). А.Рембо (1854-1891): "Гласные" (V.1919). Сохр. в собр. А.Е.Бурцева. Пер. также А.А.Кублицкая-Пиоттук.

9. (Кат, с. 49). Ж.Мореас (1856-1910):⁷ "Дурная мать", "Без названия", "Воспоминания", "Марио", "Послание", "Распутник", "Слово вспоминающего рыцаря", "Вторая элегия", "Третья элегия", "Эрифини" и "Номо fuge" (1920).

III. Английская поэзия.

1. (Кат, с. 61). С.Т.Кольридж (1772-1834):

"Поэма о старом моряке" (конец 1918). Под ред. М.Л.Лозинского. Оpubл.: КОЛЬРИДЖ С.Т., *Поэма о старом моряке*, пер. и предисл. Н.С.Гумилева, Пб. 1919 (Всемирная литература, вып. 19); КОЛЬРИДЖ С.Т., *Стихи*, М. 1974, 155-177. Пер. также В.В.Левик.

"Баллада о Черной Леди" (VI.1920). Под ред. М.Л.Лозинского. МНИ. Пер. также А.Штейнберг.

2. (Кат, с. 61). Р.Саути (1774-1843): "Предостережение хирурга" (V.1919). Оpubл.: САУТИ Р., *Баллады*. Пер. под ред. и с предисл. Н.С.Гумилева. Пб. 1922, 9-16. Пер. также А.Штейнберг.

IV. Немецкая поэзия.

1. (Кат, с. 86). Г.Гейне (1797-1856):

"Атта Троль" (I-III.1919).⁸ Оpubл.: ГЕЙНЕ Г., *Стихотворения*, М.-Л., Academia 1931, 297-366; ЕГО ЖЕ, *Избранные произведения*, под ред. А.Дейча, М.-Л., ГИХЛ 1934, 117-141. Пер. также В.В.Левик и П.М.Карп.

"Винцлипуцли" (I-X.1920). МНИ. Пер. также В.В.Левик.

"Бимини" (I-X.1920). Перевод шести последних строф сохр. в собр. А.Е.Бурцева. Публ. в *Гумилевских чтениях*, № 1. Пер. также В.В.Левик.

V. Португальская поэзия.

1. (Кат, с. 133). Ж.М.Эса ди Кейруш (1846-1900). Стихи к "Избранным сочинениям" (VII.1919). МНИ. В "Избранных сочинениях"

Эсы ди Кейруша (Т. 1, М.-Пг. 1923) отрывки из песен и романсов в прозаических переводах.

СПИСОК ПРЕДИСЛОВИЙ Н.С.ГУМИЛЕВА К ИЗДАНИЯМ "ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ"

1. (Французские народные песни) (1920). Оpubл.: *Французские народные песни*, Пг.-Берлин 1923, СС, т. 4, 404-407.

2. Теофиль Готье (1920). Оpubл.: ГОТЬЕ Т., *Избранные стихи*, пер. В.А.Рождественского, Пг, Мысль, 1923, 5-16. СС, т. 4, 386-394. См. рец. Н.О.Лернера в журнале *Русский современник* (1924, кн. 3, 285).

3. Шарль Бодлер (1920). МНИ.

4. ("Поэма о старом моряке" С.Т.Кольриджа) (1919). Оpubл.: КОЛЬРИДЖ С.Т., *Поэма о старом моряке*, Пг. 1919, 5-10. СС, т. 4, 397-401.

5. ("Баллады" Роберта Саути) (1919). Оpubл.: САУТИ Р., *Баллады*, Пг. 1922, 5-8. СС, т. 4, 401-404.

6. (Кат, с. 67). Г.Р.Хаггард (1856-1925).⁹ Аллан Кватерман. Роман. Ред. и предисл. Н.С.Гумилева (V-X.1920). МНИ.

СПИСОК ПЕРЕВОДОВ, ОТРЕДАКТИРОВАННЫХ Н.С.ГУМИЛЕВЫМ ДЛЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА".

I. Народный эпос и фольклор.

1. Фирдоуси, "Шахнаме". Пер. М.Л.Лозинского (XII.1919-XI.1920). МНИ.

2. Баллады о Робин гуде. Пер. Г.В.Адамовича, Г.В.Иванова, А.И.Пиотровского и В.А.Рождественского (начало 1919). Оpubл.: *Баллады о Робин Гуде*, Пб. 1919.

3. Английские народные баллады. Пер. Измайловой и В.А.Рождественского (1920). Сохр. в архиве издательства Academia.

4. Датские народные песни (1920). МНИ.

5. Шведские народные песни (1920). МНИ.

II. Французская поэзия.

1. (Кат, нет). Ж. дю Белле (1522-1560). Сонеты. Пер. А.И. Пиотровского (X.1920). МНИ.
2. (Кат, с. 34). Ф.М.Вольтер (1694-1778). Орлеанская девственница. Пер. Г.В.Адамовича, Г.В.Иванова и М.Л.Лозинского (IV.1920). Опубл.: ВОЛЬТЕР Ф.М., *Орлеанская девственница*, Т. 1, М.-Л. 1924.
3. (Кат, 42). А.О.Барбье (1805-1882). Стихотворение "Темза" из цикла "Лазарь". Пер. Веринной (X.1920). МНИ. Пер. также Е.Г. Эткинд.
4. (Кат, с. 41). Т.Готье (1811-1872). Повести "Даниэль Жовар, или Обращение классика", "Та и эта", "Роман мумии", стихотворение "Средневековье" и др. Пер. В.А.Рождественского и др. (V.1919-X.1920). МНИ.
5. (Кат, с. 42). Ш.Леконт де Лиль (1818-1894). Стихотворения. Пер. В.Коломийцева, М.Л.Лозинского, А.И.Пиотровского, В.А.Рождественского и др. (III.1919-XI.1920). МНИ.
6. (Кат, с. 43). Ш.Бодлер (1821-1867). Стихотворения. Пер. В.Коломийцева, Н.А.Оцупа, В.А.Рождественского и др. (IV.1919-V.1921). МНИ.
7. (Кат, с. 45). Сюлли-Прюдом (1839-1907). Стихотворение "Внутренний мир" (VI.1919). МНИ.
8. (Кат, с. 46). Ж.М. де Эредиа (1842-1905). Стихотворения (XI.1920). МНИ.
9. (Кат, с. 46). Ф.Э.Ж.Коппе (1842-1908). Стихотворения. Пер. Брянского и В.Коломийцева (X.1920-VI.1921). МНИ.
10. (Кат, с. 47). П.Верлен (1844-1896). Стихотворения (X.1920). МНИ.
11. (Кат, с. 49). Ж.Мореас (1856-1910). Стихотворения. Пер. Ольхиной, В.А.Рождественского и др. (XI.1920). МНИ.
12. (Кат, с. 52). Э.Ростан (1868-1918). Драматические сочинения в стихах: "Сирано де Бержерак" (пер. Г.В.Иванова, VI.1919), "Далекая принцесса" (пер. В.А.Рождественского, VI.1919), "Орленок" (VII.1919), "Самарянка" (VI.1919). МНИ.

13. (Кат, с. 52). С.Ф.Мерриль (1863–1915). Стихотворения. Пер. М.Л.Лозинского (VII.1921). МНИ.

14. (Кат, с. 53). А.В.Самен (1858–1900). Стихотворения. Пер. М.Л.Лозинского (XI.1920). МНИ.

15. (Кат, с. 52). А.Ретте (1863–1930). Стихотворение "Гимн деревне". Пер. М.Л.Лозинского (VI.1921). МНИ.

16. (Кат, с. 52). Ф.Вьеле-Гриффен (1864–1937).¹⁰ Стихотворение "Медведь и абесса". Пер. М.Л.Лозинского (XI.1920). МНИ.

17. (Кат, с. 53). М.Магр (1877–1941). Стихотворение "Идущие по дорогам". Пер. М.Л.Лозинского (XI.1920). МНИ.

III. Английская поэзия.

1. (Кат, с. 61). У.Вордсворт (1770–1850). Стихотворения. Пер. Г.В.Иванова и Флоровского (II–X.1920). МНИ.

2. (Кат, с. 61). С.Т.Кольридж (1772–1834). Стихотворения. Пер. Г.В.Иванова и М.Л.Лозинского (I–X.1920). МНИ.

3. (Кат, с. 61). Р.Саути (1774–1843). Баллады. Пер. Г.В.Адамовича, В.А.Жуковского, Д.Майзельса, Ф.Миллера, Н.А.Оцупа, А.Н.Плещеева и В.А.Рождественского (V.1919–II.1920). Оpubл.: САУТИ Р., *Баллады*, Пб. 1922. (Всемирная литература, вып. 50).

4. (Кат, с. 62). Д.Н.Г.Байрон (1788–1824). Поэмы "Чайльд Гарольд" (пер. Г.В.Адамовича), "Дон Жуан" (пер. Н.А.Оцупа), "Мазепа" (пер. Г.В.Иванова), "Лара" (пер. В.А.Рождественского) и "Гяур" (пер. Кладо), трагедии "Марино Фальеро" и "Сарданапал" (пер. В.А.Рождественского) (III.1919–V.1921). Трагедия "Сарданапал" в пер. В.А.Рождественского опубл.: БАЙРОН Д.Н.Г., *Сочинения*, т. 2, М. 1974, 248–381.

5. (Кат, с. 62). Т.Мур (1778–1852). Поэма "Лалла Рук" (пер. Г.В.Адамова, X.1920). МНИ.

6. (Кат, с. 62). Д.Китс (1795–1821). Поэмы "Канун св. Агнессы" (пер. Кладо) и "Эндимион" (пер. Брянского) (I–X.1920). МНИ.

7. (Кат, с. 64). А.Теннисон (1809–1892). Стихотворения (X.1920). МНИ.

8. (Кат, с. 64). Р.Браунинг (1812–1889).¹¹ Стихотворения. Пер. В.А.Рождественского (V.1920). МНИ.

9. (Кат, с. 66). Д.Г.Россетти (1828-1882). Поэма "Бремя Ниневии" и стихотворения. Пер. Кладо (V-X.1920). МНИ.

10. (Кат, нет). С.Филлипс (1868-1915). Драма в стихах "Пасло и Франческа" (VII.1915). МНИ.

IV. Немецкая поэзия.

1. (Кат, с. 81). И.Г.Гердер (1744-1803). Стихотворный цикл "Сид". Пер. В.А.Зоргенфрея (1919). Оpubл.: ГЕРДЕР И.Г., *Сид*, пер., предисл. и примеч. В.А.Зоргенфрея. Ред. Н.С.Гумилева, Пг. 1922. (Всемирная литература. Германия).

2. (Кат, с. 82). Ф.Шиллер (1759-1805). Трагедия "Пикколомини". Пер. Б.М.Эйхенбаума и др. (XI.1920). Оpubл.: ШИЛЛЕР Ф., *Собрание сочинений*, т. 4, М.-Л. 1936, 59-183.

3. (Кат, с. 85). Г. фон Клейст. (1777-1811). Трагедии "Роберт Гискар" и "Семейство Шроффенштейн" (пер. Б.Л.Пастернака), комедия "Амфитрион" (пер. А.И.Оношкович-Яцыной) (1920). Оpubл.: КЛЕЙСТ Г., *Собрание сочинений*, т. 1, под. ред. Н.С.Гумилева и В.А.Зоргенфрея, Пг.-М. 1923. (Всемирная литература. Германия).

4. (Кат, с. 86). Г.Гейне (1797-1856). Поэмы и стихотворения (I-X.1920). МНИ.

5. (Кат, с. 88). К.Ф.Хеббель (1813-1863). Трагедия "Ирод и Мариамна" (II.1920). МНИ.

6. (Кат, с. 90). К.Ф.Мейер (1825-1898). Стихотворения. Пер. А.В.Луначарского (1919). Оpubл.: МЕЙЕР К.Ф., *Лирика*, пер. и предисл. А.В.Луначарского, Пг. 1920.

7. (Кат, с. 89). Ф. фон Заар. (1833-1906). Стихотворения (II. 1920). МНИ.

8. (Кат, с. 89). Ф.Дан (1834-1912). Баллады. Пер. С.А.Свиридовой (I-X.1920). МНИ.

9. (Кат, с. 91). Р.Хамерлинг (1830-1889). Эпическая поэма "Агасфер в Риме" (IV.1920). МНИ.

10. (Кат, нет). Э.Гардт (1876-1947). Драма в стихах "Шут Тантрис". Пер. О.Э.Мандельштама (начало 1919).

V. Итальянская и испанская поэзия.

1. (Кат, с. 110). Д.Леопарди (1798-1837). Стихотворения. (VI.1919). МНИ.

2. (Кат, с. 119). Г. д'Аннунцио (1863-1938). Драматические сочинения в стихах ("Франческа да Римини" и др.) (III.1919-X.1920). МНИ.

3. (Кат, с. 125). Х. де Эспронседа (1808-1842). Стихотворения. Пер. К.Д.Бальмонта (1919). МНИ.

VI. Стихи к прозаическим произведениям.

1. (Кат, с. 39). А. де Мюссе (1810-1857). "Хмельной гимн" к роману Ж.Санд "Лелия". Пер. В.Коломийцева (IX.1920). МНИ.

2. (Кат, с. 91). Ф.Лассаль (1825-1864). Стих к "Речи перед судом присяжных" (X.1920). МНИ.

3. (Кат, с. 77). Д.Лондон (1876-1916). Отрывки стихов и песен к роману "Морской волк". Пер. Д.М.Горфинкеля (IX.1920).

4. (Кат, с. 130). Х.Исаакс (1837-1895). Стихи к роману колумбийского писателя "Мария". Пер. Брянского (V.1921). МНИ.

5. (Кат, с. 162). Е.П.Якобсен (1847-1885). Стихи к новелле датского писателя "Могенс". Пер. В.Коломийцева (VII.1920). МНИ.

VII. Драматические сочинения и роман.

1. (Кат, с. 83). Л.Тик (1773-1853). Драма "Жизнь и смерть св. Женевьевы". Пер. А.Панова (IV.1919). МНИ.

2. (Кат, с. 86). Ф.Грильпарцер (1791-1872). Трагедии "Величие и падение короля Оттокара" (пер. В.А.Зоргенфрея), "Еврейка из Толедо" (пер. С.Тужима) и "Сафо", комедия "Горе лжецу" (пер. Е.Р.Малкиной), сказка "Сон есть жизнь" (IV-X.1920). "Еврейка из Толедо" и "Горе лжецу" опубл.: ГРИЛЬПАРЦЕР Ф., *Пьесы*, т. 1, ред. Н.С.Гумилева и М.Л.Лозинского, М.-Пг. 1923. (Всемирная литература).

3. (Кат, с. 94). Г.Гауптман (1862-1946). Драма "Заложница императора Карла". Пер. В.А.Зоргенфрея (VIII.1920). МНИ.

4. (Кат, с. 120). С.Бенелли (1877-1949). Драматическая поэма "Рванный плащ". Пер. А.В.Амфитеатрова (V-VI.1919). Опубл.: БЕНЕЛЛИ С., *Драматические поэмы. Рванный плащ. Ужин шитов*. Пер. А.В.Амфи-

театрова и др. М.-Пг. 1923. (Всемирная литература).

5. (Кат, с. 165). М.Андерсен-Некое (1869-1954). Роман "Пелле-Завоеватель". Пер. Лазаревской (VII.1920). МНИ.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Составлен по книгам авторских гонораров издательства "Всемирная литература".
2. Приблизительные даты работы над переводом.
3. Местонахождение неизвестно.
4. Каталог издательства "Всемирная литература". Пб. 1919.
5. "Кстати сказать, - писал Гумилев Брюсову 14 июля 1908 г., - самого Л(еконта де) Л(иля) я нахожу смертельно скучным, но мне нравится его манера вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты" (НГ, с. 50).
6. В книге авторских гонораров "Всемирной литературы" нет упоминания о переводе Гумилевым стихотворений "Луперкус" и "Конкистадоры".
7. Летом 1920 г. в интервью корреспонденту журнала "Вестник литературы" Гумилев сообщал о своей работе над переводами стихов Ж.Мореаса, придавая особое значение творчеству этого духовно близкого ему поэта (СС, т. 4, 533-534).
8. Переговоры с Блоком о переводе этой поэмы были начаты 14 декабря 1918 г. (БЛОК А.А., *Записные книжки. 1901-1920*, М. 1965, 440).
9. Об интересе юного Гумилева к творчеству Г.Р.Хаггарда см. с.
10. См. переведенную Гумилевым поэму Ф.Вьеле-Гриффена "Кавалькада Изольды" (*Северные записки*, 1914, № 1, 60-70).
11. См. переведенную Гумилевым несценическую пьесу Р.Браунинга "Пиппа проходит" (*там же*, № 3, 39-56; № 4, 62-98).

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..

Т.Л.НИКОЛЬСКАЯ

ГУМИЛЕВ И ГРУЗИНСКИЕ СИМВОЛИСТЫ

Публикуемое ниже письмо Н.С.Гумилева к известному грузинскому писателю, поэту, драматургу и литературному критику Григорию Титовичу Робакидзе (1884–1962)¹ впервые было напечатано² в тифлисской газете *Бахтриони*³ (1922, № 23, 17 декабря, с. 3) – органе грузинских символистов, организовавших в 1915 г. группу "Голубые роги" ("Циспери канцеби"), которая до начала 1930-х гг. играла заметную роль в культурной жизни Грузии. Первоначальное "ядро" группы составили П.Яшвили, Т.Табидзе, В.Гапринадашвили, К.Надирадзе и С.Цирекидзе, избравшие Робакидзе своим почетным "синдиком" (см. статью Тициана Табидзе в первом номере альманаха *Циспери канцеби* за 1916 г.).

К сожалению, этот примечательный документ является пока единственным свидетельством творческих контактов между Гумилевым и Робакидзе, начало которых, вполне вероятно, относится еще ко временам их парижской юности.⁴ Дальнейшие разыскания исследователей в грузинских и зарубежных архивах несомненно позволят выявить новые материалы, подтверждающие прочность духовных связей Гумилева с Грузией, страной древней, высокой культуры, где он впервые осознал себя поэтом.⁵

ПИСЬМО Н.С.ГУМИЛЕВА Г.Т.РОБАКИДЗЕ. (Июль 1911 г.)⁶

Дорогой господин Григол!

Прежде всего простите, что я так опоздал с ответом. Но я только сегодня вернулся из Тверской губернии и тогда же получил Ваше письмо. Очень рад, что Вы вспомнили обо мне и что Вы собираетесь приехать в Петербург.

Я очень буду рад нашей встрече. Ваша информация о грузинском символизме меня чрезвычайно заинтересовала. Конечно, пришлите Вашу статью,⁷ и я ее где-нибудь устрою. Но редакция должна иметь право сократить ее по своему усмотрению, что может оказаться затруднительным.

Что касается перевода "Змееда",⁸ я с большим удовольствием возьму его на себя, если он не содержит технических трудностей.

Тогда его, может быть, удастся опубликовать в *Пантеоне*⁹ с Вашим предисловием. Но несчастье в том, что грузинский язык я знаю очень плохо и буду в состоянии перевести единственно при условии наличия подстрочника и с указаниями какого-нибудь знатока.

Ваш Н.Гумилев

Рукопись и письма пошлите по адресу: Царское Село, Бульварная, дом Георгиевского, Николаю Степановичу Гумилеву.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Блестяще образованный человек, Робакидзе получил философское образование в Лейпцигском, а затем юридическое - в Дерптском университетах. По возвращении домой он напечатал в 1919 г. на русском языке книгу *Портреты*, куда вошли эссе о Чаадаеве, Лермонтове, Розанове и Андрее Белом. Большой и заслуженный успех имели у его соотечественников в начале 1920-х гг. драмы Робакидзе "Ламара" и "Лонда", а также его роман "Змеиная кожа". После отъезда из советской Грузии в Германию (1931 г.) им были опубликованы там несколько романов, эссе и стихов на немецком языке. Немецкий перевод романа "Змеиная кожа" увидел свет еще в 1928 г. с предисловием С.Цвейга.
2. Письмо напечатано на грузинском языке. Обратный перевод на русский язык выполнен публикатором.
3. Бахтриони - название древней грузинской крепости. В начале XVII в. крепость была захвачена иранским шахом Аббасом I, однако пол-столетия спустя грузины подняли восстание и изгнали из нее чужеземцев. Это событие легло в основу поэмы Важа Пшавеля "Бахтриони".
4. Известно, что во время своего первого пребывания в Париже Гумилев, исполнявший обязанности редактора журнала *Сириус* (1907), сблизился с жившими там грузинскими художниками-модернистами. Примерно в те же годы в Париж часто наезжал и Г.Т.Робакидзе. Заинтересовавшись религиозно-эстетическими концепциями русских символистов, он стал постоянным гостем парижского салона Мережковских. "Этот Робакидзе, - писала Э.Н.Гиппиус 13 марта 1907 г. к Андрею Белому из Парижа, - оказался очень ничего себе, дельно говорил; называет себя индивидуалистом-идеалистом и учеником Риккерта (немецкого философа-неокантианца - Ред.)" (ОР ГБЛ, ф. 25, карт. 14, № 6). О частных визитах молодого грузинского поэта к Мережковским свидетельствует и другое письмо, отправленное 2 сентября 1910 г. Д.В.Философовым к В.Я.Брюсову: "Робакидзе я знаю по Парижу. Три года он ходил к нам каждую субботу... Он кончил духовную семинарию в Тифлисе и затем Лейпцигский университет. У него солидное философское образование, и я его рекомендовал Струве" (ОР ГБЛ, ф. 386, карт. 106, №. 33). Судя по дошедшим до нас документам, "несимпатичный" Гумилев встретил у Мережковских совсем иной прием (*Литературное наследство*, т. 85, "Валерий Брюсов", М., 1976, 691). Однако в

Париже тех лет было немало других литературных салонов и художественных мастерских, где он мог познакомиться и сблизиться с Робакидзе.

5. С 1900 по 1903 г. Гумилев, приехав с родителями на Кавказ, учился сначала во 2-й, а затем в 1-й Тифлисской мужской гимназии. Судя по сохранившимся до наших дней архивным материалам гимназической канцелярии, но не отличался особым прилежанием к наукам (отличные сценки по истории и полнейшее пренебрежение к другим дисциплинам), но зато совсем еще юным шестиклассником напечатал в местной газете *Тифлисский листок* (1902) свое первое стихотворение и имел с помощью сверстников-соучеников, русских, грузин, армян и азербайджанцев, отличную возможность "изнутри" познакомиться с нравами и обычаями многонационального населения древней столицы Грузии. Особое влияние на Гумилева, повидимому, имел приятель его старшего брата Борис Легран - дерзкий бунтарь, доставлявший немало хлопот гимназическому начальству, вольнодумный, не по годам развитый юноша, читавший тайком от учителей запретные философские труды Ницше, Шопенгауэра и (вполне вероятно Маркса). Именно здесь следует искать истоки легенды об увлечении Гумилева-гимназиста "социалистическими идеями" (СС, т. 1, с. IX), однако это увлечение (даже если оно было на самом деле) оказалось недолгим, чему способствовали как склад его характера, так и семейные традиции.
6. Как видно из примечания редакции *Бахтриони*, возглавлявшейся по этому Г. Леонидзе, адресат этого письма датировал его 1911 г. Письмо, вероятно, отправлено из Петербурга в начале июля 1911 г., так как до конца июня Гумилев еще находился в своем тверском имении Слепново, где отдыхал с женой после второй совместной поездки в Париж (СС, т. 1, с. XVII-XVIII).
7. Речь идет о статье Г.Т.Робакидзе, посвященной творчеству грузинского поэта Важа Пшавела (1861-1915), которого он считал первым грузинским символистом. Эта статья была опубликована в августовском номере журнала *Русская мысль* за 1911 г.
8. "Змееед" - поэма Важа Пшавела, разбору которой в основном посвящена статья Робакидзе.
9. "Пантеон" - петербургское издательство, основанное в 1908 г. с целью "собрать шедевры мировой литературы и сделать их достоянием русского читателя".

[The text in this section is extremely faint and illegible due to heavy noise and low contrast. It appears to be a series of paragraphs, possibly containing technical or administrative information.]

[This section contains more illegible text, appearing as several distinct paragraphs. The content is obscured by the same quality issues as the upper portion of the page.]

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЧЕРУБИНЫ ДЕ ГАБРИАК

История русской поэзии "Серебряного Века", до предела насыщенная острыми философскими спорами, беспрестанной борьбой поэтических группировок и "удельных князей" отечественного Парнаса, изобиловала не только драмами идей, но и теми забавными фарсами, розыгрышами и шутками, без которых не может существовать здоровая литературная среда. Самым блистательным мастером подобного рода затей был неистощимый на выдумку поэт и художник Максимилиан Александрович Волошин. С легкой руки этого удивительного человека, как никто другой умевшего соединять поэзию и жизнь в одно причудливое, красочное "действие", скромная, некрасивая учительница одной из петербургских гимназий Елизавета Ивановна Дмитриева (1887-1928) превратилась в таинственную иноземную красавицу Черубину де Габриак, чьи стихи печатались "на ура" в журнале столичных эстетов *Аполлон*, а сами эстеты сходили по ней с ума.¹ Саморазоблачение Дмитриевой так ошеломило их, что один из самых горячих поклонников Черубины - Николай Гумилев, глубоко оскорбленный в лучших своих чувствах, вызвал Волошина на дуэль. Шутка чуть не обернулась трагедией, однако все обошлось благополучно, после чего перед волошинской "протее" надолго закрылись двери всех столичных издательств. Известно, что до конца своих дней Дмитриева (в замужестве Васильева) продолжала писать стихи, но судьба большинства из них после высылки поэтессы в Среднюю Азию (1928 г.) пока еще остается загадкой.

Тем интереснее обнаруженный нами в "древлехранилище" фундаментальной библиотеки Белорусской Академии наук автограф неизвестного стихотворения Е.И. Дмитриевой, подписанный ее знаменитым псевдонимом и датированный октябрём 1915 г.:

Здесь будет все воспоминаньем
Начала правого Пути,
Здесь будет с каждым начертаньем
Душа к небесному расти.

Да не закрой тяжелым дымом,
Но Светом озари миры -
Не то Господь мечом незримым
Отвергнет Каина дары.

Бог, манну сеявший в пустыне,
 Чтобы насытить свой народ,
 Тебя в словах священных ныне
 К духовной манне приведет.

И годы жизни терпеливой
 Отдай сокрытому Пути,
 Чтоб ветвью праздничной оливы
 В руках Господних расцвести.

1915 г. Октябрь. Петроград

Как видно из подписи под этим мистическим стихотворением, столь характерным для творческой манеры Дмитриевой, камерная игра "в Черубину" продолжалась много лет спустя после ее сенсационного саморазоблачения. Поэтесса-хромоножка настолько сжилась с упоительной ролью "звезды" светских салонов, что не могла хотя бы время от времени не возвращаться к ней в своих мечтах. Не менее примечательно, что этот автограф помещен на форзаце кабаллистического трактата Иоанна Пистори "Artis Cabalisticae hoc est, reconditae theologicae et philosophiae scriptorum" (Basiliae, 1587), приобретенного ею, либо Максимилианом Волошиным в парижской букинистической лавке "окультурных и тайных наук".² Страстный знаток и ценитель старинных книг, Волошин был близко знаком чуть ли не со всеми антиквариями Парижа и нередко любил поражать своих друзей поистине удивительными находками, извлеченными из груд никому не нужного хлама. Трудно теперь сказать, как очутилась в Минске книга с автографом Черубини де Габриак. Отметим только, что местные хранилища пополнились после Второй мировой войны несколькими тысячами редких изданий, вывезенными нацистами из оккупированных ими городов (Пскова, Тарту, Киева и др.), а затем возвратившимися на родину.

После саморазоблачения Дмитриева (в замужестве Васильева) – "Габриак" интенсивно продолжала писать стихи, однако ее усиленные занятия антропософией придали им совершенно новую окраску. Многие из этих стихов, на наш взгляд, достойны по-нраву занять почетное место в будущей антологии русской духовной поэзии XX века, которая исподволь формируется и готовится к печати участниками *Гумилевских чтений*. К сожалению, подавляющая часть поэтического наследия Васильевой, а также материалы о ее жизни и творчестве до настоящего времени остаются в рукописях и списках. Много утрачено после ареста поэтессы и ее высылки в Среднюю Азию (1928 г.).

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. ЦВЕТАЕВА М.И., "Живое о живом", в кн.: *Максимилиан Волошин - художник. Сборник материалов*, М. 1976, 149-157; ЭРЕНБУРГ И.Г., *Собрание сочинений*, т. 8, М. 1966, 114-115; КУПРИЯНОВ И., *Литературная мистификация в "Аполлоне"*, в: *Радуга*, 1970.
2. На обороте верхней крышки переплета имеется наклейка: Lucien Bodin, libraire. 5, Rue Christine, Paris. Sciences occultes et philosophiques, societes secretes. Catalogue gratuit sur demande". Судя по печатке-экслибрису на форзаце ("Ex libris Emile Lafuma. Voiron") этой книги, она побывала в разных частных коллекциях, но, скорее всего, до того, как попала к Волошину и Дмитриевой, ибо среди их знакомых нам не удалось найти человека с фамилией Лафума.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК
ГУМИЛЕВ И ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК

М.А.ВОЛОШИН

РАССКАЗ О ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК. ОТРЫВОК

... Когда Черубина разоблачила себя, Маковский поехал к ней с визитом и стал уверять, что он уже давно обо всем знал. "Я хотел дать Вам возможность дописать до конца Вашу красивую поэму". Он подозревал о моем сообщничестве с Лилей и однажды спросил меня об этом, но я, честно глядя ему в глаза, отрекся от всего. Мое отречение было встречено с молчаливой благодарностью.

Неожиданной во всей этой истории явилась моя дуэль с Гумилевым. Он знал Лилю давно и давно же предлагал ей напечатать ее стихи, однако, о Черубине он не подозревал истины. За год до этого в 1909 г. летом, будучи в Коктебеле вместе с Лилей, он делал ей предложение.

В то время, когда Лиля разоблачила себя, в редакционных кругах стали расти сплетни.

Лиля обычно бывала в редакции одна, так как жених ее, Воля Васильев,¹ бывать с ней не мог. Одному немецкому поэту, Ганцу Гюнтеру,² который забавлялся оккультизмом, удалось завладеть доверием Лили. Она была в то время в очень нервном возбужденном состоянии. Очевидно, Гюнтер добился от нее каких-нибудь признаний. Он стал рассказывать, что Гумилев говорит о том, как у них с Лилей в Коктебеле был большой роман. Все это в грубых выражениях. Гюнтер даже устроил Лиле "очную ставку" с Гумилевым, которому она принуждена была сказать, что он лжет. Гюнтер же был с Гумилевым на "ты" и, очевидно, на его стороне. Я почувствовал себя ответственным за все это и с разрешения Воли (который был в то время вольноопределяющимся, в нижнем чине), после совета с Леманом, одним из наших общих с Лилей друзей,³ через два дня стрелялся с Гумилевым.

Мы встретились с ним в мастерской Головина⁴ в Мариинском театре во время представления "Фауста". Головин в это время писал

портреты поэтов, сотрудников "Аполлона". В этот вечер я позировал. В мастерской было много народу и в том числе Гумилев. Я решил дать ему пощечину по всем правилам дуэльного искусства, так как Гумилев, большой специалист, сам учил меня в предыдущем году: сильно, кратко и неожиданно.

В огромной мастерской на полу были разостланы декорации к "Орфею". Все были уже в сборе. Гумилев стоял с Блоком на другом конце зала. Шаляпин внизу запел "Заклинание цветов". Я решил дать ему кончить. Когда он кончил, я подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И.Ф.Анненского: "Достоевский прав, звук пощечины - действительно, мокрый".⁵ Гумилев отшатнулся от меня и сказал: "Ты мне за это ответишь" (мы с ним не были на "ты"). Мне хотелось сказать: "Николай Степанович, это не брудершафт". Но тут же сообразил, что это не вязалось с правилами дуэльного искусства, и у меня внезапно вырвался вопрос: "Вы поняли?" (то-есть: поняли ли за что?). Он ответил: "Понял".

На другой день рано утром мы стрелялись за Новой Деревней возле Черной речки, если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то во всяком случае современной ему. Была мокрая, грязная весна, и моему секунданту Шервашидзе, который отмеривал нам 15 шагов по кочкам, пришлось очень плохо. Гумилев промахнулся, у меня пистолет дал осечку. Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, боясь, по неумению стрелять, попасть в него. Не попал, и на этом наша дуэль окончилась. Секунданты предложили нам подать друг другу руки, но мы отказались.

После этого я встретился с Гумилевым только один раз, случайно, в Крыму, за несколько месяцев до его смерти. Нас представили друг другу, не зная, что мы знакомы: мы подали друг другу руки, но разговаривали недолго: Гумилев торопился уходить.

А.Н.ТОЛСТОЙ

ВОСПОМИНАНИЯ. ОТРЫВКИ

... Летом того же года¹ Грант² приехал на взморье близ Фео-

досии, в Коктебель, на дачу Волошина. Мне кажется, что его влекла туда встреча с Д.,³ молодой девушкой, судьба которой впоследствии была так необычайна. С первых же дней Грант понял, что приехал напрасно: у Д. началась, как раз в то время, ее удивительная и короткая полоса жизни, сделавшая из нее одну из самых фантастических и печальных фигур в русской литературе.

Помню, в теплую звездную ночь я вышел на открытую веранду волошинского дома, у самого берега моря. В темноте, на полу, на ковре лежала Д. и в полголоса читала стихотворение. Мне запомнилась одна строчка, которую через два месяца я услышал совсем в иной оправе стихов, окруженных фантастикой и тайной (Черубина де Габриак).

Грант с иронией встретил любовную неудачу: в продолжении недели он занимался ловлей тарантулов. Его карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Он устраивал бои тарантулов. К нему было страшно подойти. Затем он заперся у себя в чердачной комнате дачи и написал замечательную прославленную впоследствии поэму "Капитаны".⁴

После этого он выпустил пауков и уехал.

*

Литературная осень 1909 года началась шумно и занимательно. Открылся "Аполлон" с выставками и вечерами поэзии. Замкнутые чтения о стихосложении, начатые весной на "Башне" у Вячеслава Иванова, были перенесены в "Аполлон" и превращены в Академию стиха. Появился Иннокентий Анненский, высокий, в красном жилете, прямой старик с головой Дон-Кихота, с трудными и необыкновенными стихами и всевозможными чудачествами. Играл Скрябин. Из Москвы приезжал Андрей Белый с теорией поэтики в тысячу страниц. В пряной, изысканной и приподнятой атмосфере "Аполлона" возникла поэтесса Черубина де Габриак. Ее никто не видал, лишь знали ее нежный и певучий голос по телефону. Ей посылались корректуры с золотым обрезом и корзины роз. Ее превосходные и волнующие стихи были смесью лжи, печали и чувственности. Я уже говорил, как случайно, по одной строчке проник в эту тайну, и я утверждаю, что Черубина де Габриак действительно существовала, - ее земному бытию было три месяца. Те, - мужчина и женщина, - между которыми она возникла, не

сочиняли стихов, но записывали их под диктовку; постепенно начались признаки ее реального присутствия, наконец - они увидели ее однажды.

Думаю, что это могло кончиться сумашествием, если бы не неожиданно повернувшиеся события.

*

Мистификация, начатая с шутки, зашла слишком далеко, - пришлось ее раскрыть.

В редакции "Аполлона" настроение было, как перед грозой. И неожиданно для всех, гроза разразилась над головой Гранта. Здесь, конечно, не место рассказывать о том, что сам Грант никогда не желал делать достоянием общества. Но я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенную ему, - в произнесении некоторых неосторожных слов, - было ложно; слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения, когда же была устроена очная ставка с Д., той девушкой из Коктебеля, и он услышал на очной ставке ложь, то он из гордости и презрения подтвердил эту ложь. В Мариинском театре, наверху, в половине одиннадцатого, когда под колосниками, в черной пропасти сцены раздавались звуки "Орфея", произошла тяжелая сцена в двух шагах от меня: поэт В., бросившись к Гранту, оскорбил его. К ним подбежали Анненский, Головин, Вячеслав Иванов. Но Грант, прямой, весь напряженный, заложив руки за спину и стиснув их, уж овладел собой. Здесь же он вызвал В. на дуэль.

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1909-1925 гг.

I. LUMEN COELI, SANCTA ROSA!..

Иерихонская роза цветет только раз,
Но не все ее видят цветенье:
Ее чудо открыто для набожных глаз,
Для сердец, перешедших сомненье.

Когда сделал Господь человека земли
Сопричастником жизни всемирной,
Эту розу волхвы в Вифлеем принесли
Вместе с ладаном, златом и смирной.

С той поры в декабре, когда ночь зажжена
Немерцающим светом Христовым,
Распускается пламенным цветом она,
Но молитвенным цветом - лиловым...

И с утра неотступная радость во мне:
Если б чудо свершилось сегодня!
Если б сердце сгорело в нетленном огне
До конца, словно роза Господня!

До 1910.

II.

Ты в зеркало смотри,
смотри, не отрываясь,
там не твои черты,
там в зеркале живая,
другая ты.

...Молчи, не говори...

Смотри, смотри, частицы зла и страха,
сверкающая ложь
твой образ создали из праха,
и ты живешь.

И ты живешь, не шевелись и слушай:
там в зеркале, на дне -
подводный сад, жемчужные цветы.

О, не гляди назад,
здесь дни твои путсы,
здесь все твое разрушат,
ты в зеркале живи,

Здесь только ложь, здесь только
призрак плоти,
на миг зажжет алмазы в водомете
случайный луч...

Любовь. - Здест нет любви,
не мучь себя, не мучь,
смотри, не отрываясь,
ты в зеркале - живая,
не здесь...

III.

Христос сошел в твои долины,
где сладко пахнувший миндаль
на засиневшие стремнины
накинул белую вуаль,

где ярко-розовый орешник
цветет молитвенным огнем,
и где увидит каждый грешник
Христа, скорбящего о нем...

Но я'ушла тропю горной
от розовеющих долин, -
о, если б мне дойти покорной
до белых снеговых вершин.

И там упавшей в прах, усталой,
узреть пред радостным концом
цветы иные - крови алой
на лбу, пораненном венцом.

Ананур, 1915. Пасха.

IV.

Здесь будет все воспоминаньем
Начала правого Пути,
Здесь будет с каждым начертаньем
Душа к небесному расти.

Да не закрой тяжелым дымом,
Но Светом озари миры -
Не то Господь мечом незримым
Отвергнет Каина дары.

Бог, манну сеявший в пустыне,
Чтобы насытить свой народ,
Тебя в словах священных ныне
К духовной манне приведет.

И годы жизни терпеливой
Отдай сокрытому Пути,
Чтоб ветвью праздничной оливы
В руках Господних расцвести.

1915 г. Октябрь. Петроград

V.

Благочестивым пилигрином
идти в пыли земных дорог,
когда вся жизнь вождем незримым
тебе намеченный урок.

Иль в лес уйти, как инок в келью,
и там, среди кустов и трав
молиться под мохнатой елью,
лицом к сырой земле припав.

Но нет дорог открытых ныне
для тех, кто сердцем изнемог, -
в пути к небесной Палестине
ты будешь вечно одинок.

Войди же в храм и сердцем робким
зажги свечу у ног Христа,

и верь, что вместе с воском топким
души растает немота.

1916

VI.

В темном поле - только вереск жесткий,
да ковыль - серебряная пряжа;
я давно стою на перекрестке,
где никто дороги не укажет.

Но на небе звездный путь двоится,
чтобы снова течь одной рекою...
Научи, поведай, как молиться,
чтоб к твоей протянутой деснице
прикоснуться немошной рукою.

VII. АГАРЬ

Ты Господу служила тоже.
Еще девическую плоть
отдать на старческое ложе
благословил тебя Господь.

Познать любовь в объятии строгом,
не поднимая даже глаз,
затем, чтоб род, избранный Богом,
в стране изгнанья не угас...

Но злую ревность - Божья кара -
не в силах сердце превозмочь,
и вот завистливая Сара
рабыню гневно гонит прочь...

Она одна идет в пустыне,
жжет солнце - огненный янтарь -
она душой одна отныне,
неутоленная Агарь...

Воды глоток последний выпит,
заснуть в пустыне навсегда.

И снится ей во сне Египет
и Нила синяя вода...

Но Бог всегда к избранным строже.
Его любовь - тяжелый гром.
Ей надо жить. И Ангел Божий
ее касается крылом.

"Ты будешь жить в любимом сыне.
Он возрастет, тебя храня..."
И голос прозвучал рабыни:

"Господь! Ты - видящий меня.

Я лишь сосуд Господней клятвы,
кому, кому себя отдам.
Я только - колос Божьей жатвы,
да будет по твоим словам..."

Слова Господни - чаша гнева,
в рабыне робкой воли нет,
но вот придет другая Дева
свершить божественный завет...

И плоть отдаст небесной власти
не в унижении, как ты,
а вся в огне нетленной страсти -
своей последней высоты.

И Ангелы в отверстом небе
ей путь укажут голубой...
Агарь. Агарь. Не твой ли жребий
здесь завершается судьбой.

Твоей сестре, тебе и каждой
открыть отныне вечный путь,
чтоб не томилась темной жадью
твоя трепещущая грудь.

И ты любви нерукотворной
воздвигни жертвенный алтарь...
Взойдет звезда в пустыне черной,
где древле плакала Агарь...

Екатеринодар, 29.X.1921

VIII.

Божья Матерь на иконе.
Не спокоен темный лик.
И зажатая в ладони
свечка гаснет каждый миг.

В сердце нет уж отголоска.
Все молитвы расточа,
сердце тает, как из воска,
воска желтого свеча.

Сердце тает, в сердце жалость,
может быть, к себе самой.
И последняя усталость
опустилась надо мной.

Только слышу чей-то голос...
На иконе словно мгла:
"Колосится Божий колос...
Разве ты не поняла.

Я тебя послала жницей.
Только тот, кто нерадив,
может плакать и томиться,
ничего не завершив.

Если ты боишься муки,
Я сама свершу твой путь".
И тогда, ломая руки,
Я шепчу ей: "Позабудь...
Позабудь мой грех невольный,
отпусти мой тяжкий грех...
Сердцу стало слишком больно
за себя, за нас, за всех...

Я не буду малодушной,
только снова улыбнись..."
Пахнет воском воздух душный.
Вечереет в окнах высь...

В мягких отблесках заката
умирают скорби дня...

Ангел грустный и крылатый
тихо смотрит на меня.

Екатеринодар, 1921

IX.

Посвящается Евгению Архипову

И все зовут, зовут глухие голоса...
О камни острые изранены колени,
еще не пройдены последние ступени
широкой лестницы, ведущей в небеса.
Широкой лестницы... Ее во сне Иаков
взыскующей душой восторжено прозрел...
Но как мне угадать положенный предел
и отчего мой путь с твоим не одинаков.

Весь в золоте и пурпуре твой сад
лежит внизу, как драгоценный камень.
Деревьев осени - благоговейный пламень.
И Божьим солнцем полный виноград.

Блаженны кроткие. Они приемлют землю.
с полынью горькою вдыхая сладость роз,
они собирают сок взращенных мудро лоз...
Но я такой земли для сердца не приемлю.

И слаще для него небесный терпкий мед
душевной глубины в ее обличьях жадных...
Я не вкушу от гроздей виноградных
доколе Царство Божье не придет.

26.VI.1921

X.

Смотри: вот жемчуг разноцветный.
Она жемчужина - тебе;
в ней, может быть, есть знак ответный
на все вопросы о судьбе.

И если взор твой смотрит смело,
не отрываясь, в небеса -
в твоих ладонях жемчуг белый, -
Господня чистая роса.

Но если сердцу сладко нужен
Земной любви зовущий свет -
в улыбке розовых жемчужин
найдешь ты радостный ответ.

А если выбраны печали
И путь намечен роковой -
есть черный жемчуг цвета стали
иль облака перед грозой.

Во всех цветах сокрыта тайна...
Запомни: Каждый выбор свят,
и жемчуг, взятый не случайно,
неси, как драгоценный клад,
Без колебаний, без уступок,
глядя без злобы на других...
Во всех руках он так же хрупок
и так же нежен, как в твоих.

31.VII.1921

XI. РОССИИ

Господь. Господь. Путей России
Открой неведомый конец...
Наш первый храм - был храм Софии,
Твоей Пермудрости венец.

Но дух сошел в темницу плоти
и в ней доселе не потух.
В языческом водовороте
блуждает оскорбленный дух.

И восхотела стать крылатой
землею вскормленная плоть,
и младший брат восстал на брата,
чтоб умереть иль побороть.

И шли века единоборства,
и невозможно сочетать
земли тяжелое упорство
и роковую благодать.

В двойном кощунственном соблазне
изнемогали времена
и, вместе с духом - лютой казни
была земля обречена.

И мы пошли "Тропой Батя",
и нам не позабыть нигде,
как все места для нас святые
мы желтой предали орде...

Мы душу предали татарам
в незабываемый полон.
И был навек под Светлоярм
твой храм престольный погребен.

И мы - один в огне и дыме
неутоляющего зла,
и все больней, все нестерпимей
звучат твои колокола.

Господь. Господь. Наш путь - неправый.
В глазах - любовь. В ладони - нож.
Но облик наш двойной, лукавый,
весь до конца лишь Ты поймешь.

Мы любим жадною любовью,
и, надругавшись до конца,
мы припадаем к изголовью,
целуя губы мертвеца...

Земной наш облик безобразен
и навсегда неотвратим...
Кто наш заступник - Стенька Разин?
иль преподобный Серафим?

Никто из нас себе не верен,
за каждым следует двойник...
Господь, Ты сам в любви безмерен,
в нас исказился Твой же лик.

Ты нам послал стезю такую,
где рядом с бездной - высота,
о вечной радости взыскаю,
твердят хуления уста.

Перед крестом смятенный Гоголь
творит кощунственный обет,
и жжет в огне во имя Бога
любовь и подвиг многих лет.

Мы все у огненной купели,
мы до конца себя сожжем.
Приди. Приди. Мы оскудели,
скорбя об Имени Твоем.

В Тебе, Тебе спасенье наше.
В последней битве - Ты оплот.
В Твоих руках - святая чаша,
да каждый с миром подойдет.

Да освятится это место,
где попирали дух и плоть...
Россия - скорбная невеста.
Ее возьмет один Господь.

Освободит от поруганий,
целуя в грешные уста,
и браком в Галилейской Кане
ее вернется чистота.

И станут светлыми глубины
ее замороженных рек,
и ветви горькие рябины,
и на полях - весенний снег.

Преображенные, другие
пойдем за ней, не помня зла,
когда к небесной литургии
нас призовут колокола.

Екатеринодар, 1922. Благовещение.

XII.

Там ветер сквозной и колючий,
там стынет в каналах вода,
там темные, сизые тучи
на небе, как траур, всегда.

Там лица и хмуры и серы,
там скупы чужие слова.
О, город, жестокий без меры,
с тобой и в тебе я жива.

Я вижу соборов колонны,
я слышу дыханье реки,
и ветер твой, ветер соленый,
касается влажной щеки.

Отходит обида глухая,
смолкает застывшая кровь,
и плачет душа, отдыхая,
и хочется, хочется вновь

Туда, вместе с ветром осенним
прижаться, припасть головой
к знакомым, холодным ступеням,
к ступеням над темной Невой.

1921. Декабрь.

XIII. ПЕТЕРБУРГУ

Под травой заснула мостовая,
над Невой разрушенный гранит...
Я вернулась, я пришла живая,
только поздно - город мой убит.

Надругались, очи ослепили,
чтоб не видел солнца и небес,
и лежит - замученный - в могиле...

Я молилась, чтобы он воскрес.

Чтоб и все убитые воскресли.
Бог, Господь, Отец бесплотных сил,

Ты караешь грешников, но если б
Ты мой город мертвый воскресил.

Он Тобою достоин славы
от убийц кончину воспрять,
но ужель его врагов лукавых
не осилит ангельская рать.

И в последнем пламени заката
увидала я на краткий миг,
как на мост взошел с мечом поднятым
Михаил Архистратиг.

8.VII.22. СПб.

XIV.

Это все оттого, что в России,
Оттого, что мы здесь рождены,
- В этой темной стране, -
Наши души такие иные,
Две несродных стихии -

они...

И в них разные сны...

И в них разные сны, только грезы,
Только небо в закате - всегда

и мои и твои

И не спящие ночью березы
И святая в озерах - вода,
И томленья любви и стыда,

только больше любви...

Только больше любви! Неумелой
И мучительной мне и тебе,

Две в одну перелитых стихии,

они в нашей судьбе -

Пламенеющий холод и белый,
Белый пламень, сжигающий тело
без конца

Обжигающий кровью сердца,
И твое, и мое, и России...

8.VII.22. СПб.

XV.

Ю.К.Щ.

Красное облако стелется низко,
душный и дымный огонь...
Сердце отпрянуло, сердце не близко,
душно и стыдно - не тронь.

Нам ли идти этой страшной дорогой,
красным туманом дыша.
Бьется и плачет, кричит у порога
наша душа...

Красное пламя ее ослепило,
дьявольской бездны печать...
Только не надо, не надо, мой милый,
так тосковать.

Нашей любви неизменная ласка
выше соблазнов земли...
Видишь, за облаком красным вдали
башни Дамаска.

1.XI.22. СПб.

XVI.

Ненужные стихи, ненужная тетрадь,
души, больной души слепое отражение, -
бесплодные мечты хотела я сдержать,
запечатлеть виденья...

Но разве так должны входить мы в этот храм,
где чаша вечная с нетленным Божьим словом,
и ризы для того, чтоб причаститься там
не надо стать готовым.

Поэта светлый долг - как рыцаря обет,
как латы рыцаря горит служенье наше,
и подвиг восприяв ценою долгих лет
придем мы к вечной Чаше.

Я душу подняла, как факел смоляной,
но ветер налетел и пламя рвет на части...
Я Господа зову, идем к Нему со мной.
Наш путь в Господней власти.

10. I. 1925. СПб.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Отрывки из воспоминаний М.А.Волошина и А.Н.Толстого, а также тексты стихотворений Черубины де Габриак (I-III, V-XII, XV-XVI), сверенные с их протографами (из собрания Е.Я.Архипова), присланы редактору *Гумилевских чтений* неизвестным московским исследователем ее творчества.

ГУМИЛЕВ И ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК

М.А.ВОЛОШИН. РАССКАЗ О ЧЕРУБИНЕ ДЕ ГАБРИАК. ОТРЫВОК.

1. Васильев В.Н. - впоследствии муж Е.И.Дмитриевой.
2. Гюнтер Йоханнес Фердинанд фон (1886-1973), немецкий писатель, поэт и переводчик. Друг Р.М.Рильке. В 1908-1914 гг. жил в Петербурге; участник "Ивановских сред" и член Академии стиха. В 1909-1913 гг. заведовал немецким отделом журнала *Аполлон*. Весной 1914 г. вернулся в Германию. Гюнтеру посвящено неопубликованное стихотворение Черубины де Габриак "Дымом в сердце расстелился ладан...". См. воспоминания Гюнтера о Е.И.Дмитриевой в кн.: J.v. GUENTHER, *Ein Leben im Ostwind*, München 1969, 284-300.
3. Леман Б.А. - известный мистик, друг Е.И.Дмитриевой.
4. Головин Александр Яковлевич (1863-1930), живописец и график. Член объединения "Мир искусства". С 1901 г. - декоратор императорских театров в Петербурге. Автор декораций к постановке оперы К.-В.Глюка "Орфей и Эвридика" в Мариинском театре (1911).
5. И.Ф.Анненский умер 30 ноября 1909 г. и поэтому никак не мог находиться весной 1910 г. в Мариинском театре. Возможно, Волошин вспомнил ранее произнесенные или написанные им по какому-то другому поводу слова.

А.Н.ТОЛСТОЙ. ВОСПОМИНАНИЯ. ОТРЫВКИ.

1. 1909 г.
2. Имеется в виду литературный псевдоним Н.С.Гумилева (Анатолий Грант), под которым он печатал свои стихи и рассказы в парижском журнале *Сириус* (1907).

3. Е.И.Дмитриева.

4. Опул. в кн.: *Жемчуга. Стихи*, М. 1910, 78-85.

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1909-1925 гг.

IV. "Здесь будет все воспоминаньем..." Печ. по автографу на форзаце кабалистического трактата Иоанна Пистори "Artis Cabalisticæ hoc est, reconditæ theologicæ et philosophiæ scriptorum" (Basileæ, 1587), хранящегося в отделе редких книг Фундаментальной библиотеки Белорусской Академии наук. Подписано псевдонимом Черубина де Габриак. На обороте верхней крышки переплета этой книги имеется наклейка: "Lucien Bodin, libraire. 5 Rue Christine, Paris. Sciences occultes et philosophiques, sociétés secrètes. Catalogue gratuit sur demande". Судя по печатке-экслибрису на форзаце трактата И.Пистори ("Ex libris Emile Lafuma") он побывал в разных частных коллекциях до того, как попал к Черубине де Габриак. Есть сведения, что его подарил ей Б.А.Леман. Трудно теперь сказать, как очутилась в Минске книга из библиотеки Е.И.Васильевой (Дмитриевой). Отметим только, что после ареста поэтессы в 1927 г. ее книжное собрание было конфисковано ОГПУ и впоследствии распределено по разным государственным хранилищам.

XIII. ПЕТЕРБУРГУ. Печ. по авторгафу (альбом Э.Ф.Голлербаха). В списке с протографа из собрания Е.Я.Архипова имеются следующие разночтения: с. 1 - "заснула мостовая"; с. 9 - "Чтобы все убитые"; с. 17 - "И тогда на зареве заката".

XIV. "Это все оттого, что в России..." Печ. по автографу (альбом Э.Ф.Голлербаха).

XVI. "Ненужные стихи, ненужная тетрадь..." Заключительное стихотворение в Черном альбоме (собрание Е.Я.Архипова).

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ПИСЬМА К.Д.БАЛЬМОНТА Ф.Д.БАТЮШКОВУ

I. 1911, 6 августа н.с. Бретань. St.-Brévin l'Océan, Villa "La Brise".

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Не знаю как извиняться перед Вами, занят был чрезмерно, в разъездах был, когда пришло Ваше письмо. Простите великодушно. За приглашение написать очерк о Шелли и Китсе¹ благодарю, но принять его, к сожалению, никак не могу. Не говоря уже о том, что с утра до вечера занят некоторой работой, каковая лишит меня досугов и еще несколько недель, до поздней осени, — у меня нет здесь книг, касающихся Шелли, я их все оставил в Москве, уезжая, и с тех пор к Шелли не возвращался. Что до Китса, я его ценю — и только. Любить по-настоящему никогда не любил его. Вообще, все Эллино-Римское (или оному подражающее) мне совершенно чуждо.

Не могло ли бы то книгоиздательство, от имени которого Вы были добры обратиться ко мне, издать мою кингу очерков о Египте *Край Озириса*? Это ряд небольших очерков, рисующих Древний Египет, в его представлениях и наиболее интересных его литературных достижениях, — частью это путевые очерки. Некоторые из очерков были напечатаны в *Русском слове*, *Речи* и *Русской мысли*. Если б Вы могли оказать мне услугу, в смысле содействия принятию моего предложения, я крайне был бы Вам признателен.

Сколько времени прошло с тех пор, как мы с Вами разговаривали в Петербурге? Я уже утратил и приблизительный счет делениям времени. Говоря — время, я разумею, конечно, преизумительные события, в раме этого времени явившие себя. Я тоскую о России. Но есть ли сейчас Россия — или она замерла, на неопределенное время, до принятия лика несуществующего, а лишь кажущегося — кошмара? Я воспринимаю ее лишь в этом мучительном лике.

Отзовитесь. И если можно, скорее, чем я отозвался. Но, правда, у меня было много причин истинных, помешавших мне ответить своевременно. Пользуюсь случаем послать поклон Д.К.Петрову. Испанию все еще люблю.

Желаю Вам всего лучшего.

Искренно уважающий Вас К.Бальмонт.

II. 1911, 23 августа н.с. St.-Brévin l'Océan (Loire Inf.),
Villa "La Brise".

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Благодарю Вас за скорый ответ. Предложение Ваше повергает меня в прискорбие искреннее. Если б, если б он, этот ристалищный бег, был мне предложен полугодом раньше, - как бы я был Вам за него благодарен, и с каким бы рвением, скорым и неослабным, исполнил бы задачу, написал бы с удовольствием и о Блейке, и о Кольридже, и о Шелли, и о Теннисоне, и о Броунингах, и о Данте Россетти, и об Уайльде. Но, увы, единственно что я могу предложить в данную минуту, это написать очерк об Эдграе По, если он входит в Ваши циклы. Дело в том, что в месяце ноябре сего года я уезжаю в Индию - и далее. У меня остаются считанные дни и недели - и они отданы окончанию моего 5-томного перевода произведений Эдгара По (3-й том выходит на-днях, 4-й и 5-й томы печатаются), а также окончанию разных умственных путей и тропинок, что делает меня совершенно неспособным заняться сейчас каким-нибудь английским поэтом. Писать же - по старой памяти - немислимо и недопустимо.

Очень благодарю Вас за сообщение о "Московском издательстве", но вот в чем дело... Я ведь и знать не знаю, что это за "Московское издательство". Никаких моих стихов оно мне не издавало, и кто Клестов, и кто Блюменберг, я не знаю, и адреса их не знаю. Дерзая сделать следующее, уповаю, что не сочтете меня чрезмерно навязчивым. Я пошлю Вам завтра рукопись и оттиски, составляющие книгу (она лежит у меня на душе - и мне хотелось бы, так хотелось бы, видеть ее существующей в России, а не в моем чемодане дорожном). Если будете столь добры, передайте ее Клестову, или кому-либо другому, а засим Судьба решит. Если и это Вас обременит, сообщите мне, пожалуйста, - при случае кто-либо из моих знакомых возьмет рукопись у Вас. В этом смысле я весьма пустынен.

То, что Вы пишете о России, очень чувствую и вне ее. Я хотел бы вернуться все же - но отлагаю приезд (с его вероятною карой мне, той или иной) до свершения своего большого путешествия. Если после этого посадят в тюрьму на неограниченное время, буду там писать Заокеанские Видения. Жму Вашу руку, и буду ждать ответа.

Искренне уважающий Вас К.Бальмонт.

III. 1913, 20 января н.с. Париж. Passy, 60, rue de la Tour.

Многоуважаемый и дорогой Федор Дмитриевич!

Вернувшись, наконец, из кругосветного своего плавания, приношу Вам сердечную благодарность за изысканно-радостные минуты, которыми подарили меня Вы, Нео-Филологическое общество и другие мои друзья и мне сочувствующие. Будьте добры передать мою искреннюю признательность проф. Брауну, Аничкову, Д.К.Петрову, Арабажину, - также, если Вы видаетесь, Вячеславу Иванову и Сологубу. Передайте, пожалуйста, мою признательность всем, кто доставил мне радование жизнью, когда до меня донеслись через земли и моря родные голоса, меня приветствовавшие. Если воистину я что-нибудь сделал для России, это не более как малость, а я хотел бы сделать для нее, я хотел бы сделать для торжества художественного Русского слова, в сто, в несчетность раз больше. И если часто в жизни мне было трудно и тяжело, не помнишь этого, - а такие минуты как счастье дружного приветя со стороны людей, с которыми разделен пространством, но слит духовно, западают в душу и живут в ней невянущим цветом.

Когда, год тому назад, русские, польские и французские друзья и сочувствующие приветствовали меня здесь в Париже, я собирался уехать на год на край света, и, отвечая на приветы, воскликнул:

Неужели четверть века -
 Что-нибудь
 Для такого человека,
 Пред которым дальний путь?
 О, неправда! Это шутка!
 Разве я работник? Нет!
 Я лишь сердцем, вне рассудка.
 Жил, как птица, как поэт,
 Я по снегу первопутка
 Разбросал, смеясь, свой след.
 Я порою тоже строю
 Крепы нежного гнезда.
 Но всегда лечу мечтою
 В неизвестное Туда.
 Все же, милых покидая,
 Милых в сердце я храню,
 Сердцем им не изменяю.
 Память - горница золотая,
 Верь крылатым - и Огню!

И вот год обернулся. Я видел моря и океаны. Я видел Южную Африку, Тасманию, Австралию, Новую Зеландию, Тонга, Самоа, Фиджи, Новую Гвинею, чудеса Яванского моря, Индию и Цейлон, нашу братскую, несчастную и великую Индию, столь похожую на Россию, - и

снова сидя у окна, в малом парижском домике, среди своих книг и цветов, я говорю: "Я рад, что я родился Русским, и никем иным быть бы я не хотел. Люблю Россию. Ничего для меня нет прекраснее и священнее ее. Верю в нее - и жду. Напряженно жду. Золотые струны Русских душ утончатся, вытянутся. Час идет, когда грянет Музыка.

Искренно Ваш К.Бальмонт.

P.S. Если у Вас сохранились приветственные телеграммы и письма, не могу ли я получить их?

П Р И М Е Ч А Н И Я

Публикуемые выше три письма К.Д.Бальмонта из архива видного русского ученого-филолога и литературного критика Федора Дмитриевича Батюшков (1857-1920) примечательны, как живое свидетельство мыслей и чувств, которые владели поэтом в годы его изгнания. Насильственно оторванный от Родины, он даже в дальних заокеанских странствиях не терял с нею органичной связи, работал для нее, умственным взором угадывая сквозь мрак лихолетий таинственные очертания будущей России - достойной преемницы великих мировых цивилизаций. Эта тягостная и вместе с тем благодетельная для Бальмонта позиция изгоя, волею судеб вознесенного "над схваткой", помогла ему не только стряхнуть с себя бутафорскую мишуру народнической революционности, но и способствовала нравственному обновлению его метущейся души, одолеваемой соблазнами дьявольской гордыни и кощунственной тягой к разрушению. Выстраданный столь дорогой ценой опыт гражданина России и Мира помог Бальмонту на закате "Серебряного Века" предпочесть, в отличие от погрязшего в циничном, мелком политиканстве Брюсова, новое, гораздо более трагичное и безнадежное изгнание вольному или невольному соучастию в деструктивной работе могильщиков русской культуры - "пролеткультовцев".

I. Письмо от 6 августа 1911 г.

1. Батюшков приглашал Бальмонта написать очерки о Шелли и Китсе для издававшейся под его редакцией четырехтомной *Истории западной литературы*, (М., Издательское т-во Мир, 1912-1917). Впоследствии очерк о Шелли (т. 2) написала З.А.Венгерова.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

ЛЕОНИД КАННЕГИСЕР

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ¹

Первичных нег прилежный ученик,
И отрок сам, и девою влекомы,
Словам любви учил я мой язык,
И сладок был мне говор незнакомый.
Невинный хмель еще бродил в крови,
И каждый звук был вестник неслучайный
В тиши ночей воспитанной любви
И облеченной девственною тайной.

И не за то ль в глухие вечера
Терзает ум язвительным виденьем
Любезных лет счастливая пора,
Насмешница над горьким наслажденьем.
Кто счастлив был, тому забвенья нет,
Не в нем душа доступна обольщению,
Уж он любил, - и призрак прежних лет
Летит за ним завистливою тенью.

*

Вода и кровь струятся в лад,
Здесь тень опутала предметы, -
Забвенья лучше нет услад,
Ни рек пленительнее Леты.

В ней годы тонут навсегда,
И не напомнит о бывалом
Ее свинцовая вода
Под неподвижным покрывалом.

И приголубит, и уймет,
И сердце мертвое тревожа,
Не брызнет буйный водомет
Из Леты каменного ложа.

Зачем, превратность разгадав,
Лелею в сердце муку злую,
Иль как-нибудь переколдую
Любви безрадостный устав?

Ах, верю, верю - я неправ,
Когда дивлюсь иль негодую,
Предвидя легкость молодую
Твоих изменчивых забав.

Но как бы мук ни уличали,
А сердце, верное печали,
Постыдней мудрости не зрит,
Ее уроков не приемлет,
Словам измены гневно внемлет
И дивной ревностью горит.

СТИХИ О ФРАНЦИСКЕ

I.

Не мало в Умбрии дорог,
И те, что прежде тоже были,
Еще, быть может, сохранили
Следы любимых легких ног.
Он шел спокойный из Ассизи,
И было в мире торжество,
Сияло солнце в яркой ризе
На небе Умбрии его.
И все друг другу было близко,
И был приветлив шелест трав,
В усталом страннике франциска
Как-будто издали узнав.
"Сверни к нам, братик наш, с дороги,
На нашей зелени в тени
Усни, от зноя отдохни
И расскажи о нашем Боге". -

"Сестрички травы и ромашки,
Благодарю за ваш привет.
Не правда-ль, ясен Божий свет
Для самой маленькой букашки?
Брат Солнца знает златокудрый, -
Одна печаль - тяжелый грех:
Нас любит Бог, он очень мудрый
И хочет радости для всех.
Он вас хранит, и вы - живые,
Поют вас струи дождевые -
Светло возрадуйтесь Ему..."
И льнут цветочки полевые
К Франциску, брату своему.

II.

Всегда в пути, под тканью грубой,
Франциск отвык от сладких нег,
И тень развесистого дуба -
Его излюбленный ночлег.

Истомы в теле нет усталом,
И страсти нет в изгибе губ,
Но веет дивным опахалом
Над ним волнующийся дуб.

Неслышный ветер в час волшебный
Колеблет мирную листву,
Франциску снится сон хвалебный,
И он святой, как наяву.

От дальних гор до ближней нивы
Все спит до завтрашнего дня,
И даже цветики ревнивы,
Франциска ласково храня.

III.

Здравствуй, Солнце, брат надзвездный,
Лей лучи от знойных уст,
Поцелуй жарой любезной
Каждый цвет и каждый куст.

Брат, рожденный в ярком свете,
Всех нас бодро весели,
Все мы ласковые дети
Милой матери - земли.

Золоти моря и сушу,
Луч с небес стреми иглой
И пронзи, пронзи нам душу
Восхитительной хвалой.

На полях хлеба созрели,
Нива шопот пронесла,
В ближней роще птичьи трели, -
Вот возносится хвала.

То хвала благому Богу,
Мир дарит нам алтари...
Сердце, старость и тревогу
В благодарность претвори.

ВИКТОР ГЮГО

ГИМН

Кто кротко умирал за край свой, - заслужили,
Чтоб вечно шла толпа молиться к их могиле.
Светлей других имен блещут их имена,
Пред ними слава всех проходит, исчезая,
И словно мать родная,
Их песнями в гробу баюкает страна.

Слава нашей Франции - отчизне,
Слава за нее отдавшим жизни,
Мученикам, сильным, храбрецам,
Тем, кого пример их жжет, как пламя,
Кто стремится также к месту в храме
И на смерть идет по их следам.

Для этих мертвецов, чья тень нам гость желанный,
Возносит Пантеон над тучею туманной,

Когда над ним Париж столбашенный блестит, -
Царица новая иного Вавилона, -
Вершину той колонны,
Что солнце, каждый день вставая, золотит.

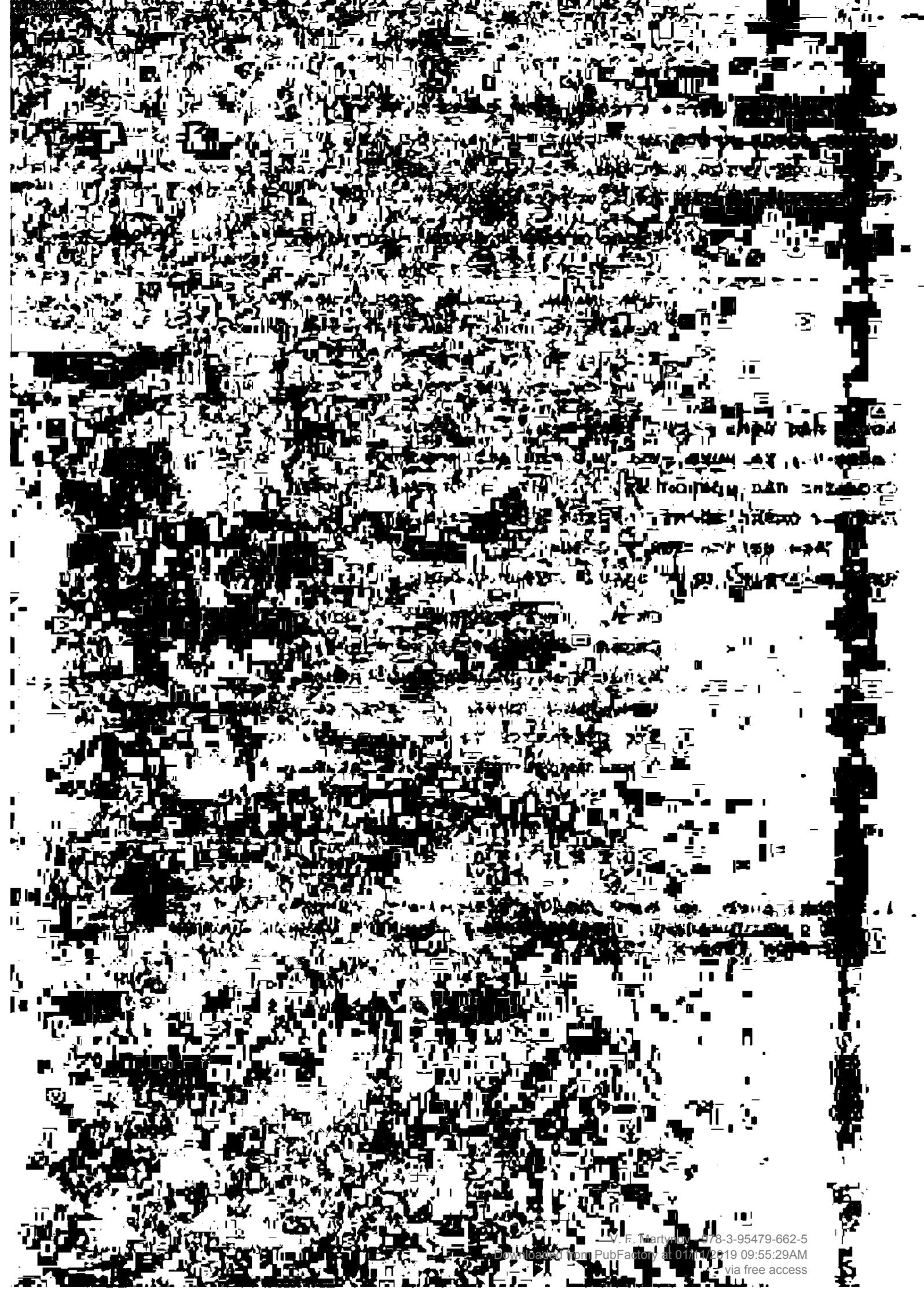
Слава нашей Франции - отчизне,
Слава за нее отдавшим жизни,
Мученикам, сильным, храбрецам,
Тем, кого пример их жжет, как пламя,
Кто стремится также к месту в храме
И на смерть идет по их следам.

Когда под сень могил ушли они, - напрасно
Забвение, та ночь, что все глотает властно,
Скользит над прахом их, где мы, склонясь, стоим,
Для них одних всает, светла и нелукава,
Заря негаснущая - слава,
Чтоб память их имен зажечь лучем своим.

Слава нашей Франции - отчизне,
Слава за нее отдавшим жизни,
Мученикам, сильным, храбрецам,
Тем, кого пример их жжет, как пламя.
Кто стремится также к месту в храме
И на смерть идет по их следам.

П Р И М Е Ч А Н И Е

1. К сожалению, мы были лишены возможности сверить нашу публикацию с материалами, помещенными в сборнике памяти Леонида Каннегисера (Париж, 1928).

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА

30 мая 1981 г. в Ленинграде состоялся вечер памяти Владислава Ходасевича, приуроченный к 95-летию со дня его рождения. Он был организован представителями второй литературной действительности и проведен на частной квартире, в двух шагах от Дома писателя, где ни эту дату, ни – в течение десятилетий – самое имя Ходасевича, члена Правления первого Всероссийского Союза писателей, никто благоразумно не вспомнил. На вечере присутствовало более тридцати человек. Задуманный как встреча узкого кружка ценителей Ходасевича, он, неожиданно для инициаторов, собрал поэтов, беллетристов и литературоведов самых различных направлений из Ленинграда и нескольких других городов. Было сделано четыре сообщения:

1. Юрий Колкер "Айдесская прохлада. Очерк жизни и творчества В.Ф.Ходасевича";
2. Анатолий Бергер "О Ходасевиче";
3. М.К. "Поэзия Владислава Ходасевича";
4. Юрий Колкер "Пассеизм и гуманность".

Собравшиеся с воодушевлением отметили, что более чем полу-столетний остракизм не заслони́л творчество Ходасевича от русского читателя. Напротив, интерес к этому поэту непрерывно растет. Если в 1960-е годы, проникнутые жаждой формального обновления и тягой к конструктивизму, были известны единичные списки его стихов, то в 1970-е, вместе с острым духовным голодом и трагической отчетливостью вопроса о смысле жизни, явилась широкая потребность в философской лирике Ходасевича. Сборники его стихотворений, изданные без помощи печатного станка, расходятся в сотнях экземпляров, пользуясь все возрастающим спросом. К сожалению, они полны разночтений и не носят следов редакторской работы. Отдельные стихотворения и целые книги Ходасевича получили распространение в неокончательных, а то и вовсе отвергнутых автором вариантах. В связи с этим участники встречи говорили о необходимости создания комментированного собрания стихов Ходасевича, отличающегося тщательностью текстологической подготовки и максимальной полнотой. Важнейшим итогом вечера можно считать оптимистический настрой его участников, объединенных надеждой на то, что их общими усилиями

ями удастся восполнить этот зияющий пробел в истории отечественной поэзии.

*

Три из этих докладов, прочитанных на вечере, были опубликованы журналом *Часы*: первый - в № 30; второй и четвертый - в № 31 за 1981 год, где, кроме того, содержится отчет о вечере, с приложенной к нему фотокопией портрета В.Ф.Ходасевича работы Ю.П. Анненкова. Ниже публикуется полный текст сообщения Ю.И.Колкера "Пассеизм и гуманность", перепечатанный нами с любезного разрешения редакции журнала *Часы*.

ПАССЕИЗМ И ГУМАННОСТЬ

Пафос поэзии часто связывают с неблагозвучным словом новаторство. Новизна льстит и подкупает, и, чтобы добиться ее, поэт должен обладать смелостью. При этом новизна и смелость признаются не только первыми формальными свидетельствами таланта, патентом на благородство, но и художественным завоеванием, эстетическими ценностями. Это, вообще говоря, не так. Смелость с равным успехом ведет к прекрасному и безобразному, новизна питается невежеством и часто иллюзорна. Вероятно, у каждого, кто любит и читает поэзию, был в жизни момент, когда проникновение в мир того или иного поэта преобразило для него вселенную, хаос претворило в космос, сообщило *новое*, сущностное понимание предметному миру. Момент этот был в юности читателя. По мере накопления душевного, а затем и духовного опыта часто оказывалось, что новизна любимого поэта перестает восприниматься как таковая и даже оборачивается своей противоположностью. Новаторство в области формы вдруг оказалось ширмой безжизненного и архаичного содержания, смелое словоупотребление - котурнами робкой мысли. Зато многое из того, что было первоначально пропущено или отвергнуто, оказывалось жизнеспособным, необходимым и современным в свете того же, заново понятого критерия новизны.

Юбилей Владислава Ходасевича дает прекрасный повод для подобного рода размышлений.

Смелость - сомнительное качество для поэта, новизна же орга-

нически присуща таланту, он без нее немислим. Но и талант, и новизна, как его важная компонента, - всего лишь необходимое, но не достаточное условие катарсиса, доставляемого поэзией. Очищение достигается, если мы делаем шаг в сторону метафизического постижения мира, обновляя наш прежний взгляд и обновляясь сами в процессе этого постижения. Но тут возникает вопрос: точно ли новизна и новаторство - однокоренные слова? - Ответ можно поискать у рано повзрослевшего Владислава Ходасевича, самого последовательного противника новаторства среди русских поэтов двадцатого века. Вот стихотворение, написанное в 1924 году:

Пока душа в порыве юном,
Ее безгрешно обнажи,
Бесстрастно вверх болтливым струнам
Ее святые мятежи.

Будь нетерпим и ненавистен,
Провозглашая и трубя
Завоеванье новых истин -
Они ведь новы для тебя.

Потом, когда в своем наитьи
Разочаруешься слегка,
Воспой простое чаепитье,
Пыльцу на крыльях мотылька.

Твори продуманно и стройно,
Слова послушливые гни,
И мир, обдуманый спокойно,
Благослови иль прокляни.

А под конец узнай, как чудно
Все вдруг по-новому начать,
Как уповательно и трудно,
Привыкши к слову, - замолчать.

Юность имеет право на обольщения и, пожалуй, даже неполноценна без них. Но право это проходит вместе с юностью. Зрелость требует от нас переосмысления опыта, перерасстановки акцентов. Эта глубоко интимная и каждым в одиночку переживаемая работа трансформировалась в общественную проблему нашей тревожной и беспримерной по своей зыбкости эпохой. Будущее России и всего человечества, притом ближайшее будущее, сулит мрачные и непредсказуемые перемены, и оно в чем-то зависит от нашего пристрастного участия. На нас лежит невеселая ответственность, требующая добросовестности и мужества. Одна из важнейших ее сторон - критический пересмотр объединяющего нас культурного наследия. К счастью, эта работа ведется в России уже более десяти лет, и мои слова - не призыв, а простое установление факта.

Смена вех в оценке культурных явлений протекает на фоне дрейфующего содержания усвоенных с детства терминов. Еще недавно слово прогресс было поводом для всеобщего воодушевления. Оно досталось нам в подарок от XIX века с его физиологическим атеизмом и историософией. В переписке с Горьким в начале 20-х годов Ходасевич прямо заявил себя противником прогресса, т.е. пассеистом. Так же, но без обобщающей формулировки, относилась к прогрессу Цветаева. Оба поэта провидчески, художническим инстинктом угадали одну из чудовищных ловушек цивилизации: имея все внешние признаки конструктивности, прогресс деструктивен по своей природе. Созидание духовное он подменяет созиданием предметным. Смешно сказать, но критика прогресса находится в русле одной из замечательных идей, действительно принадлежащих Карлу Марксу, – в русле идеи о фетишизме вещей. Покоряя природу, мы создаем вещи, без которых вскоре уже не можем обходиться – и через них, словно в отместку, природа поработает нас. Телефон облегчает нам жизнь, но он же является знаком нашей несвободы. К сожалению, Маркс не сделал из своего наблюдения вывода о деструктивности прогресса, переложив эту задачу на плечи тех, кто и не думал называть себя мыслителем.

В период тесного сотрудничества Ходасевича с Горьким, сначала в Саарове, а затем в Сорренто, выяснилось, что чуть ли не главным пунктом размежевания для них является понимание значения прогресса. Горький считал, что всякое проявление человеческого духа способствует прогрессу. Эта аксиома, одна из основных в мировоззрении Горького, совершенно ошибочна и показывает лишь, что под проявлением человеческого духа Горький понимал всякий без разбора творческий акт. В основе прогресса лежит творческое познание в его низшей форме – познание точных наук, способствующее развитию *методов*, а через них – нашей практической власти над природой, обществом и историей. Прогресс, взятый эмпирически на фоне последних двух столетий, оказывается тесно коррелированным с распадом духовных ценностей. Он оказывается регрессом, если, следуя Швейцеру, ставить перед человечеством этические цели и понимать культуру как инструмент духовного совершенствования личности. В наши дни средний европеец, посещающий христианский храм и знакомый с теоремой Гёделя, несравненно менее духовен, чем тайландский крестьянин, буддист, не слышавший о теореме Пифагора. Культура личностна, и потому индивидуалистична. Прогресс направлен против лич-

ности, его идея – власть: над природой, над человеческим коллективом, над каждым человеком в отдельности, и его логический апофеоз – тоталитаризм. Теперь все эти соображения лежат на поверхности, но они были вовсе не очевидны в двадцатые годы, и можно только удивляться тому, в какой мере Ходасевич предвосхитил будущее.

Общая идея прогресса имеет своей проекцией в сфере искусства идею новаторства. Последовательный модернист является поборником прогресса. Новаторство не подразумевает сущностной новизны и не имеет ничего общего с творческим участием человека в возобновлении Божественного творения. Оно интересуется методами и приемами; оно конструирует, а не творит. Его цель – шок, а не катарсис, вульгарное удивление оно противопоставляет *восхищению* в его настоящем смысле, т.е. *восхищению души*. Сам термин новаторство, конструктивистский по форме, знаменит, если отправляться от духовной первоосновы, деструктивную эстетику.

Модернисты всегда, сознательно или бессознательно, исходят из бакунинского автоапологетического тезиса: страсть к разрушению есть страсть созидательная. Но на поверку выходит, что эта истина локальна и приложима лишь к редким и коротким эпохам общественной экзальтации, когда все слои населения и все роды деятельности проникнуты жаждой линьки. Если культурные и духовные основы общества непрочны, эта жажда оборачивается катастрофой. Так или иначе, но эпоха обновления сменяется долгими десятилетиями застоя, и тогда мы с удивлением видим, что модернизм и архаизм меняются в нашем сознании местами. Ходасевич, который уже в десятые годы был архаичен в глазах представителей *всех* современных ему школ, является к нам оттуда чуть не в полном одиночестве – как наш полноправный современник.

Его архаизм был вполне сознательным и возрастал от книги к книге – вплоть до "Тяжелой Лиры", где достиг рельефности, пожалуй, даже излишней. Таков был его протест против футуризма и прочих нигилистических течений в поэзии. Но протест не может быть основным содержанием творчества, настоящее искусство всегда позитивно. И Ходасевич знал это. Его последняя книга стихов, *Европейская ночь*, лишена малейшего намека на какую бы то ни было нарочитость.

Простота его последних стихов поистине удивительна.

ГРАММОФОН

Ребенок спал, покуда граммофон
 Все надрывался Травиатой.
 Под вопль и скрип какой дурманный сон
 Вонзался в мозг его разъятый!

Внезапно мать мембрану подняла -
 Сон кончился, дитя проснулось,
 Оно кричит. Из темного угла
 Вся тишина в него метнулась.

О, наших бедных душ не потрясай
 Твоею тишиною грозной!
 Мы молимся. - Ты сна не прерывай -
 Для вечной ночи, слишком звездной.

1928

Поэт говорит о пережитом с *последней прямою*, и в этом смелость, и эту смелость дает ему новизна, состоящая в его мощной и неповторимой индивидуальности. Лирический герой Ходасевича нов для русской поэзии, этим и драгоценен. Новизна достигается без посредства новаторства.

Важнейшая черта новаторства - коллективизм. Новатор ищет широкого читателя, ищет в нем опору своим спекулятивным выпадам, провоцирует его разделить авторскую ответственность за произведение. С этой же целью он идет приверженцев среди себе подобных - отсюда групповщина и тенденциозность. И если помнить, что новаторство подразумевает коллективную ответственность, то становится совершенно понятной та легкость, с которой оно вырастает в тоталитарные структуры, иначе говоря: становится ясен путь от модернизма к конформизму. Эти две категории находятся в кровной, родственной связи.

Наоборот, сознательный отказ от новаторства, ориентация на вечные ценности подразумевают личную ответственность за все и за всех. Аудитория перестает быть важна, но в этом нет и тени пренебрежения к ней: художник ненавязчиво приглашает ее сделать усилие и стать вровень с ним. Конформизм становится невозможен. Шедевры живут долго, они - память человечества и одновременно один из путей высвобождения от сиюминутных пут времени и пространства, путь приобщения к надвременной и надпространственной субстанции, квантом которой является душа. Выявление индивидуальности в творческом акте есть реализация души, порыв к духовному, и он больше способствует человеческой общности, чем любые материальные обобщения.

За всем этим вырисовывается основной предлагаемый тезис. - Если новаторство по своей сути антигуманитарно, то *пассеизм*, через свою логическую связку - индивидуализм, наоборот, неизбежно гуманитарен.

Но уже одно то, что мы решили вспомнить Ходасевича и, значит, не во всем согласны с теми, кто сбрасывает его с корабля современности, делает нас в той или иной степени пассеистами и намечает наше посильное участие в возрождении гуманизма.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО В.Ф.ХОДАСЕВИЧА А.М.РЕМИЗОВУ

22 мая 1909 г. Гиреево

Простите, дорогой Алексей Михайлович, что до сих пор не ответил Вам: ждал выяснения некоторых вопросов относительно сборника, а он и выяснился, наконец, так, что совсем его не будет. За согласие же прислать сказку - большое Вам спасибо. Да простите еще раз за напрасное беспокойство. Они и меня попусту заставили бегать и хлопотать, а сами кончили тем, что передрались (не в буквальном смысле: это потому поясняю, что, кажется, в Петербурге уж очень жестоко судят о наших нравах).¹

Вы мне писали о стихах для *Острова*. Пришлю с удовольствием. Прислал бы и в этом письме, да не знаю, застанет ли оно Вас в Петербурге. Условимся так: Вы мне сообщите, долго ли никуда не уедете. Если долго - пришлю Вам, если же собираетесь куда вскорости, - то куда и на чье имя послать, а то я ни с Потемкиным,² ни с Гумилевым не знаком. Говорят, пометили меня островитяне сотрудником. Так уж попросите их прислать мне журнал, в Москве его нигде нет, - значит и купить не могу; а посмотреть хотелось бы, мне эта затея очень нравится.³

Нынешний мой адрес: Ст. Куксово, Моск(овско) - Нижегородской доро(ги), имение Торлецкого "Старое Гиреево", мне.

До свидания, жму Вашу руку.

Уважающий Вас Владислав Ходасевич.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В письме от 12 марта 1909 г. Ходасевич, по поручению Московского общества взаимопомощи студентов-филологов, просил Ремизова прислать что-нибудь для издаваемого этим Обществом литературного сборника. "Я очень знаю, что исполнять такие просьбы не всегда легко, - а Вы все-таки попытайтесь исполнить, если есть хоть какая-нибудь возможность: люди, кажется, просто голодают. Печатать сборник начнут только в июне, так что если бы Вы и не отказали, Вам нет нужды присылать рукопись тотчас же. Может быть, у Вас к тому времени что-нибудь найдется? Пока нужно только знать: дадите или нет? Если можете, ответьте поскорее..."
2. Потемкин Петр Петрович (1886-1926), русский поэт, один из со-редакторов журнала *Остров*.
3. Идея создания первого русского ежемесячника, специально посвященного современной поэзии, возникла весной 1909 г. у группы молодых петербургских литераторов (Н.С.Гумилев, М.А.Кузмин, П.П.Потемкин, граф А.Н.Толстой) связанных между собой дружескими узами еще со времен своих совместных поэтических "Штудий" в Париже (*Речь*, 1909, № 110, 24 апреля, 5). Душой этого предприятия стал Гумилев, которому удалось привлечь к сотрудничеству в своем журнале лучшие поэтические силы того времени: И.Ф. Анненского, К.Д.Бальмонта, Андрея Белого, А.А.Блока, Н.А.Бучинскую (Тэффи), М.А.Волошина, Вячеслава Иванова, А.К.Кондратьева, В.А.Пяста, И.С.Рукавишникову, С.М.Соловьева. Судя по его замыслу, решающий голос в новом ежемесячнике должны были иметь не только мэтры символизма, но и молодые поэты со своим глубоко индивидуальным "почерком" - С.М.Городецкий, Е.И.Дмитриева (будущая Черубина де Габриак), В.Ф.Ходасевич.

До наших дней сохранился лишь первый номер журнала *Остров*, выпущенного в свет редактором-издателем А.Котылевым (редакция размещалась в квартире Н.С.Гумилева: Царское Село, Бульварная улица, дом Георгиевского) и распространявшегося через книжные магазины М.О.Вольфа. Современная критика тепло встретила этот тоненький вестник российских муз, на 37-и страницах которого читатели могли познакомиться с поэмой Вячеслава Иванова "Суд огня", поэтическим циклом М.А.Кузмина "Праздники Пресвятой Богородицы", тремя "газелями" П.П.Потемкина и критически "опробированными" на заседаниях ивановской "Академии" стихотворениями М.А.Волошина, Н.С.Гумилева ("Царица", "Воин Агамемнона", "Лесной пожар") и графа А.Н.Толстого. Думается, что читающая публика вполне разделяла мнение рецензентов *Острова* (АУС-ЛЕНДЕР С.А., *Речь*, 1909, № 175, 29 июня, 3) и охотно поддержала бы в дальнейшем подобного рода недорогое (25 коп. номер) и интересное издание, если бы оно не прекратилось на первом же номере. Имеются, правда, сведения о существовании второго номера гумилевского журнала, для которого предназначались стихи Ходасевича, однако отсутствие этого "призрачного" издания во всех крупнейших библиотеках России, а, главное, появление в свет осенью того же 1909 г. журнала *Аполлон*, перекрывшего и "поглотившего" эфемерный *Остров*, заставляют всерьез усомниться в правдоподобии вышеупомянутой легенды.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

И.Ф.МАРТЫНОВ

РУССКИЙ ДЕКАДАНС ПЕРЕД СУДОМ ЦЕНЗУРЫ (1906-1916 гг.)¹

Много лет назад, впервые знакомясь с программным альманахом русских футуристов *Рикающий Парнас* (СПб., Журавль, 1914) по экземпляру одной из частных коллекций, я обратил внимание на владельческую помету, как оказалось потом, сделанную рукой крупнейшего знатока запрещенной книги Левкия Ивановича Жевержеева:²

"Книга конфискована царск(им) правит(ельством) за вольн(омыслие?)".³ При самом внимательном просмотре этого альманаха, немало эпатировавшего петербургское общество предреволюционных лет, мне так и не удалось обнаружить здесь никаких следов политической "крамолы" или философского свободомыслия, но зато - сразу же бросились в глаза непристойные рисунки Давида Бурлюка. Цензурное дело о запрещении альманаха *Рикающий Парнас*, сохранившееся в архиве Петербургского комитета по делам печати,⁴ подтвердило мои подозрения. Как видно из него, 25 ноября 1914 г. Петербургский окружной суд постановил уничтожить это издание художника-футуриста Ивана Альбертовича Пуни, найдя в помещенных здесь "рисунках" признаки преступлений, предусмотренных статьей 74-й Уголовного уложения 1903 г. ("кошунство"),⁵ а кроме того усмотрев "в самом тексте книги явно неблагопристойные выражения". Думается, что в данном случае озлобленные на футуристов цензоры безусловно перестарались. После удаления из альманаха действительно неприличных, но отнюдь не "кошунственных" рисунков Д.Бурлюка⁶ он практически ничем бы не отличался от столь многочисленных в то время декадентских изданий, где можно было в изобилии встретить те же эротические грезы (с. 118) и сальное смакование обнаженного женского тела (с. 19).⁷ Тем не менее, 9 октября 1915 г. весь тираж (1000 экз.) *Рикающего Парнаса* пошел под нож, и только благодаря коллекционерской страсти нескольких богатых библиофилов (типа Л.И.Жевержеева) до наших дней дошли отдельные экземпляры этой книги - живой свидетельницы юношеских проказ будущих мастеров "Серебряного Века" русской поэзии.⁸

Сам по себе этот мелкий и не слишком оригинальный эпизод в многотрудной истории отечественной словесности едва ли заслуживал

бы особого внимания, не явись он поводом для весьма характерной обмолвки маститого библиографа, перкрасного знатока и в какой-то мере участника русского футуристического движения. "Впитанный с молоком матери", органичный для русского интеллигента пиетет к "запретной" книге вольного или невольного (скорее всего, даже подсознательно) побудил Жевержеева чуть-чуть "приукрасить" судьбу изрубленного полицейским ножом альманаха.

Искони, со времен жестокой расправы Екатерины II с "Путешествием" Радищева и новиковским издательством, цензура считалась злейшим врагом отечественной словесности. Этот "шлагбаум мысли", по меткому выражению одного из идеологов русского масонства начала XX в. С.П.Мельгунова,⁹ больше ста лет стоял на пути общественного прогресса, вызывая презрение и ненависть у всех свободомыслящих людей России. Отмена предварительной цензуры, как одно из реальных завоеваний революции 1905 года, стала для либеральной русской интеллигенции подлинным символом грядущих перемен, однако на смену первоначальным восторгам довольно скоро пришло глубокое разочарование. Время показало, что правительство сохранило за собой вполне эффективный набор средств для пресечения любых проявлений политического и религиозного "вольномыслия",¹⁰ сведя "свободу печати" к частичному ослаблению жесткой идеологической регламентации всех сфер и проявлений общественного бытия. Политика "куцых", преднамеренно выхолощенных реформ не только не оздоровила, но еще больше отравила духовную атмосферу русского общества, и без того до предела насыщенную миазмами насилия и аморализма. Не удивительно, что в этих условиях некоторая часть отечественных литераторов, изуверившихся, лишенных твердых нравственных оснований, а иногда и попросту духовно незрелых, начала трактовать "свободу печати" всего лишь как удобный повод для безнаказанного кощунства, нигилистического отрицания любых вечных ценностей и сексуальной разнузданности.

"Чего только не проделывали мы за последние годы с нашей литературой, - возмущенно говорил на юбилее газеты *Русские ведомости* (1913 г.) И.А.Бунин, - каким богам не поклонялись?.. Мы пережили и декаданс, и символизм, и натурализм, и порнографию, и богоборчество, и мифотворчество, и какой-то мистический анархизм, и Диониса, и Аполлона, и "пролеты в вечность", и садизм, и прятие мира, и неприятие мира... Это ли не Вальпургиева ночь!"¹¹

Идейный разброд и духовное оскудение отечественной словесности немало усугублялись в предреволюционные годы тем фактом, что карательная цензура, беспощадно жестокая к любым проявлениям политического свободомыслия, зачастую смотрела сквозь пальцы на самые мерзостные проделки литераторов—"содомитов". Только в отдельных случаях, когда наглость этих растлителей общества переходила все границы, их творения шли под нож, не вызывая ни у кого сочувствия и поддержки.¹²

Как показало систематическое обследование архивных фондов, Главный комитет по делам печати и его местные филиалы в 1906 - 1916 гг. крайне редко прибегали к конфискации и уничтожению книг или отдельных публикаций ведущих русских поэтов "Серебряного Века", от вполне респектабельных неоклассиков до самых отчаянных футуристов включительно. Преследованиям подвергались, как правило, агитационные брошюры с целенаправленным подбором стихов революционного содержания, выпускавшиеся левыми партиями,¹³ сатирические журналы и другие издания подобного рода.

Самым "крамольным" поэтом среди властителей русского Парнаса тех лет по-праву считался Константин Дмитриевич Бальмонт, на долю которого приходится чуть-ли не половина из общего числа стихотворных произведений, запрещенных цензурой в период между двумя революциями. Потомок польских инсургентов и духовный наследник поэтов-народников, он сочувственно встретил революцию 1905 года, смело поддержав повстанцев Пресни и варшавских забастовщиков, своим метким, острым, удивительно плодовитым пером. Время сохранило для нас тоненькую брошюрку бальмонтовских "Песен мстителя", отпечатанную весной 1907 г. польскими политэмигрантами в Париже. Эти отчаянно дерзкие стихи, пророчески предрекавшие неминуемую гибель виновникам Цусимы и "кровавого воскресенья", были написаны поэтом, находившимся в самой гуще борьбы. Только отъезд Бальмонта за границу¹⁴ спас его от ареста, и правительству пришлось ограничиться запретом на ввоз в Россию "Песен мстителя", не имея, к своему немалому огорчению, никакой возможности уничтожить весь тираж столь "святотатственной" книжки.¹⁵

Гораздо более жестоко цензура расправилась с другим сборником бальмонтовских "Стихотворений", напечатанным издательством Горького и Пятницкого "Знание" (СПб., 1906) огромным тиражом в 20000 экземпляров.

"В названной брошюре, - сообщил 27 марта 1907 г. прокурору Петербургской судебной палаты начальник столичного цензурного ведомства, - выбраны с явно агитационной целью из сочинений Бальмонта такие стихотворения, которые прославляют пролетарское движение и имеют возбуждающий характер, призывая рабочих к активному выступлению для завоевания своих прав. Таковы особенно стихотворения под заглавиями "Начистоту" (с. 10), "Будет" (с. 11), "Земля и воля" (с. 13), "Русскому рабочему" (с. 14), "Рабочие всех стран, соединяйтесь" (с. 15) и др.

Усматривая в этом подборе стихотворений признаки преступления караемого по пункту 1-му статьи 129-й Уголовного уложения 1909 г.,¹⁶ С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к законной ответственности, по силе приведенного узаконения, виновных в напечатании брошюры и 2) наложить на нее арест, на основании статьи 3-й, отдела IV Временных правил для неповременной печати от 26 апреля 1906 г.

Сообщая о сем, Комитет по делам печати покорнейше просит Ваше превосходительство возбудить судебное преследование против автора стихотворений Константина Бальмонта и представителя товарищества "Знание", а равно и других лиц, могущих оказаться виновниками по тому же делу".¹⁷

Получив доклад цензоров, Петербургская судебная палата начала следствие, которое продолжалось больше семи лет и завершилось только 8 августа 1914 г. обвинительным приговором, согласно которому "преступная" книга подлежала полному уничтожению "посредством разрывания на мелкие части".¹⁸ Горький и Бальмонт избежали сурового наказания лишь "за давностью лет".

Печальнее сложилась судьба другого издателя Бальмонта - Михаила Васильевича Пирожкова, приговоренного 13 февраля 1909 г. Петербургской судебной палатой "к заключению в крепости на один год"¹⁹ за публикацию внешне невинного сборника бальмонтовских статей о зарубежной поэзии под названием *Белые зарницы* (СПб., 1908). Как выяснилось на следствии, его автор дерзко процитировал в эссе, посвященном западнославянским поэтам ("Флейты из человеческих костей") свои переводы тираноборческих стихотворений Адама Мицкевича, выразив далее недвусмысленную надежду на скорое освобождение Польши, а вслед за ней и России от угнетателей этих двух братских народов:

Латы горят, как в огне.
 Встаньте же, братья, и вы.
 Свет вам несет он, и мне,
 Всадник с мечом на коне
 Польши и древней Литвы.²⁰

Запрещение *Белих зарниц* знаменовало собой конец политической активности Бальмонта, возвратившегося к ней лишь ненадолго, после победы Февральской революции.²¹ Дальнейшие, достаточно частые столкновения с цензурой поэта-бунтаря носили совсем иной характер и далеко не всегда вызвали к нему сочувствие тех, кто любил и высоко ценил его недожинное поэтическое дарование.

Еще на заре своей славы, упоенный первым успехом и жаждавший новых лавров Бальмонт активно стремился утвердить за собой сомнительную, но эффектную репутацию ниспровергателя всех и всяческих "основ", будь то самодержавие, вера в Бога или элементарные нормы общественной морали. Со временем это ему вполне удалось, однако подмена "низложенного" Бога отвратительным ликом Сатаны и попытка утвердить на месте "ханжеской" морали махровый индивидуализм с ярко выраженной сексопатологической окраской свидетельствовали скорее о гипертрофированном честолюбии поэта, чем об органичности его политических и философских убеждений.

За свою двухвековую историю русская цензура не раз наклеивала фальшивые ярлыки "непристойности" и "кощунства" на сочинения Вольтера и Сен-Мартена, Пушкина и Толстого, запрещая их в угоду высокопоставленным абскурантам. Притчей во языцех стал анекдотический случай, когда митрополит Филарет требовал у графа Бенкендорфа вычеркнуть из описания Москвы в "Евгении Онегине" строку о "стаях галок на крестах", усмотрев в этом оскорбление святыни.²² Не менее смешной и нелепой была попытка Петербургского комитета по делам печати запретить в 1909 г. (год "триумфального" успеха "Санина"!) за "непристойное" содержание *Декамерон* Д.Боккаччо, сорванная только благодаря тому, что чиновники столичного суда оказались интеллигентнее своих коллег-цензоров.²³

Все это так, однако бывали случаи, когда ни один здравомыслящий человек не мог ничего возразить против цензурных репрессий при всем своем отвращении к подобного рода методам "контроля" над отечественной словесностью. Запретив публикацию перевода антиклерикальной драмы великого английского гуманиста П.Б.Шелли "Ченчи", выполненного Бальмонтом,²⁴ петербургские цензоры явно

стремились выслужиться перед черносотенной реакцией, чего нельзя сказать об их активном противодействии систематическим попыткам некоторых лидеров русского декаданса протащить на страницы легальной печати под сенсационной вывеской "богоборчества" культ сатанинских сил зла, кощунственный нигилизм и откровенную порнографию. Трудно, а скорее всего просто невозможно найти хоть какие-то убедительные аргументы в защиту пяти бальмонтовских стихотворений, вырезанных полицией "за богохульство" из трех его сборников *Будем как солнце* (М., Скорпион, 1903),²⁵ *Горные вершины* (М., Гриф, 1904)²⁶ и *Злые чары* (М., Золотое руно, 1906),²⁷ с достаточно характерными названиями "Голос Дьявола" ("Я ненавижу всех святых..."),²⁸ "Молитва Сатане" (вольный перевод из Ш.Бодлера),²⁹ "Отречение", "Пир у Сатаны", "Будь проклят Бог".³⁰ Ходульные и напыщенные, эти поэтические декларации одержимого бесом гордыни поэта, готового на все ради саморекламы, не только глубоко оскорбляли чувства верующих людей, но и давали реакционерам удобный повод для травли свободомыслящей интеллигенции, оптом записываемой в ранг "сатанистов".

Было бы в корне неверным считать беспринципным лоббителем сенсаций или "абскурантом на выворот" любого поэта, обращавшегося в своем творчестве к библейски-величественному образу Падшего Ангела. И все-таки любой просвященный человек, не философ и не богослов, легко ощутит принципиальную разницу между лермонтовским Демоном и грубо загримированным под "анти-Бога" Люцифером Бальмонта.

Опытный литературный работник и блистательный версификатор, Бальмонт умел придавать видимость жизни самым ходульным героям своих стихов, создавать подобие законченной философской системы из пестрых осколков модных доктрин. Его преемники и антагонисты, вступая в борьбу за место на русском Парнасе, не утруждали себя даже такой, псевдоинтеллектуальной маскировкой своих честолюбивых намерений. Важно создать шум вокруг своей персоны, - уяснили они из опыта декадентов старшего поколения, а как и какими средствами он достигается - вопрос второстепенный. Только в такой отравленной атмосфере постоянных литературных скандалов, моральной вседозволенности и злобной конкурентской грызни мог появиться на свет сборник стихов двух молодых харьковских поэтов-футуристов Николая Асеева и Григория Петникова, напечатанный "чисто симво-

лическим" тиражом в 260 экземпляров. Тоненькая, скромная на вид книжечка с непонятным названием *Леторей* (М., Лирень, 1915), столь непохожая по своему внешнему оформлению на яркие "хлопушки" братьев Бурлюков, сразу же привлекала внимание цензуры всего лишь одним, но зато беспрецедентно кощунственным асеевским стихотворением "Жалость", начинавшимся следующими строками:

Капкан для ловли блох...
 Кто его выдумал?
 Может быть "Зог",
 Которого я не видывал?.. ³¹

Трудно подыскать лучшую иллюстрацию к слову "богохульство", чем эта грубая, пошлая и ничуть не остроумная поделка честолюбивого харьковского студента. Думается, что она вправе занять малопочтенное место родоначальницы крикливой семьи гнусных "антирелигиозных" частушек, в обилии фабриковавшихся на заре советской эры полуграмотными членами "Общества воинствующих безбожников". ³²

Асеев добивался известности и достиг своей цели, однако вместо бурных восторгов эксцентричных дам и светских салонов его ожидала скамья подсудимых, откуда он вместе с Мордухом Геноховичем Коганом, владельцем футуристического издательства "Лирень", напечатавшего асеевские стихи, чуть не отправился в ссылку, которой сумел избежать только потому, что ушел добровольцем в действующую армию. ³³ Почти весь тираж "Леторея" был уничтожен, ³⁴ но автор стихотворения "Жалость" не слишком жалел о его гибели. Примечательно, что, став впоследствии маститым поэтом, убежденный атеист Николай Николаевич Асеев (1889-1963) никогда больше не включал этот дурно пахнущий "грех молодости" ни в один из своих итоговых сборников и явно не любил вспоминать о нем.

Скандалная слава первых русских футуристов лишила покоя и сна руководителей других литературных группировок, побуждая их, зачастую против собственных убеждений, на не менее эксцентричные выходки и дерзкие публикации. Наиболее острая, непримиримая борьба разгорелась между футуристами и довольно пестрой группой молодых петербургских стихотворцев, объединившихся в конце 1911 г. в "Цех поэтов", ставивший перед собой задачу радикального пересмотра основных эстетических принципов и заповедей символизма. ³⁵ Считая себя истинными законодателями хорошего вкуса в современной русской поэзии, "синдики" Цеха Городецкий и Гумилев сами не могли и не хотели шокировать пресыщенный Петербург, однако они отнюдь

не возражали против того, чтобы кто-нибудь из их друзей взял на себя эту многотрудную миссию. Роль цехового "каскадера" досталась одаренному поэту, единственному сыну богатых украинских помещиков Владимиру Ивановичу Нарбуту (1888–1944), задумавшему и воплотившему в жизнь план издания сборника стихов с кощунственным названием "Аллилуиа" (СПб., Цех поэтов, 1912) – одной из самых экстравагантных и неприличных книг в истории отечественной словесности. Тонкий знаток мелкопоместного быта, блестящий сатирик и мастер "самовитого" слова, Нарбут подчеркнуто бравировал здесь своим пристрастием к грубой физиологической стороне жизни, живописуя ее на редкость ядовитыми и зловонными красками. Жуткий паноптикум насильников и упырей корчился, нецензурно бранясь, на страницах "Аллилуии", стилизованной по воле автора под старинный молитвослов.

Вопиющая непристойность этого полиграфического и порнографического "шедевра" была настолько очевидной, что практически весь его тираж так и не вышел за стены типографии "Наш век", а 30 января 1913 г., по приговору Петербургского окружного суда, подвергся полицейской экзекуции "посредством разрывания на мелкие части".³⁶ Нарбуту удалось спасти от гибели всего лишь несколько экземпляров своего сборника,³⁷ однако желанный для Цеха литературный скандал все-таки разразился, о чем свидетельствуют многочисленные отклики на "Аллилуию" в журналах и альманахах того времени.³⁸ Как и следовало ожидать, критика единодушно встретила нарбутовскую книгу в штыки. Только один Городецкий восторженно расхвалил собрата по Цеху за нетривиальный интерес ко всему "подлинно отверженному, к слизи, грязи и копоту мира".³⁹ Подводя итог затянувшимся спорам, анонимный рецензент либерального журнала *Современник* (1913, № 5, 355) выразил общую надежду на то, что "когда-нибудь" небесталантный виновник этого скандала, "если он перестанет смотреть на искусство, как на средство навязывать свою фамилию возможно большему числу людей, будет жестоко стыдиться своей выходки". Умный критик оказался плохим пророком. Нарбут не только переиздал "Аллилуию" тиражом в 1000 экземпляров (Одесса, 1922), но и в дальнейшем продолжал развивать в своих новых стихах некоторые ее мотивы, все дальше и дальше расходясь во взглядах на задачи и назначение поэзии со своими старыми приятелями-акмеистами.

Примечательно, что самый суровый отзыв об "Аллилуие" – книге,

"гораздо более непристойной, чем умной", - был напечатан В.Ф.Ходасевичем именно в том первом и последнем выпуске альманаха *Альциона* (М., 1914, 206), который пошел под нож за публикацию в нем омерзительного рассказа В.Я.Брисова "После детского бала".⁴⁰ Непримирым к слабостям других, этот отец русского декаданса и "певец растления малолетних", сам страдал еще более отвратительными пороками, чем те, за которые он осуждал своих учеников и последователей.

Столь же непримиримым, как Ходасевич, блюстителем морали может показаться, на первый взгляд, прозаик и поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884-1967), если судить о нем по его мемуарам и критическим выступлениям предреволюционных лет. Плоть от плоти богемной среды, он олицетворял собой самые мрачные стороны русского декаданса, сознательно избрав для себя путь беспринципного приспособленчества, диаметрально противоположный тому, который проложили для русской поэзии Державин и Пушкин.

Поэт, лукавствуй и коварствуй:
И лжи и правды властелин, -

Этому принципу, провозглашенному в своей первой книге стихов,⁴¹ Городецкий следовал всю жизнь, не раз разрушая все, чему еще недавно поклонялся, чутко, как флюгер, повинуюсь малейшим дуновеньям на российском Парнасе. Питомец "ивановских сред", он много лет спустя сурово обличал своих первых учителей за их аморализм и увлечение "истонченной эротикой",⁴² однако в годы реакции, когда, по его же меткому выражению, "эротика" зачастую становилась "развратикой",⁴³ сам активно выступал в передовых рядах растлителей русского общества.

Мало кому теперь известна юношеская книга рассказов Городецкого с претенциозным названием *Кладбище страстей* (СПб., Шиповник, 1909), да и едва ли стоит жалеть об этом. "В названном сборнике новелл, написанных большею частью на темы пикантного характера, - сообщал о ней прокурору Петербургской судебной палаты 16 апреля 1909 г. начальник столичного комитета по делам печати, - особенное внимание обращают на себя рассказы "Погибшее согласие" (с. 130-145), "Несчастные" (с. 123-129) и "Лебедь" (с. 57-70), в которых описываются действия бесстыдные и разврат противоестественный.

В первом из названных рассказов описывается жизнь своеобразной коммуны, состоящей из двух девушек, двоих молодых людей, де-

вочки и мальчика, которые, живя в общей квартире, предаются необузданному свальному разврату. По словам автора, "тело (у них) было общим" (с. 137), "страсть вспыхивала радостно непрерывной цепью" (с. 139), "дни и ночи слились в один длинный непрерывный путь" (с. 136). Далее рисуются в рассказе омерзительные сцены явного садизма (с. 132-133), совокупления двоих с одной - "любовь втроем" (с. 135-136), свального разврата, этого "десятирукого, пятиголового тела" (с. 138-139), а также совокупление развращенной девушки с "нежным мальчиком" (с. 136, 138) и молодого, вконец испорченного человека (гравер-революционер) с пятнадцатилетней девочкой (Кизи), которую он, наконец, изнасиловал до смерти, - "пока (она) не посинела" (с. 144). Вследствие такого противоестественного, развратного образа жизни упомянутый мальчик умирает (с. 140), а остальных участников этой коммуны указанный главный герой умерщвляет во время сна угаром (с. 144-145).

В рассказе "Несчастные" автор заставляет друзей детства адвоката, педагога, поэта и психиатра - каждого "рассказать о своей первой женщине". Адвокат описывает, между прочим, сцену совокупления на полу мужа с женой, пришедших в гости к своей дочери-проститутке, подсмотренную последнею и ее гостем - самим рассказчиком (с. 123-124). В рассказе педагога представлена семья, производящая торговлю своими горничными, которых сама хозяйка выводила к гостю и, садясь в той же комнате в кресло, смотрела, обыкновенно, на совершавшийся перед нею акт совокупления (с. 124-126). Поэт, не сойдясь темпераментом со своей "первой женщиной", ограничился лишь эстетическим смакованием форм обнаженного тела (с. 126-128), а психиатр, оставшийся, по его словам, девственником, рассказал только о необыкновенном поцелуе, полученном им весной на кладбище от одной девочки (с. 128-129).

Как в общем содержании рассказа "Лебедь", так и в некоторых отдельных его местах (с. 58, 59, 60-63 - описание вечера и ночи; с. 65, 67, 68 - сцена ревности и с. 69 - сцена с лебедем) имеются, по мнению Комитета, указания на существование между тремя девушками - героинями рассказа - лесбийской любви".⁴⁴

Внимательное знакомство с книгой Городецкого убедительно свидетельствует о том, что цензор нимало не сгустил краски. Грязные сцены разврата, насилия и садизма до краев переполняют этот тоненький сборник в скромном переплете. Патологическая страсть писателя

к "грязи жизни" ощущается не только в натуралистических описаниях аборта ("Черное") и продажного блуда молоденькой жены столичного учителя ("Шуба"), но и там, где он пытался решать острые социальные проблемы, будь то рассказ о жизни анархической коммуны ("Погибшее согласие") или отходная "дворянским гнездам" ("Два берега").

Осенью 1913 г., по приговору Петербургского окружного суда, *Кладбище страстей*, наконец, было отправлено в макулатуру, справедливо "незамеченное" современной критикой,⁴⁵ забытое потомством и даже самим автором, который, как ни в чем ни бывало, продолжал громить молодых прозаиков и поэтов за их мнимые или действительные преступления против общественной морали.

Подводя итог нашей первой, во многом еще не совершенной попытке хотя бы отчасти прояснить взаимоотношения между русскими поэтами "Серебряного Века" и цензурой тех лет, нельзя не коснуться трех основных вопросов, которые естественно возникают перед исследователем этой сложной социально-психологической проблемы. Все они тесно связаны между собой и дополняют друг друга, поэтому ответ на один из них дает ключ к решению других. Первый вопрос о праве цензуры (или каких-либо иных государственных институтов) на вмешательство в творческий замысел поэта остается пока открытым, ибо не было и нет еще абсолютно свободного общества, не нуждающегося в тех или иных формах контроля над литературой, в явных или тайных цензурных установлениях. Столь же непросто найти тот внутренний стимул, который мог бы помочь поэту без давления извне гармонично строить свои взаимоотношения с окружающим обществом так, чтобы приносить ему максимальную пользу или, по крайней мере, не причинять вреда. Нам представляется, что таким моральным компасом и сегодня, в наш атеистический век, может быть только ВЕРА в ВЫСШЕГО СУДИЮ, ибо без нее любые этические понятия остаются всего лишь пустыми, ни для кого не обязательными абстракциями. И, наконец, важный комплекс проблем, включающий в себя понятия долга, самоконтроля и верного понимания свободы творчества, который особенно остро встает сейчас перед поэтами "второй литературной действительности" и русского Зарубежья, "явочным порядком" освободившихся от цензурного "пресса". Как показал опыт русской поэзии "Серебряного Века", отсутствие жесткой идеологической регламентации со стороны государства не может и не

должно вести к разрушению всех моральных "шлюзов",⁴⁶ более того, требует от поэта подлинной нравственной чистоты, не имеющей ничего общего ни с обывательским ханжеством, ни с псевдоинтеллигентским подлаживанием к любой конъюнктуре. Нет слов - это тяжкий, но благодатный путь, примером чему могут служить "труды и дни" Николая Гумилева, прошедшего невредимым сквозь дебри сатанинских соблазнов и застигнутого мученической смертью на пороге подлинной духовной зрелости.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Расширенный и переработанный вариант доклада на "Павленковских чтениях" 27 октября 1981 г. и "Гумилевских чтениях -II" 8 ноября 1981 г.
2. Подробнее о нем см.: ДРЮБИН Г., *Книги, восставшие из пепла*, М. 1966, 128-147.
3. Помета сверена с автографом Л.И.Жевержеева.
4. ЛГИА, ф. 709, оп. I, д. 708.
5. *Уголовное уложение*, СПб. 1903, 27. Согласно этой статье, виновные в распространении "кошунственных" произведений печати или изображений подлежали наказанию "заключением в тюрьму".
6. У всех авторов альманаха сложилось мнение, что он был конфискован за рисунки П.Н.Филонова, хотя их при всем воображении нельзя назвать "кошунственными" (ХЛЕБНИКОВ В.В., *Собрание произведений*, т. 2, "Творения 1906-1916", л. 1930, 311).
7. Самые дерзкие строчки в стихотворении Д.Бурлюка "Приморский порт" -

Обилие лучей, тепла обилье,
 Всему кричать: сними тюрьму одежд,
 Отторгни глупое потливое насилье
 И розы вскрой грудей, дай насыщенье вежд... -

скорее мальчишески смешны, чем утонченно аморальны.

8. *Библиотека русской поэзии И.Н.Розанова. Библиографическое описание*, М. 1975, № 5024 (далее: Розанов). "В феврале 1914 г. я был вызван в Окружной суд, - вспоминал М.В.Матюшин, - как ответчик за изданный мною и Пупи сборник *Рыкающий Парнас*: в помещенных в сборнике рисунках Филонова и Д.Бурлюка цензура усмотрела нарушение благопристойности. Но суд не состоялся. По какой-то формальной причине он был отложен, а затем и совсем прекращен ввиду того, что сборник успели конфисковать еще до выхода в свет. Мне все-таки удалось сотни две распространить сразу по получении экземпляров из типографии. К счастью, полицейский надзор об этом не узнал. Сборник был мгновенно расхвачан" (*И истории русского авангарда*, Стокгольм 1976, 155).
9. *Русские ведомости*, 1909, № 58, 12 марта, 2.

10. См.: ВОДОВОЗОВ В., "Новый подход на печать", в.: *Современник*, 1913, № 5, 237-257. Положение русской печати серьезно осложнилось в годы Первой Мировой войны, после введения военной цензуры, когда карающий карандаш чиновников в погонах беспощадно калечил даже вполне "правоверные" стихи Ахматовой и Гумилева. Так, исчезла, например, в одной из первых публикаций знаменитого гумилевского стихотворения "Наступление" четвертая строка ("Мы не ели четыре дня..."), которая могла быть истолкована "смутьянами", как косвенная критика интендантского ведомства (*В тилу. Литературно-художественный альманах*, Пб. 1915, 15). Думается, однако, что не следует преувеличивать значение этих единичных фактов, усматривая в них какие-то "гонения" на Гумилева и Ахматову со стороны царских властей. Обстановка военного времени усугубляет цензурные нелепости в любой, самой демократической стране.
11. БУНИН И.А., *Собрание сочинений*, т. 9, М. 1967, 529.
12. См., например, статью либерального журналиста С.Любоша "В гостях у цензуры" (*Речь*, 1912, № 59, 1 марта, 5-6).
13. Примечательно, что в то же время комитеты по делам печати запрещали явно погромные издания Союза русского народа (сборники антисемитских куплетов и т.п.).
14. Поэт вернулся на родину только в мае 1913 г. после амнистии политзаключенным и политэмигрантам (БАЛЬМОНТ К.Д., *Стихотворения*, Л. 1969, 30-33).
15. ЦГИА СССР, ф. 779, оп. 4, д. 306.
16. *Уголовное уложение*, СПб. 1903, 44. Согласно этой статье, виновные в распространении сочинений, "возбуждающих к учинению бунтовщического или изменнического деяния", подлежали наказанию "ссылкою на поселение".
17. ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 10, д. 76, л. 3.
18. Там же, л. 5. 23-25 октября 1914 г. в кладовой издательства "Знание" было уничтожено 3/4 тиража (15400 экз.) *Стихотворений* Бальмонта (там же, ф. 776, оп. 9, д. 1040, л. 8). Примечательно, что эта брошюра после экзекуции над ней стала подлинной библиографической редкостью. Нам известны лишь два ее экземпляра, хранящиеся в БАН и собрании И.Н.Розанова (№ 2098). В фондах ГПБ она отсутствует.
19. ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 1254.
20. БАЛЬМОНТ К.Д., *Белые зарницы. Мысли и впечатления*, СПб. 1908, 189. См. также: *Песни мстителя*, 50, 52.
21. С первых же дней советской власти Бальмонт занял резко отрицательную позицию по отношению к новым властям. "Изменился только лик порабощения, - писал он в те дни, - переменялись исполнители того постыдного дела, которое называется надеванием узды на свободное слово" (БАЛЬМОНТ К.Д., *Революционер я или нет*, М. 1918, 31).
22. *Русские ведомости*, 1909, № 58, 12 марта, 2.
23. ЛГИА, ф. 706, оп. 1, д. 445.
24. ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 26, д. 26, л. 280.

25. Там же, оп. 21, ч. 1, д. 625.
26. Там же.
27. Там же, оп. 16, д. 938.
28. БАЛЬМОНТ К.Д., *Будем как солнце. Книга символов*, М. 1903, 180.
29. БАЛЬМОНТ К.Д., *Горные вершины. Сборник статей*, Кн. 1, М. 1904, 78.
30. БАЛЬМОНТ К.Д., *Злые чары. Книга заклятий*, М. 1906, 62-65.
31. АСЕЕВ Н.Н., Петников Г.Н., *Леторей. Книга стихов*, М. 1915, 7.
32. См., например, сборник "антирелигиозных" частушек С.М.ГОРОДЕЦКОГО *Весна безбожника* (Л. 1925), где гнусные пасквили на патриарха Тихона ("Корова круторога - ходок до бога") соседствовали с нескладными, глупыми агитками ("Что делать с женами, дурманом зараженными") и напыщенно-фальшивым "Гимном безбожников" на мотив "Интернационала".
33. Обвинение по пункту 2-му статьи 73-й Уголовного уложения (СПб. 1903, 26) в "полном глумлении над Богом", Асеев и Коган 18 августа 1915 г. предстали пред Харьковским окружным судом, "прекратившим дело производством" в виду того, что кошунственная брошюра "не получила распространения", а ее автор выразил патриотическое желание пойти на фронт (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 17, д. 243).
34. Экземпляры *Леторея* со стихотворением "Жалость" сохранились в БАН, а также в личных собраниях И.Н.Розанова (№ 4849) и А.К.Тарасенкова (ТАРАСЕНКОВ А., *Русские поэты XX века. 1900-1955. Библиография*, М. 1966, 24).
35. См.: "Диспут у футуристов", в.: *Речь*, 1913, № 339, 11 декабря, 5.
36. ЛГИА, ф. 706, оп. 1, д. 595.
37. В собрании И.Н.Розанова (№ 3452) сохранился экземпляр *Аллилуйи* с дарственной надписью автора Г.И.Чулкову, датированной маем 1912 г. Ни в ГБП, ни в БАН этого издания не имеется.
38. БРЮСОВ В.Я., "Сегодняшний день русской поэзии", в: *Русская мысль*, 1912, № 7, 23; ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ В.Л., "Символисты и наследники их", в: *Современник*, 1913, № 7, 300-301, 303 и др.
39. ВОЛКОВ А., *Поэзия русского империализма*, М. 1935, 150-151.
40. ЛГИА, ф. 706, оп. 1, д. 683.
41. ГОРОДЕЦКИЙ С.М., *Ярь. Лирические и лиро-эпические стихотворения*, изд. 2-е, СПб. 1910, 180-181.
42. ГОРОДЕЦКИЙ С.М., "Воспоминания о Блоке", в: *Печать и революция*, 1922, № 1, 81.
43. См. отзыв Городецкого о книге стихов Владимира ЭЛЬСНЕРА *Пурпур кифери*, (М. Альциона, 1913), в: *Речь*, 1913, № 323, 25 ноября 3. Его оценка этого сборника была гораздо строже, чем у других критиков (КРИВИЧ В., *Современный мир*, 1913, № 7, 171-172; ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ В.Л., *Современник*, 1913, № 10, 296).
44. ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 1775.
45. ПОЛОНСКИЙ В.П., "Литература и жизнь. Проза Сергея Городецкого", в: *Новая жизнь*, 1914, № 1, 169-170.

46. Теме борьбы с растлевающим влиянием "литературной порнографии" были посвящены книга Г.С.НОВОПОЛИНА (НЕЙФЕЛЬДА) *Порнографический элемент в русской литературе* (Екатеринослав 1909) и пространная статья М.МАЙЗЕЛЯ "Порнография в современной литературе (*Голоса против. Критический альманах*, Л. 1928, 115-173). К сожалению, как метко отметил в свое время рецензент газеты *Речь* (1909, № 120, 4 мая, 3), авторы подобного рода исследований зачастую либо сами становятся невольными пропагандистами порнографии, предлагая вниманию читателей тенденциозные подборки "вырванных" из контекста эпизодов, либо, настроившись на ханжеский лад, оптом записывают в разряд "непристойных" подлинно талантливые произведения.

ЕЛЕНА ТАГЕР

Синеглазая женщина входит походкой царицы.
Открываются окна. Горит на закате река.
По вечернему воздуху белая стая стремится,
А она неподвижна. И четки сжимает рука.

Это - Анна Ахматова. Старшая в хоре пророчиц.
Та, что в песенный мед претворила полынные дни.
Псалмопевцу Божью посмеет ли кто опорочить.
Ея певучие пчелы и плавные птицы сродны.

Пред очами ее - вереница волшебных видений.
Под бессонной луной Голубой распустился цветок.
За плечами ее - величаво колеблются тени:
Отсверкал Гумилев и уходит в безмолвие Блок.

Золотые стихи! О, стихами повитое детство!
О, ритмический ветер, качавший ее колыбель!
Для кичливых льстецов - позолоты грошовое средство,
Для правдивых певцов - осиянная звездная цель.

Кольма, 1948, осень.

ИВАН ФЕДОРОВ

ОРГАННОЕ МНОГОГОЛОСЬЕ

Возникает эра эстетического пуританизма, великих требований к поэту, как творцу, к мысли или слову - как материалу искусства.

Н.С.Гумилев

Из всех музыкальных инструментов больше всего люблю орган. С детства меня навсегда заколдовала слитная мощь его ангельских труб, ликующих или печальных, но всегда торжественно-строгих, как сама жизнь, очищенная от мишуры повседневности. Трубы эти разной длины и разного диаметра; у каждой из них свой голос, свой эмоциональный настрой, неповторимо индивидуальный и вместе с тем созвучный голосам других труб, связанных с ней рукой Великого Мастера в нерасторжимое единство. Такова современная петербургская поэзия, чутко откликающаяся на каждую перемену в Розе Ветров нашего злого, "пожароопасного" века.

Казалось бы, еще совсем недавно, лет двадцать тому назад, ни один уважающий себя литературовед не стал бы писать всерьез о современной петербургской поэтической школе, видя перед собой лишь нескольких "последних могикан" Серебряного Века (Ахматову, Лозинского, Гнедича), чудом уцелевших в годы сталинского террора, пеструю толпу неоперившихся юнцов и монолитно-серые ряды казенных стихотворцев, послушных исполнителей любого социального заказа. Но вот прозвучали стихи Иосифа Бродского, Алексея Хвостенко, Леонида Ентина, и через зияющий провал между прошлым и настоящим пролег пока еще очень узкий и шаткий мостик - беззащитная игрушка злых ветров, дующих с Невы.¹ Неповторимо своеобразные и вместе с тем удивительно близкие поэтам Серебряного Века, они разглядели "сквозь мглу смертей и рождений... Петербург двадцать первого года",² город Гумилева и Мандельштама, Ахматовой и Вагинова, трагический символ истекающей кровью и вечно возрождающейся из небытия русской Поэзии. Примечательно, что Бродский и его соратники, первыми разорвавшие пути эстетических и идеологических штампов казенного "соцреализма", остро ощутили свою органическую связь с акмеистической традицией, справедливо увидев в ней не мертвую схему,

а живое руководство к новым творческим свершениям.³

Акмеизм – это "тепличное", нежизнеспособное растение, – провозгласил уже над его колыбелью признанный вождь русских декадентов В.Я.Брюсов, предрекая новой поэтической школе скорую гибель.⁴ С тех пор вот уже семьдесят лет несколько поколений "могильщиков" акмеизма хоронят и никак не могут похоронить любимое детище Гумилева. Каждый "могильщик" хоронит акмеизм на собственный лад, в зависимости от своего темперамента и общественного статуса: один (Сергей Бобров, Борис Садовский и Михаил Кузмин) – чисто эстетски,⁵ другие (Иннокентий Оксенов, Алексей Селивановский и Анатолий Волков) – "поработочными" статьями,⁶ третьи (А.А.Жданов) – жесткими репрессивными мерами,⁷ однако все – в равной степени безуспешно.

Отметим, что у всех ниспровергателей гумилевской школы имеется излюбленный ими и, как им представляется, неопровержимый аргумент в подкрепление тезиса о "бесплодности" акмеизма. Действительно, ни Гумилев, ни Мандельштам, ни Ахматова не оставили после себя блистательного созвездия учеников, если не считать более чем сомнительного "акмеиста" – Вагинова⁸ и быстро сошедших со сцены молодых участников литературного кружка "Звучащая раковина" (сестер Наппельбаум, Петра Волкова, Николая Димитриева и других). После расстрела Мэтра чуть ли не весь "Второй" Цех поэтов покинул пределы России, поэтому творческий расцвет "старших" студистов Гумилева – Георгия Иванова, Ирины Одоевцевой и Николая Оцупа – пришелся на годы эмиграции, практически не найдя никакого отклика у их соотечественников. Из поэтов, близких Гумилеву, прочные и даже "командные" позиции в советской литературе заняли Николай Тихонов и Всеволод Рождественский, однако они, по вполне понятным причинам, не слишком стремились рекламировать свои акмеистические "корни", особенно тогда, когда само слово "акмеист" стало едва ли не синонимом "врага народа".⁹

Как ни парадоксально, в сталинские времена не бывшие друзья Гумилева, а его идейные противники взяли на вооружение творческое наследие этого "поэта подвига, художника храбрости и певца бесстрашия",¹⁰ его "грубоватый, но здоровый и искренний романтизм".¹¹ Ради такого, поистине бесценного для них "художественного метода", критики-марксисты эпохи первых пятилеток готовы были и "Костра" (но не "Огненного столпа"!).¹² Усиленная разработка

"военно-патриотической" темы привела в число адептов гумилевской поэтической школы не только его явного эпигона – Павла Лукницкого,¹³ но и таких ведущих советских поэтов-романтиков, как Эдуард Багрицкий,¹⁴ Виссарион Саянов и Джек Алтаузен.¹⁵ Кровавые репрессии 1937 года, а в особенности послевоенная кампания борьбы с "космополитизмом" немало поубавила блеск "революционной романтики". На смену поэтам-"комиссарам" пришли рептильные одописцы, большие и маленькие "джамбулы" в чинах или пока еще без таковых, те самые серые обитатели "крысиных гнезд", для которых поэзия была лишь сытной кормушкой, но никак не Служением Истине. Страшный "Хозяин" земли русской не жаловал ни Истину, ни Талант, предпочитая фальшивый звон литавр державинскому неподкупному "глаголу". Стоит ли удивляться тому, что рыцарственно-открытый акмеизм пришелся ему явно не ко двору!..

Фанфары гремели, а в тиши аудиторий московского Литературного института "перевертыши" типа Городецкого и Асеева уже готовили новое поколение придворных бардов, более гибких и технически оснащенных для битвы за лучшие места на официальном Парнасе. Посвящая своих учеников в тайны поэтического мастерства Хлебникова и Гумилева, их учителя делали все для того, чтобы отвратить творческую молодежь от духовного вольнодумства. "Поэт должен возложить на себя вериги трудных форм или форм обычных, но доведенных в своем развитии до пределов возможного", – любил повторять вслед за Гумилевым предавший его Городецкий, сознательно опуская логическое продолжение этой блистательной заповеди Поэтам, – *"... должен, но только во славу своего Бога, которого он обязан иметь. Иначе он будет простым гимнастом"* (СС, т. 4, 159). Именно таких высококвалифицированных "гимнастов" (не будем называть хорошо известные всем имена), свободно владеющих любыми стихотворными размерами, выпустили они в дни хрущевской "оттепели" на страницы советских журналов и университетские кафедры.

Хорошо известно, что вслух произнесенное Слово обретает свою независимую жизнь, зачастую оборачиваясь против того, кто пытается замаскировать этим Словом хитрые мысли и низменные побуждения. Возникновение "Самиздата", немьслимого в сталинские времена, началось с освоения творческой молодежью запретного, а иногда и попросту забытого наследия русских литераторов "Серебряного Века".¹⁶ Именно тогда у акмеизма появились новые ученики,

усвоившие как Букву, так и Дух гумилевских заповедей, открывшие вновь своего Бога, ради которого стоило "возложить" на себя не только "вериги" трудных поэтических форм, но и тяжкий крест жизни изгоя. Первыми из таких поэтов-бунтарей, решительно восставших против соблазнов конформизма, были Станислав Красовицкий и Иосиф Бродский, большие художники, чьи имена по-праву открывают теперь новейшую историю петербургской поэзии - "второй литературной действительности" наших дней. Примечательно, что "бунт" поэтов наиболее ярко разгорелся на берегах Невы, вдали от развращенной мирскими соблазнами "первопрестольной" столицы. "Так уж исторически получилось, - объясняет этот феномен В.В.Бетаки, - что поэзия русская и Петербург если не синонимы, то, как говорят математики, стремятся к подобию".¹⁷ В отличие от москвичей, невским поэтам очень повезло с учителями. "Золотой дождь" (по меткому выражению К.И.Чуковского) вот уже более полувека увлекает поближе к стенам Кремля всех "мастеров культуры", неравнодушных к житейским благам, оставляя на петербургских мостовых лишь кучку бездарных чиновников "от литературы" и тех настоящих Поэтов, кто не мог и не захотел променять свое первородство на чечевичную похлебку. Вот почему этот город, приют Ахматовой и Лозинского, Татьяны Гнедич и Эфима Эткинда, постоянно подносит блюстителям духовной "одноцветности" все новые и новые сюрпризы, от которых не избавиться ни "открытыми" судами, ни тайными интригами, ни исходом "инакомыслящих" на Запад. Терновый венец Гумилева осеняет здесь не только любителей трудных путей, но и тех, кто по тем или иным причинам вынужден говорить со "сдавленным" горлом. Все они - изгнанник Бродский и задыхающийся на родине Соснора, "гений осторожности" Кушнер и неистовый Охупкин - ученики одной поэтической школы, дети одной матери - Невской Музы.

На берегах Невы нет (и слава Богу!) Литературного института, но ведь поэтическая традиция возникает не только на собраниях творческих союзов или в учебных лабораториях. Лучшей наставницей поэтов всегда была и останется впредь книжная полка, где Мандельштам - сосед Бродского, а рядом с томом научного наследия Бахтина стоят новейшие работы Юрия Михайловича Лотмана. Именно им, мудрым учителям и душевным собеседникам в пестрых переплетах посвятила одно из своих ранних стихотворений Наталия Карпова, автор трех тоненьких книжек, вобравших в себя далеко не самое лучшее

из ее поэтических тетрадей:

Вольно нам выбирать учителей! –
Среди живых наставников и судей.
Средь мертвых выбираем тяжелей,
Вникая в память и касаясь судеб.

И мертвые похожи на святых –
Они в тебе, с тобой и над тобою.
И кажется, они живей живых,
Когда, как книгу, жизнь твою откроют.

И звуки с их сольются языком,
И время с временем. И, вытесняя память,
Быть может, так не помним ни о ком,
Пока живем и учимся покамест.¹⁸

Публикуя стихотворение Карповой, я невольно задумался над тем, кто создает так называемую "вторую литературную действительность". Практически все современные поэты города на Неве (речь идет о поэтах, а не о литературных дельцах) пишут стихи, выходящие за рамки казенного "соцреализма", вне зависимости от их поэтической манеры и социального статуса. Значит ли это, что каждый из них вправе считать свое творчество фактором новой литературной действительности, либо принадлежность к ней связана с какой-то определенной группой поэтов-единомышленников?

Примат акмеистической традиции в петербургской поэтике наших дней отнюдь не означает того, что она отдана на откуп исключительно поэтам-акмеистам. Более того, сам акмеизм за семьдесят лет своего существования претерпел довольно значительные метаморфозы как под влиянием внешних воздействий (диффузия с неоклассицизмом, футуризмом, поэзией абсурда), так и в силу внутреннего развития ("воронежские" стихи Мандельштама, поздняя Ахматова). Устойчивый интерес поэта к какой-либо поэтической школе "Серебряного Века" или же, конкретно, к "гению-предтече" (Охалкина к Гумилеву, Колкера к Ходасевичу, Эрля к авангардистам) безусловно накладывает отпечаток на его собственные стихи, однако со временем вкусы меняются, а вместе с ними – поэтический строй, круг тем и даже литературная позиция. Характерно, что освоение классического наследия идет у петербургских поэтов не только "вглубь", но и "вширь", о чем свидетельствуют, например, державинские "штудии" Олега Охалкина, немало поработавшего за последнее время в традиционном для русской поэзии жанре стихотворного переложения псалмов, или вполне профессиональный подход Владимира Эрля к формальным экспериментам полузабытого графа Хвостова. Все современные

петербургские поэты – живые люди: они много работают, учатся, экспериментируют, постоянно находя новое и отбрасывая отжившее. Те оценки их творчества, которые были верны вчера, далеко не всегда остаются неизменными сегодня. Следует подчеркнуть, что названные здесь имена взяты из среды близких мне поэтов, однако такие же тенденции характерны для творческой эволюции изгнанника Бродского, полузапретного Кривулина и внешне вполне респектабельного Соснора. Следовательно, ни акмеизм, ни какая-либо иная поэтическая школа не могут претендовать на монополию в формировании "второй литературной действительности".

Столь же бесплодным представляется мне искусственное разделение современных петербургских поэтов по их социальному статусу, точнее – по степеням их несвободы. Покинув Россию, Иосиф Бродский получил, наконец, возможность печатать свои книги, но вместе с ней и свободу... от широкой читательской аудитории. Не менее печальна судьба "рыцарей малых дел" с Воинова 18, пока еще не утративших гражданского мужества и творческой потенции. Уступка "непреодолимым" жизненным обстоятельствам (карьера, дети, здоровье) не избавляет их от внутренней необходимости "параллельно" работать на "самиздат", пусть даже его единственным читателем какое-то время остается сам автор. Хуже всех приходится поэту-нонконформисту, лишенному по тем или иным причинам внелитературного характера (стойкость религиозных убеждений, полный разрыв с официальной поэтикой и т.д.) возможности публиковать свои стихи в открытой печати. Зарабатывая на хлеб тяжким физическим трудом, он вынужден обращаться к читателям через головы чиновников "от литературы", что рано или поздно приводит его к острым конфликтным ситуациям. В конечном итоге *современные петербургские поэты* всех социальных категорий ("бунтари", изгнанники и честные конформисты), вне зависимости от их приверженности тому или иному формальному методу, активно создают "вторую литературную действительность", для которой характерны полная раскрепощенность творческого эксперимента, искреннее служение каждого поэта *своему Богу* (пусть даже этот Бог представляется добрым началом в человеке), а, главное, подвижническое стремление донести до читателя открывшееся ему Слово Истины через любые препоны и рогатки, "умственные плотины" и "шлагбаумы мысли".

Прочитав около двадцати лет тому назад первые стихи Иосифа

Бродского, распространявшиеся в "Самиздате", историки русского акмеизма с удивлением открыли для себя, что "петербургская поэтика жива", причем жива не просто как бледное отражение ее былых творческих достижений, а как новый, яркий и чрезвычайно активный фактор современной литературной действительности.¹⁹ С тех пор прошла целая эпоха, и сегодня на берегах Невы работают уже десятки талантливых поэтов и поэтесс, соратников Бродского и тех, кто пришел в поэзию после его вынужденного отъезда за рубеж.

Публикуемая ниже подборка стихов, составленная и авторизованная самими поэтами - участниками "Гумилевских чтений", нимало не претендует на то, чтобы дать читателю полное представление обо всех, или хотя бы о наиболее значимых петербургских поэтах "второй литературной действительности". Основным принципом при ее подготовке был как чисто формальный факт выступления поэта на "Гумилевских чтениях" (что уже само по себе говорит о его интересе к "трудам и дням" Гумилева!), так и пока еще лишь частично реализованный замысел проследить внутреннюю взаимосвязь между творчеством петербургских поэтов "Серебряного" и "Бронзового Веков". Несмотря на заведомую неполноту и тематическую ограниченность этой подборки, в ней представлены практически все основные направления современной петербургской поэтики.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В эти же годы более камерно, но не менее интенсивно работали такие замечательные поэты, как Леонид Аронзон, Анри Волохонский, Михаил Еремин и Владимир Уфлянд.
2. "Вейдле В.В., Петербургская поэтика", в кн.: ГУМИЛЕВ Н.С., *Собрание сочинений*, т. 4, Вашингтон, 1968, XXXV-XXXVI.
3. КАЛОМИРОВ А., "Двадцать лет новейшей русской поэзии", (Предварительные заметки), в: *Северная почта*, 1979, № 1-2, 43, 51.
4. *Русская мысль*, 1913, № 4, 134-142.
5. БОБРОВ С.П., "Рецензия на сборник стихов А.А.Ахматовой 'Четки'", в: *Современник*, 1914, № 9, 108; САДОВСКИЙ Б.А., "Конец акмеизма", в: *там же*, № 13-15, 230-232; КУЗМИН М.А., "Парнасские заросли", в кн.: *Завтра*, Берлин 1923, 116.
6. ОКСЕНОВ И.А., "Письма о современной поэзии", в: *Книга и революция*, 1922, № 1, 30; СЕЛИВАНОВСКИЙ А.П., "Очерки русской поэзии XX века. Распад акмеизма", в: *Литературная учеба*, 1934, № 8, 22-36; ВОЛКОВ А.А., "Знаменосцы безыдейности. (Теория и поэзия акмеизма)", в: *Звезда*, 1947, № 1, 174-181.

7. О журналах *Звезда* и *Ленинград*. Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г., в кн: *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, изд. 7-е, ч. 3, М. 1954, 485-488. См. также текст доклада А.А.Жданова 21 сентября 1946 г. (*Звезда*, 194-, № 7-8, 10-11).
8. См. отзыв И.А.Груздева о его ранних стихах (*Книга и революция*, 1922, № 7, 61).
9. В первые годы советской власти официальные критики (В.Б.Шкловский, И.А.Оксенов, Ц.С.Вольпе и др.) неоднократно указывали на близость творческой манеры Тихонова акмеистической традиции (*Русский современник*, 1924, кн. 3, 234; *Звезда*, 1925, № 5, 253, 267; 1933, № 1, 183). "Историческое" постановление о журналах *Звезда* и *Ленинград* надолго отбило у них охоту к подобного рода сопоставлениям.
10. АЙХЕНВАЛЬД Ю.И., *Поэты и поэтессы*, М. 1922, 38.
11. ГОРБАЧЕВ Г.Е., "Письма из Петербурга", в: *Горн*, 1922, кн. 2, 133.
12. "О поэзии войны", в: *На литературном посту*, 1927, № 10, 20 мая, 1-4; ОКСЕНОВ И.А., "Вокруг 'политического наследства'", в: *Литературная газета*, 1934, № 133, 4 октября, 3.
13. *Звезда*, 1927, № 8, 154.
14. Это влияние было отмечено критикой сразу же после появления в свет первых стихов Багрицкого (*Утро*, 1915, № 2708, 25 июня, 7).
15. САЯНОВ В.М., *Очерк по истории русской поэзии XX века*, Л. 1929, 87; ОКСЕНОВ И.А., "Советская поэзия и наследство акмеизма", в: *Литературный Ленинград*, 1934, № 24, 26 мая, 3; СТЕПАНОВ Н.Л., "Поэтическое наследие акмеизма", в: *там же*, № 48, 20 сентября, 3. Этот список можно пополнить именами Павла Антокольского, Александра Гитовича, Бориса Лихарева и Алексея Суркова.
16. Имеется в виду чисто литературный, а не политический "Самиздат", репродуцировавший тогда для собственного употребления не только и не столько новейшую внецензурную поэзию, но большей частью малодоступные читателю послесталинской поры поэтические сборники первой четверти XX в. (Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, Хлебникова и др.).
17. *Грани*, 1977, № 103, 96.
18. Из архива автора статьи. Сравни со стихотворением Аси Векслер "Эти книги с корешками..." (ВЕКСЛЕР А.И., *Поле зрения*, Л. 1980, 13-14).
19. ВЕЙДЛЕ В.В., "Петербургская поэтика", в: *СС*, т. 4, XXXV.

СТИХИ

... the ... of ...

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Мой угловатый стих, приправленный осокой,
взлетает ввысь с древесного ствола, -
так с плахи падает ненужная глава,
твердя о жребии высококом;

так повторяет глупая молва,
большому подвергаюсь риску,
квадратные славянские слова,
склоняясь ниц, подобно кипарису...

Но ты - ничто, поэт! Лукавствуй мудро,
листав апокрифический бедлам
иль пой прекрасной деве сутры, -

не проживешь!.. Еда твоя - обман,
так жуй ее! Затем, подобно туру,
ты вырождайся - с горем пополам.

декабрь 1968

СТИХИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ПУТЕШЕСТВИЮ НА ЮГ

На крышах вдоль Обводного канала
декабрьским снеговым наносом
ползет из глубины опала
продольный заговор московский.

Из-за щелей, заборов, ставен,
из-за сугробов безугольных
слова ненужные вставляли
над буклями речей крамольных,

над буквами слов безучастных,
над полуденным снегопадом
сновали вымершие касты
и падали с ногами рядом, -

кружились, пели и трещали,
в глаза пустые залетали
обрывки выпрених пищалей
и горных полумраков дали.

И, возвращаясь к слов началу,
в плену Обводного канала
тоска монгольская звучала
и монотонно затихала...

Но рядом с ней - коломенскими снами -
рвалась и билась с треском вьюга,
кружилась, расставаясь с нами,
и улетела птицей - к югу.

Декабрь 1968

*

Полуоткрытое окно
за ним...струится день
смуглей огня струится тень
забытая давно

от слов которых нет уже
и тех что я не знал
песчаный куст растет в душе
подобием узла.

Но дождь и пестрая трава
цветут в других словах
и за углом поёт трамвай
о стеклянных головах.

Июнь 1981

БОРИС КУПРИЯНОВ

ДЕРЕВЯННЫЙ СОБОР

Есть дерево и сад в плодах или бесплодьи,
Но с памятью вегетативных травм,
И трудно предложить его цветов отродье,
И больно говорить: мы не приснимся вам.

В отдельности, во время запустенья,
Ну, то есть, если ветер гоняет в сентябре...
Ни о каких цветах! Но сбудется растенье,
Раз падшее зерно умрет на глубине.

Я говорю о том, что несколько сердечек,
Для дерева в саду... не стоит продолжать.
Для каждого - кольцо! Вот из таких колечек
Вполне возможна цепь, чтоб церковь окружать.

Мой деревянный храм, дрожащий деревянно!
Златая наша цепь в тон эпосу листвы...
Звучащая когда? Когда хрустит стеклянно
Небесная звезда средь городской травы.

Я вынужден лежать, приглядываться к звуку.
Он вынужден привстать, но не лежать со мной.
Но кто в моей цепи протянет злую руку,
Или предскажет ад лежащему весной?

Никто не написал рифмованного сада,
А собирался в храм на деревянный путь.
Для тех, кого люблю, жива еще Эллада,
Христос не позабыт и ветер будет дуть.

А если есть село в середине Ленинграда -
Гармония трудов для вывода судьбы,
Не надо пачкать снег! без здания, без сада...
Я позабылся весь, слеза ползет с губы.

ЦАРСКИЙ САД

Мы засыпаны садом, и тлеем, и зримся.
В черной выдумке ночи, как птицы в болоте, ни шагу.
Да и не захотелось бы. Так, замерев, заостримся,
Отворотимся, включимся в белую нашу бумагу.

Все по сердцу! в саду - не по римкой дороге.
Злопыхателю место не сыщется - стыдно.
Отчего мы при свете так мало вздыхаем о Боге?
Почему нам не сладко, не больно, не видно?

О, засмертное царство, о, таинство, о, колыбельня!
Неминуемый холод, и тот неизвестен узревшим.
Почему от нее замечательный крестик нательный
Оказался таким позабытым, таким надоевшим?

Вот и стало, как не было в жизни ни разу:
Умирающий сад объяснился в любви.
Потянулись цветы, недоступные глазу.
То не руки ее улеглись к изголовью.

Лучше б руки. Но сорвана маска над бездной!
Мельпомена, Эвтерпа, Елена, Валерия, Анна -
Ваша память водой измывается пресной
Нашей гордой отчизны кухонного крана.

Знай истребован новый. Печать добывая Творцову
Для застеленных глаз у Камен полукаменных, крикнешь:
"Я рожден для другого, живу подобру-поздорову".
И без всякого смысла забьешься, заплачешь, поникнешь.

Нету центростремительной линии бегства из царского сада!
Понимаешь ли, вечный налогоплательщик кудрявый?
Я смотрю на дорогу, которую сделало стадо,
И на церковь, вернее, на купол ее, от снаряда дырявый.

Я не сделаю то, что советует стража.
То есть то, что советовать, собственно, будет.
Я лицо свое пеплом, золой серебряистой измажу.
О российской словесности внешне не судят.

Мертвецы захоронят своих мертвецов без стыда.
Уголовная жизнь полностью окажется медной.
Посмотри как стремится, как плачет морская вода!
Отплываем и мы этой светлой водою бесследной.

ЖАЛОБА АДАМА

Камни высохли все. Голубая проталина тянет.
Обернуться, взглянуть, но рассеянный сумрак сквозит.
Та мгновенная музыка вырвана с корнем и вянет.
Только купол вмещает, а сердце ее не вместит.

Этой музыки риск - полнокровная туча над храмом.
Купол сам превращен, агрофобию с силой уняв.
Ах, какая простуда! Зачем я родился Адамом?
Мог бы выйти фаготом, волшебною флейтой не став.

Долженствующий знать о возможности всех воспалений,
 Убоявшись стремнин музыкального злого дождя,
 Выхожу из Казанского сквера, не знавший молений,
 Абсолютную музыку до пустоты доведя.

ЛИТОВСКИЕ СТРОФЫ

Мне литовская Деметра
 Остробрамские глаза
 Показала в ночь без ветра...
 Зря слезится стрекоза.

Я дышу и понимаю,
 Что воистину дышу.
 А она придет немая
 И пройдет - не распрошу.

Все останется собою,
 Только зорче и бледней
 Будет небо голубое,
 Столь доверчивое к ней.

И сосновая делянка,
 Заслоняющая свод,
 Будет не заслон, а склянка,
 Сквозь которую поет

Тайна яблочного Спаса
 И мучительной пчелы,
 Пса, Стрельца и Волопаса,
 Солнца, меда и смолы.

Я отдал бы всю свободу
 И прогневанную даль
 За литовскую породу
 И литовский календарь.

Но не выбором единым,
 Не Деметрою одной,
 А терпением старинным
 И старинною виной.

Христофор! не стой над садом!
 Спи в сегодняшнем саду!
 В нем ее очей отрада
 Опойт твою беду.

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

Чем темнее, тем тише. Улыбка мерцает, как птица,
 Поцелован и позван к столу, и замечен.
 Слышишь шорох толпы? Скоро звон колесницы,
 Скоро наши объятья и свечи.

По глотку, по смиренью, по робости с болью,
 По мертвящему чувству обиды,
 По стечению всех обстоятельств с любовью,
 По лицу, повидавшему виды,

По всему, что зовется реальным и внятным,
 Что назваться умеет без страха,
 Я хочу промолчать и кивком непонятым
 Попрошаться. Молчи, Андромаха.

Гектор выслушал жесткость и нежность пустыни,
 Даже вглядывался в мерцанье.
 Он послушен, спокоен и страшен отныне,
 Потому что умрет, как названье.

А на самом-то деле мечта и молитва
 Розовела за дальней, за далью.
 Не с копьем! говорю, мол... не с копьем! говорит мол...
 А с песчинкой, попавшей в сандалю.

Происходит: лежим, не шелохнется днище,
 Дорогая метнулась, как лебедь...
 Мы заснем в наготе, в простоте! И почище,
 Чем звезда со звездой на небе.

ВЛАДИМИР ХАНАН

ГОРОДСКИЕ СТАНСЫ

Набегает река, облизнет запотевший гранит.
 Канет в воду звезда, и вода ее свет сохранит.
 Крикнет сирая чайка и резко над шпилем блеснет.
 Горько пахнет в ночи на камнях проступающий йод.

Этот камень - асфальт, как холодный и вымерший наст.
 Он ни йода на рану, ни прохлады своей не отдаст.
 Обо всем позабыл, равнодушно скрипит под ногой.
 Воздух густо напоен сырым стеарином, цынгой.

В этом городе ночь, как в заброшенном кладбище день.
 Здесь у каждых ворот стережет остроглазая тень.
 Здесь нам жить и стареть, отмечая потерями дни.
 И у кариатид каждый день прибывает родни.

Как распахнуть рты! - словно каменным хочется петь.
 Намечалась заря, да заря опоздала успеть.
 Золоченный корабль отрешенно пасет пустоту.
 Стынет камень. Темнеет. На каждом кресте по Христу.

НА ТЕМУ ГОРОДА - ВАРИАНТ

Медленный город. Громадно зияет прокол
 На оболочке. Со свистом идет испаренье
 Вязкого камня, блокадного гулкового сна,
 Нищенских пресных ночей... И подручный рассвета
 Не застаёт никого...

Этим часом Судьбы я, неудачник, застигнут.

Где вы, друзья ожиданья о новом потом?
 Календари заплывают, кривя очертанья
 Масок и лиц - все готовы к началу скитанья,
 Вещий дворец и сегодня построенный дом.

Эта земля, породнившая камень и плоть,
 Нас отдает, но сама отдается со скрипом.
 Будет тебе в лицедействе твоём многоликом! –
 Будет и нам, не сумевшим тебя обороть...

Так вытекает, в чахоточный сжавшись плевок,
 Воля пространства, оружие скрестившего с небом.
 О посмотри! – никогда так пророчески не был
 Страшен закат, перекошен любой уголок!

Где вы, друзья ожиданья по клетям своим?
 Воплем о множестве стих заклеимлен, как ублюдок.
 Сколько веков осталось, эпох или суток,
 Чтоб расплатиться по счету и кануть за ним?

...Жив, но измучен проклятьем твоим родовым...
 ...Смел, но раздвоен твоим скороспелым распадом...
 "Всем до свиданья" – кричу – "мы сиротствуем рядом..."
 То есть – "Прощай!" – и в глухое бесславие, в дым...

Ну а пока – хоть чуть-чуть, хоть на жалкую треть
 Истовой веры и ужаса, ждущих ночами, –
 Дай долюбить, доболеть, и навечно плечами
 К праху прильнуть, и упасть, и собой подпереть...

– Бремя-то, Господи! Мертвые глади равнин
 Как изнуряют! зовущим подобьем запоя...
 Медленный город. Камены лицо восковое.
 – Слышишь ли, Господи! – я в этом мире один.

•

Из пространства и века сложи бутерброд
 И в гортань протолкни языком.
 Ты сегодня свободен от дел и забот
 И с собою самим незнаком.

Ты сегодня уходишь во тьму наугад,
 За собою окно затворив.
 И не выйдет проститься единственный брат,
 И горнист не сыграет зори.

Паровозное горло слепого звонка
 Обозначит твой путь на восход.
 Над тобой полетит с головою в руках
 Неживой, как и ты, пешеход.

Под тобою пройдут, проползут, пролетят
 Сто чужих и знакомых Россий.
 И на каждой ты заново будешь распят,
 На пощады у них не проси.

Путевые огни точно конная весть,
 Но во тьме не узнать седоков.
 Только выкатит имя привычная жесьть,
 И судьбе не сносить башмаков.

... ..

Как сгущается черный закат на окне –
 Для прыжка изогнувшийся зверь!

Ну, а то, что я умер сегодня во сне,
Это все несерьезно, поверь.

*

Будто колодец... Россия... пустое ведро...
Не обнесли на пиру горевой и помпезной.
Я потонул, точно муха, в сомнительных "pro",
Но не унижусь до этой, когда-то любезной...

Как мне отмыкалось? Что отмычалось? Fini
Степ-чернозем, заповедное небо в алмазах.
Бедное чудо - сибирские, волчьи огни...
Странное чудо - любить, на бумаге размазав.

Рифма и ритм означают мистический крен.
Глохнут сомненья, покорствуя русскому слогу.
Эта земляца богаче своих Ипокрен.
Грош разменять выхожу на большую дорогу.

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Сад раскинулся вверх. Сторожившие тьму дерева.
Отрешенно молчали. Молчала густая трава.
Словно в омуте сна цепенели слепые кусты.
И звезда не светила, и звук не пугал темноты.

Электрическим полем, готовым к смятению сил,
Колыхалось пространство, и кто-то уже подносил
Замыкающий перст. - И с какого-то мощного дна
Отозвалась волна, и наверх подымалась волна.

Он всходил легким шагом, почти не смиряя тропы.
И поникие травы боялись коснуться стопы.
Шаг творился помимо движенья. И время на час
Отодвинуло счет. И на миг показалось: погас

Тот, единственный свет... И объятая тьмою душа
Содрогнулась от ужаса. Путаясь в платки, спеша,
Он упал на колени. И руки воздел, и уста
Обозначили Слово. И речь обрела немота.

Все, что знал от начал, все, что знал до конца и потом,
Он, молясь, называл. И предсмертно кривящимся ртом
Заклинал эту чашу... А ВПРОЧЕМ НЕ Я, НО КАК ТЫ
И кричал еле слышно, почти что уже с высоты

Не холма, но креста, окруженного жадной толпой.
И умолк... И тот час в душный сад, обнимаемый тьмой,
Опустилось сиянье. Пора... Он поднялся с колен
И, помедлив, пошел. И кусты, охранявшие плен

Темноты, расступились пред Ним, как живые. Трава
Поддавалась. И время в свои возвращалось права.
Каждый шаг стал движеньем. Но это движенье вело
Не назад и не вниз, как казалось, а вверх. И чело

Покрывающая бледность не краской была из живых,
Но предвестьем иного. Апостолы спали. Для них

Время двигалось прежним привычным порядком, а сны
 Им не снились в ту ночь. Шум, раздавшийся со стороны,
 Их не слишком встревожил: в толпе – и чуть-чуть впереди
 Шел один из двенадцати, брат, постоянно среди
 Них живущий – Иуда. И голос, сказавший: "равви",
 Был знаком, как молитва, пустившая корни в крови.

Вспомним заросли мрака и меч, поразивший раба...
 Гефсимания-Мать! – нареченная наша судьба,
 Ты вершишься поднесь, причащая Началу Начал...
 А покудова – ночь... И петух еще не прокричал.

Сентябрь 1977

ЮРИЙ КОЛКЕР

Ты живешь в Петербурге, где воды слышны,
 Где воздушные своды ясны.

В них прозрачные сумерки вносит весна,
 Точно снадобья просит от сна.

И сюда не проникли ни тленье, ни вздох
 И ни кровосмешенье эпох.

Ты живешь на Фонтанке, над черной водой,
 Под высокой покорной звездной.

Здесь закат неразлучен с рассветом – июнь
 Сопричастен поэтам и юн.

Там, где черная катится с плеском вода,
 Где и прочих чудес – хоть куда,

Отошедшей эпохи невзятым постом –
 Летний сад за горбатым мостом.

Мы подслушаем звуки мазурки вдвоем
 В эту ночь в Петербурге твоём.

2.05.71

*

Проносится люгер голландский
 На фоне дворца и реки,
 Пернатою тенью гигантской
 Срываюсь с воздетой руки, –

И сумрак полдневный распорот
 Иглой в повороте крутом,
 И этот немислимый город
 Лежит у него за бортом.

9.02.72

ПОСЛЕДНИЙ НАРОДОВОДЕЦ

Памяти поэта Леонида Каннегисера

Мальчишка, поэт и скиталец,
От счастья волнуясь слегка,
Кладет указательный палец
На тонкое тело курка.

За веру - счастливое свойство -
И ясный мальчишеский лоб
Ему выпадает геройство
И смерти веселый озноб.

Фрацузских наслушавшись басен,
Неапольским солнцем облит,
Не знал он, что подвиг напрасен
И будет так скоро забыт.

Бальтийское море дымилось,
Сияло, текло на закат...
Но что-то во мне надломилось -
И я говорю невпопад.

25.05.72

*

Здесь прогуливается история...
Потрясениями сыта
Эта невская акватория,
Эта глянцева вода.

Как Флоренция, отшумевшая
И утихшая на века,
Так столица осиротевшая
В реку смотрится свясока.

Чья холодная неприкаянность
Или северный ясный пыл
Допустили эту нечаянность -
Чтобы я в этом мире был?

Чтоб поэзия, точно заново,
Под таинственный плеск струи,
В недрах времени долгожданного
В строки вглядывалась мои?

20.09.72

*

Нельзя сказать, от поминутной злобы
Или от нескончаемой тоски, -
Мерещатся ему крюки и скобы,
Крюки и скобы, скобы и крюки.

Он со стола сметает на пол крошки
И смотрит в угол, где снуют в пыли
Различные задвижки и заложки,
Щеколды, шпингалеты, костыли.

Прохожие, как рыбы в водоеме,
Ему навстречу разевают рты, -
Он ничего не замечает, кроме
Крюка в стене, крюка и пустоты.

Он вглядывается, как во сны цветные,
В спешащий человеческий поток, -
И радуют его крюки стальные,
Надежно ввернутые в потолок.

30.01.75

*

Плачь, мой город, я был тебе сыном!
Да, не лучшим, но все-таки был.
По дворам твоим и магазинам
Вдоль каналов и речек бродил.

Жил надеждой, просвета не видя,
Ждал успеха, обиды терпя;
Я вживался в тебя, ненавидя,
Проклиная, но втайне - любя.

Ты, неслыханным прошлым украшен,
С бутафорскою честью в уме, -
До чего же спесив ты и страшен,
Полупьяный, в словесном дерьме.

Ты, эклектик, культурой ошпарен,
И стихом захлебнулся, хрипя.
Да, ты немец, но втайне - татарин.
Отважись, ненавижу тебя.

Двести лет надыхаться не можем,
Дышим смрадом болот и тюрьмы.
Над гранитным, твердеющим ложем -
Желтый пар петербургской зимы.

29.08.77

*

Семидесятые, проклятые!
Здесь ласточка не вьет гнезда:
Погибли существа крылатые
От ужаса и от стыда.

Самодовольные, смердящие -
Пустоты, затхлость и застой.
Что делать музе в этом ящике?
Как выжить честности простой?

Как солнечной скупой ласкою
Согреться веточке живой
В соседстве с желтой, типографскою,
Коричневекщей листвой?

Все ж мученица из Елабуги
Хоть в том счастливей нас была,
Что этих дней цвета и запахи
Прозрев, до них не дождала.

13.04.78

Т.Г.Гнедич

Все взять и все вернуть сторицей!
Я - как на привязи, в долгу,-
И вот на счастье берегу
Закат над северной столицей.

Ее чахоточный рассвет,
Ее рассеянные ночи,-
Язык пробелов, многоточий
Твержу Бог знает сколько лет.

Слежу за белой быстрой птицей
У вод, склонясь на парапет,-
За чайкой, за тревогой... нет!-
За счастьем, за его частицей.

11.05.71

ЕЛЕНА ПУДОВКИНА

АННЕ АХМАТОВОЙ И НИКОЛАЮ ГУМИЛЕВУ

(К ФОТОГРАФИИ)

Над спинами нависла тень,
И в зеркалах задули свечи,
Но если двое видят вечность,
Их не убьет грядущий день.
Кто в темноте не прятал глаз,
Тот не ослепнет от рассвета.
Не запах роз доносит ветер,
Не тишину готовит мгла.
Но затаит усмешку рот
В ответ на будущие беды.
Ему все веровать в победу,
Ей все смотреть за поворот.
Молчит испуганный народ.
А для двоих - такая участь:
Ему - на снег упасть беззвучно,*
Ей - все смотреть за поворот...

* Я написала это стихотворение в шестнадцатилетнем возрасте, когда еще не знала точной даты расстрела Гумилева.

*

У бледнолицых жителей столицы
Привычка есть - не жить, а только снится
Коням, грифонам, сфинксам, львам, химерам
И людям, что ни в чем не знают меры.
Привычка есть: не приходить - являться,
И не письмо писать, а ставить знаки,
И не соседа злобного бояться,
А мрака.

Столице не бывать уже столицей.

Она в чулане времени пылится,
 Как старые часы с внезапным боем,
 Который будит тех, чье роковое
 Дыханье над Невой клубится.

1976

*

Мне так знакомы трубы за окном,
 Вернее, так друг другу мы знакомы,
 Что одинаково поем.
 И песни в горле комом
 И копотью осели. Не смотри
 Никто на нас: черны мы изнутри.

Вот вотчина моя: антенн сухие копыя...
 Но приглядишься - это ль не раздолье?
 Вот, кошка-зверь нырнул в чердак-нору.
 Мне трубы - как собратья по перу.

Слова то стелются, то в вышине маячат.
 По склонам крыш к земле стекает грязь.
 И то ли небеса идут по ней, слезясь,
 То ль это мы идем по ним и плачем.

1979

*

Полине Беспрозванной

Что вслед скажу, когда увижу: снег
 кружит, кружится, заметает город,
 следы прогулок, тени разговоров,
 знакомых, встречных, выдуманных, - всех.

Не дружба длилась, но игра теней
 на стенах городских, на контурах соборов.
 Прирученный на кухне дремлет ворон,
 пророчества забыв и не внимая мне.

И я забыла, как мне говорить
 с тобой, и о чем. Быть может, повторить
 одну из тех бесед над невскою водицей,
 где ни о чем почти не говорится,
 но много значит. Я так начну: "Смотри,
 как славно с духами играют фонари..."

1975

ДВОР-МАСТЕРСКАЯ

Немелодичен двор. То жесть о жесть
 скрежещет. То ребенок косоглазый
 Два поля зренья должен видеть сразу -
 и как зверек, дрожит, и дыбом шерсть.

Привыкли здесь ковать за звуком звук.
 Истерика ребенка-подмастерья,
 крушение чьей-то утвари за дверью -
 рабочий шум и дело наших рук.

Но органа вещей глас
 переменит, перемелет
 полуправды, полуверы...
 видно, не в последний раз.

*

Как горд я в городе своем,
 когда проспекты предрассветны,
 качает шпиль балтийский ветер...
 я горек в городе своем.
 Когда б в пролетке на Пески
 спешить, оставя все заботы,
 но город не дает залога
 от преждевременной тоски.
 Мостов угрюмые горбы,
 Неву дробящие на части,
 несут над временем шуршащим
 дворцов забытые гербы.
 Как будто обрывая жизнь,
 вскрик парходика короткий,
 и в зачарованной пролетке
 бессвязно бредит пассажир.
 Когда ж очнешься поутру,
 Припоминая то, что было,
 увидишь крепость, вспышку шпиля,
 и ангел дрогнет на ветру.

БОРИС ЛИХТЕНФЕЛЬД

ПАМЯТИ АХМАТОВОЙ

Сквозь ливни лет, как нагнеталась
 Расплата, не моргнув за что,
 Как постепенно расплеталась
 Былого тайна, как взошло
 Стыда провидческое семя
 Над всей сумятицей, над всеми
 Скорбями - силилась постичь,
 Судьбы не проклиная бич,
 И постигая, очищенья
 Алкала, и за всех, за всех
 Просила небо, и прощенья
 Ловила знаки... Чей-то грех,
 В волнах потопленный летейских,
 Масштабов достигал библейских
 И на средце давил... Но вдруг
 Чудесной силой, как недуг,
 Что исцеляется по вере,
 Был снят. ОТКРЫЛОСЬ: как Содом,
 То время огонь пожрал. Потери
 Перебирая, пред судом
 Свершившимся роптать не смеет
 И слышит зов, и цепенеет

Бесстрашно устремив назад -
Сквозь ливни лет прощальный взгляд.

1978

*

Пресеклось отечество на Блоке.
Петербург, Россия так далеки,
Как Земля до превращения в шар...
Лета ли, кристаллизуя в мифы,
Поглотила стогны те и нивы,
Или вулканический пожар?

Все, пред чем скорбя благоговеем,
Что расцветом нынче, апогеем
Нации, культуры признаем -
Призрачно, и было ли на деле -
Не заверит мрамор капителей,
Ни гранитный невский окоем.

Затонула наша Атлантида...
Закатилась русская планида...
Слух от причитаний утомлен.
Феб наш новый - бойкий узурпатор.
Что твои старанья, реставратор?
Растворился дух былых времен.

Этих толп не утолишь ты жажды...
Лопнула, оборвалась однажды
Та струна, та солнечная нить...
Где мы снег обрящем прошлогодний?
Есть ли наших что-либо бесплодней
Притязаний - воссоединить?

Ноябрь 1980

31 ДЕКАБРЯ 1974 ГОДА

Бурлит канун... Буксуя осеклось
Шальное колесо. По лестнице пещерной
Мысль растеклась, продрогшая насквозь.
Подбиты бабки... Отскрипел ущербный
День. Лобная оттаивает кость.

Итоги отчеркнув, так вольно дышит -
Аж лист газетный радостно трепещет -
Хозяин жизни, столбовой кузнец.
Кузнечик счастья пыль с плафона лижет,
Стрекочет все, дешевой шуткой тешит
Процессию доверчивых сердец.

Но я-то что итоговому зуду
Поддался, поначалу осмеяв?
Перебираю скрупулезно груды
Протекших дней и выдать рад за явь
Желаемое. Говорю себе я:
Теченье сковано, но вовсе не слабее
Свободного, и если у моста
Безумца-лейтенанта по ступеням

Сойти к Неве и запасть терпением -
 Уловит ухо белый скрежет льда
 (Точь-в-точь как в круге адовом на фреске
 Зубовный скрежет Страшного Суда).

Сбегают память... Что ни день - ступень,
 Десядка восхожденья... Ветер резкий...
 Таков сей путь - с отдышкой... Так Флоренский
 Его представил: облаков купель
 Смывает желчь и ропот усмиряет.
 Хоть скрыта цель и не видать ни зги,
 Все глуше дробь, сверлящая виски -
 Свирели сердце больше доверяет.

Пусть каждый штрих - небесный барельеф
 И голубиный след на тротуаре,
 Подарочный ярлик на промтоваре,
 Случайный окрик, сущий бред и блеф -
 Составит хор пророческих наитий!
 Слежу узор, что на стекле мороз
 Навел. Все жду ответа на вопрос:
 КУДА НЕСЕТ НАС РОК СОБЫТИЙ?

Так шествуй, сердце!.. Только не забудь
 Хотя бы вздохом тихим помянуть
 Всех тех, кто сброшен колесом бесовским.
 Иной удел - за поручень схватясь,
 Крепить свою с землей и небом связь
 И боль уняв, сверяться по кремлевским!..

Январь-февраль 1975

ПЕТЕРБУРГСКИЕ КУМИРЫ

I. ПАМЯТНИК НА ПУШКИНСКОЙ

Не выхвачен из мглы прожекторами,
 Как тот, на светской площади, двойник -
 О, как он мрачен вечерами!
 Еще какой-то миг -
 И, кажется, услышим шаг хрустящий
 И вздрогнем, а в ушах
 Другой, тяжелый, отзовется шаг -
 Пришедшего на зов души пропащей.

Тебе ли место здесь, где каждый двор живет
 По Достоевскому, о выпускник лицейский,
 Где дом на капремонте, где снует
 Меж сквером и участком полицейский?
 А впрочем, что-то в сем квартале есть
 Тебе сродни, пожалуй,
 Хотя до звуков, кои ты обрести
 Сподобился, заботы нет нималой
 Двум старичкам, вечерний моцион
 Свершающим, соснувшему шоферу
 Такси и женщине с болезненным лицом,
 Отдернувшей - видать, не спится - штору
 На третьем этаже. Устойчивой тоской
 Насыщен воздух здешний.

- Ну что, скажи, нашел ты там покой,
К которому душой безутешной
Стремился тут?.. Молчишь?.. Молчи, Поэт!

Но я-то знаю, чую:
Как час придет за все держать ответ -
Вотще на помощь славу звать мирскую,
Посмертную - вотще. Мзда воздана:
Толпа твое склоняет имя.

.....
.....

Но оглянись вокруг... Жестокий век
На всех, на всем лежит печатью,
Как на челе твоём, на испещренном ятью
Высоком пьедестале - снег.

Февраль 1978

2. ПРЕДЕДУ - ПРАВНУК

ПРАДЕДУ - ПРАВНУК. Безумие в бронзе.
Лошадь и та как-то странно глядит.
Мнится. из замка вот-вот прилетит
Жертвенный вскрик, исторической прозе
Давший простор: Император убит.
Но опочившего с миром и в Бозе
Всадника этого, цоком копыт

Русь оглушившего, стоны потомков
Не беспокоят. Потом - хоть потоп.
Не содрогнется и собственный гроб
Мутным потоком меж глыб и обломков
Узря несомый; голубка на лоб
Сядет - улыбку блаженную скомкав,
Не остановит державный галоп.

Столь же внушительна, сколь и нелепа,
Столь же изысканна, сколь и груба
Эта фигура, и наша судьба
С выцветшей кровью на мраморе неба
К ней протянулась, когда в погреба
Им возведенного града-вертепа
Хлынула хлябь и слетела с герба.

Хищная птица. Так Промысел Божий
Явлен был веско. Так вышний закон
Действует, коль проследить, импокои.
Но и под этой не сломится ношей
Дух твой, Россия! И снова рожден
Кроткий твой Бог, и укрыт под рогожей
В затхлом вертепе на стыке времен.

Август 1978

3. ПЕРЕД ИСТУКАНОМ ФЕЛИЦЫ

Величье в бронзе не тускнеет.
 Искусством держится обман.
 И в поколениях коснеет
 Фелицы медный истукан
 Как раз означенного свойства.
 Свеча всеобщего довольства.
 Подсвечник: нравы старины.
 Их воплощенье: из придворных
 Сплоченный сонм голов отборных,
 И все послушны, все верны.

- Вот, каковы мои начала, -
 Речет, даруя свой завет,
 Или уж все, что обещала,
 Явила - никаких примет
 Того иль этого момента,
 Обход свершая монумента,
 Не обнаружим оттого,
 Что стиль заведомо условен.
 Одно мы без труда уловим:
 Нечисто это торжество.

Не скрыто ль противостояли
 Ее порядки и Христов
 Закон? Премудрость! не Твоя ли
 Соперница, сей философ
 На троне, проводник французской
 Заразы, что над нивой русской
 Днесь разлита среди прочих зол?
 Но умудрясь до пресыщенья,
 Власть зрит опасность просвещенья,
 И колобродство, и раскол.

Льзя ль испытанию на прочность
 Престол расейский подвергать?
 Его незыблемость, бессрочность
 Даруют царству благодать.
 (Конфликт с маркизом Пугачевым
 Не в счет, точнее сказать, дешевым
 Все дело счетом обошлось).
 Не встретишь на дорогах нищих...
 Где их найти посмел Радищев?
 Смутьян все видит вкривь и вкось.

Монархиня? Нет, фаворитка
 Твоя, капризная судьба!
 Твоя, бетонный век, наймитка!
 Твоя, картонный век, раба!
 Орлы блюдут ее угожья...
 Она же скипетр, как поводья,
 Сжимает, стан чуть наклонив;
 Подобна древнему вознице,
 На триумфальной колеснице
 Она въезжает в город Миф.

Февраль 1979

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ

Олегу Охапкину

Петербургских крыш полифония.
Контрапунктом – купол синагоги...
Уж не ты-ли это, Ниневия –
Пепельный мираж в чухонском смоге?

Запер я, к окну прильнув, и внемлю
Памяти твоей о Божьем гневе...
Кит – один из тех, что держат землю –
Приютил меня в урчащем чреве.

Шевелятся, чувствую-спросонья,
Вскормленные немотой глаголы.
Во грехе, во мраке беззаконья
Зреют для пророческой крамолы.

Сам дрожу пред их растущей силой,
Трушу их утробного азарта.
Лучше бы им, думаю, могилой
Стала эта нищая мансарда.

О, виденье с музыкой, потухни! –
Заклинаю, – поглотись клоакой
Комуналки с галдежом на кухне
И всегда голодною собакой!

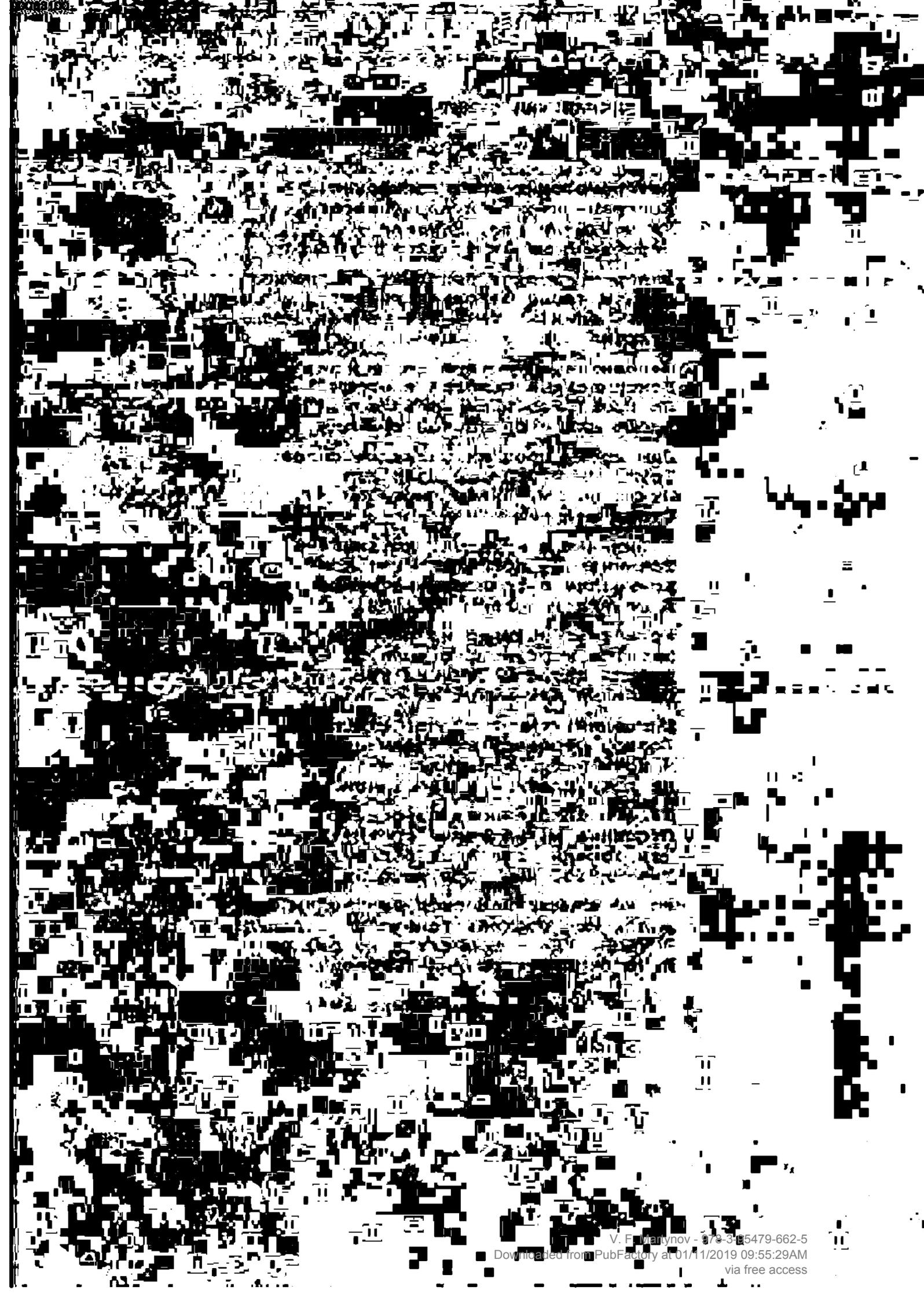
Но вотще: налипло на ресницы,
Ширится моей помимо воли...
Твердь катастрофически кренится...
Ошалелый кит мычит от боли...

Господин! Уями глаголы, стисни
Горло. Отродясь косноязычен,
Я хочу неброской тихой жизни.
Не хочу плевков и зуботычин.

Твоего сплочённого народа.
Отодвинь назначенные сроки!
Эта темень, эта несвобода
Мне милее, чем удел высокий.

Но не слышит небосвод беззвездный
Вздых мой робкий: только не сегодня!
ВСТАНЬ, ИДИ – доносится из бездны.
И не скряться от лица Господня.

Январь 1982

Е. ДРЖАКОВА

ПОЭЗИЯ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В конце 1981 года в Москве в издательстве "Советский писатель" вышел, как обычно, очередной 25-ый выпуск альманаха "День поэзии". Все в нем выглядит вполне респектабельно; около 200 имен трех поколений советских поэтов: революционного старшего, среднего военного и послевоенного "молодого". Правда, старшим уже немного досталось места: П. Васильев, В. Луговской, Л. Мартынов - посмертно. Другие уже ушли не только из жизни, но и из поэзии: Н. Тихонов, И. Сельвинский, Н. Фсеев, М. Светлов - все они ушли, допевая свои революционно-романтические "гренады". Зато военное поколение все еще активно действует на поэтическом фронте: Е. Исаев, А. Софронов, Н. Грибачев - о них не скажешь "пишут стихи", но именно "действуют", и на их совести лежит - и будет вечно лежать - страшный грех преступного обмана целого поколения потому что в своей "поэтической" пропаганде они выдавали народу заведомо лживую и одурманивающую информацию. Конечно, есть среди военных поэтов и другие, более или менее профессиональные, иногда даже талантливые, сказавшие в свое время что-то искреннее и доброе, но читатель уже забыл и не замечает их.

Так называемое "молодое" поколение, то есть те, кто пришел в поэзию в годы хрущевского либерализма, заняло в альманахе 1981 года свое законное место. Но нельзя не заметить, что все они - и "авангардисты", и "спокойные" - стоят на своих прежних поэтических позициях 60-х годов. Все также о "непослушании вещей" пишет Б. Ахмадулина, подводит заключительные итоги своему поэтическому "веку" А. Вознесенский, а Е. Евтушенко лирически грустит по развеянному на ветру праху К. Симонова. Все также о странностях жизни пишет Н. Матвеева, какие-то сложные сложности времени пытается открывать Б. Слуцкий, и сводит счеты со старой любовью Р. Казакова...

Правда, в последнем выпуске "Дня поэзии" вдруг появились всем давно известные и популярнейшие "барды": В. Высоцкий и А. Ким. И неожиданным приятным подарком для читателей были публикации из ар-

живов О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Кузмина, Н. Клюева. Непонятно только, о какой истории поэзии в данном случае может идти речь: о советской или о русской?

Вслед за выпуском 1981 года вышел юбилейный альманах "День поэзии. 1956 - 1981. Избранное", который более или менее объективно отражает процесс движения советской поэзии за двадцать пять лет: от старших и ушедших (Асеев, Ахматова...) до молодых, входящих (О. Чухонцев, Ю. Кузнецов, Л. Завальнюк...). Действительно, двадцать пять лет послесталинской поэзии - немалый срок. Были в эти годы свои вершины (1960-1963) и свои "пустыни" (1964-1967, 1970-1972), были кумиры и антикумиры, была выигранная война "отречения" от соцреализма и проигранная кампания ограничения поэзии пределами завоеванных авангардных тенденций... Мелькнули на страницах альманаха интересные имена: Н. Рубцов, Е. Рейн, Ю. Кублановский... и ушли каждый своей дорогой... Где же наше четвертое поколение? Можно ли говорить о поэзии 70-х? Можно! Но только для этого придется отложить "День поэзии".

Наше четвертое поколение объявилось в 1964 году, когда ленинградским судом был приговорен к пятилетней ссылке 24-летний Иосиф Бродский, чей поэтический талант был признан А. Ахматовой. Однако, "советская общественность", среди которой было много членов ССП, квалифицировала его как "тунеядца". Через год, как известно, Бродский был освобожден и даже печатался как переводчик, а стихи его в это время пользовались огромной популярностью в Самиздате. В 1965 году выходит собрание стихов Бродского в Тамиздате, а в 1972 году и сам поэт эмигрирует из СССР. За более чем двадцатилетний творческий период Бродский прошел очень сложный поэтический путь: от аллегорического бунта против наступающей на поэта со всех сторон враждебной действительности ("Пилигримы", "Гладиаторы") до элегически замедленного, замирающего монолога о вечности в Вечном Городе ("Римские элегии").

В стихах Бродского 60-х годов не было ничего политического: ни "клеветы" на советскую действительность, ни лагерных тем, ни размышлений по поводу "культа личности", ни шокирующих, "как кресало", "треугольных груш". Почему же так испугалась "советская общественность" поэзии Бродского? Потому что в ней было совершенно новое отношение к миру. Ему просто не было дела до той советской действительности, которую в годы "культа" воспевали, стараясь пе-

рекричать друг друга, советские поэты старшего и среднего поколений, а в период "оттепели", балансируя и лавируя, отрекались от этого воспевания молодые герои "авангарда": Евтушенко, Вознесенский и др. Бродского эти проблемы не интересовали. Ему не от чего было отречься. Он начал свой духовный поиск с нуля. Единственной опорой могла стать ошельмованная, отвергнутая поэзия всяческих "измов": От Ахматовой и Цветаевой до Мандельштама и Пастернака. Но в этой поэзии были сложные, подчас противоречащие друг другу тенденции (ведь только с "высот" социалистического реализма можно было свалить всех в одну "декадентску" кучу!). Путь через этих поэтов к самому себе, можно представить, как долог и труден...

Разумеется, Бродский был не один. Поэты не приходят поодиночке. Примерно в это же самое время группа молодых поэтов и переводчиков собиралась в Царском Селе у Т.Г. Гнедич, а после ее смерти легендарный пушкинский городок остался духовным пристанищем многих ленинградских поэтов, чье творчество не требовалось Союзу советских писателей и почти не попадало на страницы советских изданий. Эту группу поэтов иногда называют "царство-сельской школой". К ней принадлежали В. Бетаки, З. Афанасьева, Е. Игнатова, И. Комарова, позже - О. Охупкин, В. Кривулин, Б. Куприянов, Ю. Алексеев и др. Другая группа ленинградских поэтов того же поколения условно называлась "ахматовские мальчики" или "ахматовские сироты": Д. Бобышев, А. Найман и др. (Найман был одно время личным секретарем А. Ахматовой). В Москве складывались свои группы поэтов, не признаваемых ССП и, следовательно, непечатаемых: от "Синтаксиса" 1959 года (Самиздат) до "Метрополя" 1980 года (Тамиздат). Е. Рейн, Г. Сапгир, В. Уфлянд начинали в "Синтаксисе" и через него попали в Тамиздат; Ю. Карабичевский, Ю. Кублановский фактически начали с Тамиздата. Поэты идут и идут. Находят своих "мэтров", расходятся в разные стороны: кто к Ахматовой, кто к Бурлюку, кто к акмеистам, кто к ОБЭРИУтам, кто к Евангелию, кто к непристойным "барачным" откровениям.

И вот перед нами новое интересное поэтическое событие: ежегодник "Гумилевские чтения", (Первый, как бы пробный, его выпуск был опубликован впервые в составе "Wiener Slawistischer Almanach", Band 9, 1982, ст. 377-429).

История "Гумилевских чтений" рассказана в статье И.Ф.Мартынова (см. настоящий выпуск). Большая часть этого выпуска посвящена публикации текстов и материалов, связанных с жизнью и творчеством

Н.С. Гумилева, едва ли не первого казненного советской властью русского поэта. Однако участники "Гумилевских чтений" – это не только маленький кружок историков и архивистов, собирающих материалы о поэте, который так никогда и не был реабилитирован, ни в какие "оттепели", и подвергается забвению, в то время как многие его товарищи по перу, ошельмованные и обруганные, как "враги народа", постепенно возвращаются в историю русской литературы (М. Цветаева, А. Ахматова, О. Мандельштам, Н. Клюев, М. Кузмин и др.). На "Гумилевские чтения" стали вместе с историками собираться и поэты, которые в той или иной степени ощущают себя наследниками гумилевской поэтической школы. А, может быть, даже и не гумилевские традиции объединили поэтов, участвующих в "Гумилевских чтениях", может быть, это были просто те поэты, которые не вписались в советскую поэзию, не понадобились ССП. Это и есть наше четвертое поколение, которому не оставили места на поэтическом Парнасе ни догматики сурковы, ни либеральные авангардисты. Это четвертое поколение было представлено в первом выпуске стихами Т. Буковской, О. Охупкина (70-е годы), С. Стратановского (80-е годы) и В. Эрля (конец 60-х). Во втором выпуске мы снова встречаемся с О. Охупкиным, затем следуют два уже появившихся в Тамиздате поэта, Б.Куприянов и Ю. Колкер, и затем три совершенно еще неизвестных новых имени: Б. Лихтенфельд, Е. Пудовкина, А. Гайворонский.

Все эти поэты, может быть, за исключением В. Эрля, родились уже в 40-е годы, и их поэтическая молодость пришлась на закат хрущевского поэтического авангарда, когда поэзия уже уступила свою первую роль прозе и публицистике. Молодежь не бежала на стадионы слушать поэтические откровения и поэтическую проповедь ее ровесников-"нигилистов", отрицавших дряхлую сталинскую поэзию, музыку, одежду, мораль... Одна, бóльшая, часть этой молодежи, просто повзрослев, охладела к стихам; другая – получив джинсы и поп-пластинки. И лишь немногие к концу 60-х годов всерьез интересовались поэзией. Поэтому поэты уходили с площадей и из многолюдных клубов в свои маленькие кружки и домашние собрания, все более становясь слушателями друг друга.

Четвертое поколение, представленное в "Гумилевских чтениях", конечно, очень разное и по силе таланта и по характеру поэтических образов. Но всех их объединяет явная и подчеркиваемая остраненность от какой бы то ни было политики и идеологии. У них нет ни

отрицания, ни осуждения советской официальной культуры – они живут совсем в другом мире. И отношение к поэзии тоже совсем иное: они не стремятся к метафорической пророведи тех или иных мыслей и понятия или даже к исповеди своего "горячего сердца" – поэзия стала для них совеобразной формой духовных исканий. Читая их стихи, мы, конечно, чувствуем присутствие реального советского мира, но он как бы превращается в мрачные тени, между которыми бродит вопрошающая мысль поэта, жаждущая света, истины, добра, Бога...

Самый известный и самый интересный поэт из представленных в выпуске, несомненно, Олег Охапкин, соредатор и автор статьи о Гумилеве. В первом выпуске было помещено шесть его стихотворений.

Что мы можем сказать об этом поэте, никогда не печатавшемся в СССР и известном на Западе с 1977 года? Он родился в блокадном Ленинграде в 1942, стал поэтом поздно, в 25 лет, пройдя до этого сложный жизненный путь от отроческого стремления к монашеской келье до солиста в одном из лучших музыкальных ансамблей в Ленинграде. Д. Дар написал в "Гранях" № 110 весьма фантастическую биографию О. Охапкина, вероятно, многое в ней – плод художественного воображения.

15 лет уже продолжается творческий путь О. Охапкина, им написаны тысячи стихов, среди которых есть большие удачи. Такова, например, его удивительная "Магдалина (1972 год)", опубликована в журнале "Эхо" № 4, 1979:

Все осмотрев, ученики в смущенье
Ушли к себе. Мария же одна
Осталась там и, подойдя поближе,
Тихонько плача, встала близ рядна,
Велевшего в отверстии гробницы,
И, наколнившись, видит сквозь ресницы
Двух Ангелов, сидящих там внутри:
Один у изголовья, а в изножье
Другой, и оба в белом... Чудо Божье.
И слышит Магдалина: говорят,
И тихо-тихо так у пей спросили:
"Что плачешь, жено?" – И она в ответ:
Вот я пришла, а Господа здесь нет,
И не узнать, где тело положили."

Здесь дышит живое Евангелие, прочувствованное человеком нашего, духовно скудного времени и понявшим простую и мудрую его поэтику. Чтобы так видеть Святую Книгу, надо, во-первых, просто верить в Бога, верить, не мудрствуя лукаво, без философии и деизма. А, во-вторых, надо быть действительно ПОЭТОМ, чувствовать чудо

Слова, чудо речевого движения, которое идет к нам от строки к строке, перекатываясь необычными enjambements и едва заметно, без нажима, рифмуясь, поддерживая ритм, как пространство, в которое вписаны, рельефно вставлены почти осязаемые образы: Магдалина у Гроба, ее текущие сквозь ресницы слезы, раскрытая могила, белое рядно, пелены, профили двух Ангелов...

Во второй половине 70-х годов мы часто встречали у Охапкина стихи-исповедь, выражения его духовного сознания: я - человек земной и тленный, но есть во мне всегда осязаемая, нерасторжимая связь с моим Творцом. Одно из лучших стихотворений О. Охапкина "День Господен" представляет собой именно гимн Творцу (опубликовано в "Новом Русском Слове" 21 октября 1979 года).

В конце 70-х годов у Охапкина начинают доминировать другие мотивы: петербургские. Именно они и отражены в "Гумилевских чтениях".

В стихотворении "Санктъ-Петербург" (см. первый выпуск, стр. 412) город на Неве, символом которого стал знаменитый Фальконетов памятник, предстает перед поэтом одержимым как "стихией", так и стихами. "Стихия" - это не только "ветер", "вьюга" и "студеная зыбь", это в равной степени и "погоня", "призрачного Всадника" (символ государственной власти) за каждым поэтом, которые, как Полидевк за Кастором, сами стремятся в этот город к своим "палачам". Это: Пушкин и Лермонтов, Кюлев и Блок, Мандельштам, Ахматова, Гумилев...

Целый цикл в первом выпуске посвятил Охапкин Гумилеву. Он имитирует его ритмы, воскрешает его образы ("Баллада о капитане", "Огненный столп"). Но главное, может быть, и не в этом. Охапкин считает (вслед за В. Порешом), что И.С. Гумилев был в конце своей жизни подлинным носителем русского христианского сознания. Продолжая гумилевские христианские медитации и подчеркивая свою связь с "мэтром" эпиграфом, Охапкин в стихотворении "Звездные силы" просит у Господа сил, чтобы продолжать "петь" о "Твоей Премудрости, о Ней!" Перед нами один из замечательных религиозных гимнов. Такого русская поэзия в пределах отечества не знает вот уже более шестидесяти лет! Это же религиозное сознание ведет О. Охапкина к твердой вере в возможность возрождения России из ее нынешнего рабства "мрака" и заблуждения ("Огненный столп", 1979).

Без ведома автора к нам попала рукописная копия двух стихотворений, посвященных А.Ахматовой. Одно так и названо: "Памяти Ан-

ны Ахматовой" (1976), другое - "Бронзовый век" (1975) - подчеркивает эту связь эпиграфом из "Поэмы без героя". Последнее представляется особенно интересным. Охупкин как бы продолжает интерпретацию, данную А. Ахматовой нашему двадцатому веку: "серебряный век", 10-ые годы, годы символистов и акмеистов, годы расцвета поэзии, сопоставимые лишь с "золотым веком" Пушкина, сменяются в следующем десятилетии "настоящим двадцатым веком", веком войны, крови, насилия, "немоты" искусства - всего, что Ахматова так трагически сумела воплотить в своем "Реквиеме". Охупкин считает, что период этой "немоты" кончился, вернее, прервался. Через пятьдесят лет после того, как убили Гумилева и заставили замолчать подлинную русскую поэзию Ахматову, Цветаеву, Мандельштам и др., русская поэзия медленно, но неуклонно, как Феникс, поднимается из пепла. И, по интерпретациям Охупкина, этот "бронзовый век" не случайно снова наступил в Петербурге, где прошли и "золотой", и "серебряный". Этот город "стихии" и стихов как бы предназначен для настоящей, традиционной, "вечной" поэзии, в то время как Москва неоднократно шарахалась от официозного патриотизма к нигилистическому, наспех сколоченному авангардизму. Правда, Охупкин считает, что "бронзовый век" тоже пройдет и за ним уже маячат всяческие "битлы" и другие зловещие сигналы "субкультуры", сопровождающей наступающий "железный век", который своими цифрами, машинами раздавит и человека и поэзию. Охупкин перечисляет в этом стихотворении всех своих поэтических "братьев", которых он считает принадлежащими к этой "бронзовой эпохе". Среди них И. Бродский и Д. Бобышев - не только никогда не печатавшиеся в СССР, но и изгнанные из своего отечества; другие изгнаны только морально, как поэты, но они печатаются на Западе и известны в своем отечестве, третьи издаются на родине, израненные и подхлестываемые железной машиной ССП, четвертые... их мы видим на страницах настоящего выпуска: С. Стратановский, В. Эрль, Б. Куприянов.

Сергей Стратановский - именно ему О. Охупкин посвятил стихотворение "Бронзовый век". Что мы знаем о нем?

Ему около тридцати лет. Живет в Ленинграде, принимает участие в самиздатских журналах "37", "Часы", "Аполлон-77". На Западе его стихи 1968-1972 годов появлялись в журнале "Эхо" (1978, № 4). Стихи необычные, странные, как сам поэт назвал одно из них: "Скоморошьи стихи". Вместо образов - абсурдные маски: "тысячеустая пустая" тыква, глотающая людей; некто "головотелый" - "насекомый че-

ловек"; "кентавры", беседующие "возвышенным слогом", мужичок "обезьяныч"; лошадь с "человеческим лицом"... Чувствуется некоторое влияние фантастики Гоголя, его оцепенелого испуга перед хищными, горбатыми петербургскими каналами и "носами", гуляющими по Невскому проспекту "по собственной надобности". Человек затерян и подавлен среди городской грязи и пошлости, он почти перестает ощущать себя личностью среди шагающих вывесок и мусорного "небытия".

В первом выпуске "Гумилевских чтений" были помещены стихи Стратановского 1980–81 годов. Можно увидеть некоторую эволюцию поэта, его отход от гротескного абсурдизма. Образы стали проще, лиричнее, хотя сохраняется атмосфера духоты, тления, пожара. Жизнь, как заигранная пластинка, движется "колесом повторений". Но нет пути назад, в то светлое пушкинское прошлое с его любовью и стихами. Наши "повторения" – это обиды, жалобы, невзгоды. Такова в сознании поэта Россия народная: плачет и "ползет в колхоз"...

Стихи Владимира Эрля в первом выпуске возвращают нас к концу 60-х годов. Эрль начинал среди "Сфинксов" 1965 года. Ощущалось явное влияние Хлебникова, может быть, раннего Маяковского. Однако поэт искал свой собственный путь, отказываясь иногда от рифмы в стремлении к простоте и графичности образа. Он, может быть, один из первых пытался воскресить почти забытого в те годы К. Вагинова, искал настойчиво новых, "пустынных форм. В единственном стихотворении 1981 года (выпуск второй) видна уже другая поэтика: образы и мотивы кажутся очень простыми, а метафоры, вырастающие из них, почти непроницаемы и непостижимы...

Пять стихотворений Бориса Куприянова. Об этом поэте мало что известно на Западе. Стихи в классической манере, иногда напоминают О. Охупкина, иногда чувствуется влияние поэзии Пастернака. Образы очень сложные, метафорические ассоциации не всегда проясняют мысль поэта. Иногда встречаются необычные языковые формы ("Царский сад").

Пять стихотворений принадлежат Владимиру Ханану (?). Мы пока о нем ничего не знаем. Стихи кажутся интересными. Лучшее из публикуемого во втором выпуске: "Городские стансы" и "Гефсиманский сад". Образом Петербурга, холодного, равнодушного, где "остроглазая тень" стережет свои жертвы у каждого камня, поэт подчеркнута приобщает себя к петербургской школе "бронзового века". Гранитный город на Неве, красота которого прославлена десятками поэтов, кажется ему враждебным и чужим. Даже традиционно воспеваемая белая ночь по его

метафорическим ассоциациям напоминает "день" "на заброшенном кладбище". В "Гефсиманском саду" евангельская тема развивается традиционно. Но в какой-то момент драматизм ситуации получает у поэта такое остро прочувствованное изображение, что мы понимаем, как сам поэт, неоднократно содрогаясь от ужаса, переживал эти муки сомнения перед призраком страшной "чаши". Гефсиманская драма – это, по интерпретации поэта, "мать" наших всех страданий, сомнений, предательств и отречений.

Юрий Колкер. Кажется, он ученый биофизик, живет в Ленинграде, ему около 40 лет. В № 29 журнала "Континент" впервые на Западе были напечатаны несколько его стихотворений 1974–1976 годов из цикла "Жизнь моего приятеля". В "Гумилевских чтениях" публикуются восемь его стихотворений, все так или иначе связанные с петербургской темой. Город для него и "немыслимый", и "осиротевший", и "неприкаянный", и "таинственный". Но это, скорее, в прошлом. Теперь, в "семидесятые", поэт видит его без всяких гранитных красот, хотя все еще "спесивым" и "страшным", но уже и униженным, "полупьяным", дышащим "смордом болот и тюрем". Проклятия городу, где глаза так часто ищут "крюки и скобы", чтобы вместе с жизнью избавиться от гнетущей тоски и злобы, где преобладают желтые и коричневые тона вечной осени, сменяется ненавистью к своему времени, к семидесятым "проклятым", убившим в людях не только поэзию, но простую честность. Своей обличающей тенденцией поэзия Ю. Колкера иногда напоминает... Н. Некрасова.

Шесть стихотворений совсем пока еще не известной поэтессы Тамары Буковской (см. выпуск первый) так же, как и стихи Сергея Стратановского, представляют нам самую современную поэзию, поэзию 80-х годов. Тень Петербурга стоит над каждым образом. И это – холодная, мрачная тень. Тема боли, смерти, исчезновения, могилы проходит доминирующей нотой, с которой сливается странный мотив "сладости горя" и "горечи восторга". Жизнь кажется поэтессе набором дешевых картинок, которые мы раскрашиваем в меру наших способностей. Очень пессимистические стихи! Никаких надежд и подчас даже продиктованное отчаянием богохульство...

О стихах другой поэтессы, Елены Пудовкиной, пока что трудно сказать что-то определенное. Представленные в настоящем выпуске пять стихотворений написаны в разные годы, однако в них не заметно почти никакой эволюции. Петербургские пейзажи ее всюду мрачны

и трагичны, и поэтесса не всегда справляется со своими сложными, может быть, сюрреалистическими метафорами.

Андрей Гайворонский печатает в "Гумилевских чтениях" всего лишь три недатированных стихотворных этюда на петербургские темы. Город у него живет какой-то своей, отдельной от людей жутковатой жизнью, как будто Люцифер именно здесь основал свое царство и издевается над миром...

Несомненной удачей является цикл "Петербургские кумиры" 1978 года. Поэт обращается к знаменитым петербургским памятникам: А. Пушкину - в тупике Пушкинской улицы, Медному Всаднику на Сенатской площади и Екатерине Второй возле Публичной библиотеки. Размышляя над событиями русской истории и над судьбами русских писателей, поэт все время находит своего рода "знаки", по которым можно было бы прочитать трагическую обреченность петербургской цивилизации. Автор этого цикла (Б. Лихтенфельд - ?) еще не вполне сложившийся поэт, но, несомненно, уже нашедший и свою собственную поэтику и свой намеренно архаизированный язык.

Все десять поэтов, представленные в "Гумилевских чтениях", хотя и очень разные по поэтической манере и степени дарования, несомненно, демонстрируют нам подлинную живую русскую поэзию конца 70-х - начала 80-х годов. Эта новая волна которой не нашлось места в официальных советских изданиях, проходит совсем другим жизненным и творческим путем: от Самиздата к Тамиздату. Поэты этой волны развиваются в трудных условиях, выходя лишь к очень ограниченному кругу читателей. Зато никто не калечит их поэзию, не подталкивает к компромиссам во имя публикации и не требует при вступлении на поэтический Парнас входной платы в виде "Ленина на трибуне 1918" (А. Вознесенский) или randevу с "Комиссарами" в красных буденновках (Е. Евтушенко).

Петербургские поэты "бронзового века" идут своими собственными неизвестными дорогами. Конца пути не видать никому. Что станет с ними? С Россией? С миром?... "Куда ж нам плыть..." Но они "плывут", плывут во мраке, задыхаясь, ощупью, находят и воскрешают своих "мэтров", убитых и затоптанных, поднимают их кресты и хоругви...

Что бы ни ожидало впереди - перед нами, несомненно, новое поэтическое поколение, чьим знаменем становится попытка духовного возрождения России.

ОТРЫВКИ ИЗ ПЕРВОГО ВЫПУСКА
"ГУМИЛЕВСКИХ ЧТЕНИЙ"
1980

(Wiener Slawistischer Almanach
Band 9, 1982, 375-389)

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

George CHERON (Los Angeles)

GUMILEVSKIE ČTENIJA (AN INTRODUCTION)

The year 1981 marks the sixtieth anniversary of the tragic death of Nikolaj Stepanovič Gumilev (1886-1921), one of the founders of Acmeism. In honor of this important, yet sad, event, a group of poetry lovers and poets have compiled together a collection of materials culled from public and private archive sources devoted to Gumilev. This collection, edited by I.F.Martynov, contains much new and unpublished information on Gumilev and reflects the great interest shown in his work among the literary intelligentsia of Leningrad.

The official attitude towards Gumilev remains rather ambivalent and contradictory in the Soviet Union. While Gumilev was included in the Literary Encyclopedia¹ and the literary scholar Vladimir Orlov has devoted eleven pages to him in his survey of modern Russian poetry², he has been, nevertheless, left out of the facsimile edition of Kornej Čukovskij's famous manuscript almanac "Čukokkala"³ and the late Professor Žirmunskij in his commentary to the "Biblioteka poëta" edition of the verse of Anna Axmatova also did not mention Gumilev⁴, even though Gumilev was married to Axmatova for eight years. A separate edition of Gumilev's poetry has not appeared in the Soviet Union since 1923⁵. On the other hand, the situation is greatly different in the West. There exists the pioneering four volume "sobranie sočinenij" expertly edited by G.P.Struve and B.A.Filippov⁶, the recently-issued "Neizdannye stixi i pis'ma" with commentary by Professor Struve⁷, and the occasional journal publication of important material relating to Gumilev.⁸

The importance of "Gumilevskie čtenija" is all the more significant since it complements these materials, as well as fills in some gaps in the Gumilev biography.

"Gumilevskie čtenija" can be divided into three parts: unpublished material by Gumilev, material relating to his biography and a poetry section. The first part contains three unpublished works by Gumilev: a verse fragment ("My v posledujuščix stopax"), translations of two poems by Arthur Rimbaud and Charles Baudelaire, and an introduction to a satire of the Roman writer Petronius. The translations and introduction most likely date from Gumilev's involvement (1918-1921) with Gor'kij's translating enterprise "Vsemirnaja literatura" where Gumilev was in charge of the department of French literature. The biographical section forms the richest part of the entire collection. It contains three original documents: Gumilev's birth record, his marriage certificate⁹, and a contract for an edition of his poetry, which unfortunately never materialized. In addition the section "Trudy i dni Gumileva" relates much new information on Gumilev the student. It tentatively raises the point that Gumilev was acquainted with V.N.Tagancev long before the "Tagancev conspiracy" of 1921. Also of great interest is the short notice by a "Cerskosel'skij bibliofil" discussing the whereabouts of Gumilev's large library. Ida Nappel'baum's memoirs "Maitre", a chapter from her book

"Pamjat'", is a very significant and important document by Gumilev's only surviving pupil in the Soviet Union.¹⁰ In it she recounts her apprenticeship along with her sister Frederika under Gumilev at the "Dom iskusstv", where he lectured on poetry after the revolution. In some ways Nappel'baum's memoirs of the "Studio" supplement those of Irina Odoevceva, another student of Gumilev's.¹¹ The final section of poetry gives a sense of continuity to our present day. First of all, there are several poems dedicated to the memory of Gumilev by his contemporaries. Although, these poems have been previously published, they constitute a memorial tribute to Gumilev. The verse of four Leningrad poets, who continue the great tradition of Russian poetry on the banks of the Neva, conclude the collection "Gumilevskie čtenija".

N o t e s

1. *Kratkaja Literaturnaja Ėnciklopedija*, vol.2, Moscow 1964, 444-445 (the Gumilev entry was written by Andrej Sinjavskij).
2. V.ORLOV, *Pereput'ja: iz istorii rusckoj poėzii načala XX veka*, Moscow 1976, 117-127.
3. K.ČUKOVSKIJ, *Čukokkala: rukopisnyj al'manx*, Moscow 1979. Yet sixteen years earlier Čukovskij not only spoke of Gumilev's participation in his almanac, but also provided a photograph of the Gumilev contribution, see: K.ČUKOVSKIJ, *Sovremenniki: portrety i ětjudy*, Moscow 1963, 324, and the photograph is located between pages 480 and 481.
4. ANNA AXMATOVA, *Stixotvorenija i poėmy*, Leningrad 1976.
5. N.GUMILEV, *Stixotvorenija. Posmertnyj sbornik. S predislovijem G.Ivanova*, Petrograd 1923.
6. N.GUMILEV, *Sobranie sočinenij v četytex tomax*, Washington D.C. 1962-1968.
7. N.GUMILEV, *Neizdannye stixi i pis'ma* (the originals of these letters are held in Soviet state archives), Paris 1980.
8. e.g. A.HAIGHT, *Letters of Nikolay Gumilev to Anna Akhmatova 1912-1915*, *Slavonic and East European Review*, No. 118 (January), London 1972, 100-106.
9. This document was first mentioned by G.G.Superfin and R.D.Timenčik in *Zapiski otdela rukopisej Gos.Bibl. im. Lenina*, Moscow 1972, 275, and in a slightly different version in *Cahiers du Monde russe ět soviėtique*, vol XV, 1-2, Paris 1974, 186.
10. Ida and Frederika Nappel'baum are the daughters of the famous photographer Moisej Solomonovič Nappel'baum (1869-1958). Both sisters issued one book of verse apiece during the mid-1920's.
11. I.ODOEVCEVA, *Na beregax Nevy*, Washington D.C. 1967.

Составитель и редактор И.Ф.Мартынов

В сборник включены информационные сообщения о четырех историко-литературных вечерах "Гумилевские чтения" 1976, 1978, 1979 и 1980 гг., тезисы докладов, прочитанных организаторами этих вечеров В.Д.Порешем, О.А.Охалкиным и И.Ф.Мартыновым, документальные материалы о жизни и творчестве выдающегося русского поэта Н.С.Гумилева, а также избранные стихотворения тех, кто продолжает в наши дни на берегах Невы лучшие традиции русского модернизма. Участники "Гумилевских чтений" - люди разных профессий, эстетических и религиозных убеждений. Их объединяет прежде всего бескорыстный интерес к русской поэзии "Серебряного Века", признание творческого наследия Гумилева непреходящим фактором отечественной культуры, важным элементом духовной жизни нашего народа. Именно эти соображения побудили нас начать (пока еще в весьма ограниченных масштабах) работу по выявлению, изучению и популяризации материалов о Гумилеве и его поэтическом "созвездии".

Напечатан в количестве 4-х экз. только для участников
"Гумилевских чтений"

/ОТРЫВОК/

... Мы в последующих строках
Добросовестно расскажем,
Сколько вынес рыцарь тягот,
Сколько бедствий и напастей.

И не только не излечен
Был от старости бедняга,
Но и сокрушен иными
Оскорбленными для тела.

Ах, пока искал он юность,
С каждым днем старел все больше,
И в морщинах, истощенный,
Наконец достиг земли.

Тихой той земли, где жутко
Под тенистым кипарисом
Плещет речка, чья вода
Также дивно исцеляет.

Летой та река зовется,
Цей оттуда и забудешь
Всю печаль — забудешь ты
Все прошедшие страданья.

Добрый край с водою доброй!
Кто достиг его, не кивет
Никогда — затем, что это
В самом деле Бимини.

АРТУР РЕМБО

ГЛАСНЫЕ

/Из книги сонетов/

А - черно, бело - **В**, **У** - зелено, **О** - сине,
И - красно... я хочу открыть рожденье гласных.
А - траурный корсет под стаяй мух ужасных,
 Роящихся вокруг, баб в падали иль тине.
Мир мрана; **Б** - покой тумана над пустыней,
 Дроvanие цветов, взлет ледников опасных;
И - пурпур, ступком кровь, улыбка губ прекрасных
В их ярости иль в их безумьи пред святыней.
У - дивные круги морей зеленоватых,
 Дуг пестрый от зверья, покой морщин измятых
 Алхимией на лбах задумчивых людей;
О - звона медного глухое окончанье,
 Кометой, ангелом прощенное молчанье:
 - Омега, луч ее сиреневых очей.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Ложем будут нам, полные духами
 Софы, глубоки, как могильный сон,
 Этажером ряд с редкими цветами,
 Что для нас взрастят лучший небосклон.
 И сердца у нас, их вдыхая пламя,
 Станут, как двойной пламенник возжен
 Пред очами душ, теми зеркалами,
 Где их свет вдвойне ясно отражен.
 Вечер налетит тихий, лебединый,
 И зажмемся мы вспыхом единой,
 Как прощанья стон, долог и тяжел;
 Чтобы, приоткрыв двери золотые,
 Верный серафим оживить вошел
 Матовость зеркал и огни былые.

ПРЕДИСЛОВИЕ К САТИРЕ ТИТА ПЕТРОНИЯ АРБИТРА
"МАТРОНА ИЗ ЭФЕСА"

От Сарданапала, через Алкивиада, Бозмунда Тарентового, Буингама вплоть до Джорджа Бриммеля — какая удивительная цепь людей-поэм, не творцов, а произведений искусства. Сколько их красивших себе рот, полировавших ногти, изучая в то же время недоступную смертным науку быть всегда прекрасными. С какой забавной точностью соответствуют они другой цепи, подвижников и аскетов, от Будды до Серафима Саровского. Как те о своем духовном совершенстве, эти заботились о внешнем. И их подвиг не напрасен, их слава не умрет. Об этом позаботятся и божественный Платон и Тацит, и Барбэ д'Оревиля.

Среди этих попугаев человеческого зверинца арбитр изящества Петроний занимает едва-ли не первое место. У него есть то, чего не хватало его предшественникам и преемникам — голос, проходящий сквозь вена. В его словах разгадка и его и всей его породы. Не ищите в них ни дивных откровений, ни лирического порыва. Он просто умен и холоден, рассматривает жизнь, держа ее на весу, как не слишком драгоценный кубок. Автор "Сатирикона", он сделался классиком. Но я люблю "Матрону из Эфеса", даже не вполне достоверный, стилистический пустячек. Какой хохочущий вноша, какой ухмыляющийся старик рассказал арбитру эту гадкую, но забавную сплетню. И почему, вместо того, чтобы с ними поглумиться над несчастной, он взялся за восковые дощечки, позабыв на час любимый "Сатирикон"? Ответ ясен. Гонитель вульгарных вольноотпущенников и самого Нерона, он почувал более благородную дичь. Женщина в высшем напряжении ее духовных сил, любящая и героическая — если ее развенчать, то действительно можно читать Эврипида, любясь лишь оборотами речи, смотреть на статуи Андромехи, ценя лишь волнообразность линий. В этот день суровый Рим победил патетическую Грецию. И как странно! Впервые возвысил голос пессимистический реализм Мопсаана.

ДВА ДОКУМЕНТА О ГУМИЛЕВЕ

I. МЕТРИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ Н.С.ГУМИЛЕВА^I

Сим свидетельствуется, что в хранящейся при Кронштадтской Морской Военной Госпитальной Александро-Невской церкви метрической книге, части первой о родившихся за 1886 год, под №41-м, значится следующая запись: 1886 года апреля третьего дня у старшего экипажного врача 6-го флотского экипажа коллежского советника Стефана Яковлевича Гумилева и законной его жены Анны Ивановой, обоих православного исповедания, родился сын Николай.

Таинство крещения совершил того же года апреля 15 дня протоиерей Владимир Краснопольский.

Восприемниками были: 6-го флотского экипажа капитан 1-го ранга Лев Иванович Львов и старшего врача коллежского советника Стефана Яковлева Гумилева дочь девица Александра Стефанова. г.Кронштадт. 1887-го года февраля 20-го дня.

Кронштадтской Морской Военной Госпитальной Александро-Невской церкви протоиерей Владимир Краснопольский.

Псаломщик Петр Романовский.

II. СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ Н.С.ГУМИЛЕВА С А.А.ГОРЕНКО

Означенный в сем студент Санктпетербургского университета Николай Степанович Гумилев 1910 года апреля 25 дня причтом Николаевской церкви села Никольской Слободки Остерского уезда Черниговской губернии обвенчан с потомственной дворянкой Анной Андреевой Горенко, что удостоверяем подписями и приложением церковной печати 1910 года апреля 25 дня.

Николаевской церкви села Никольской Слободки Остерского уезда Черниговской губернии священник (подпись)

Псаломщик Алексей (подпись).

Договор Н.С.Гумилева с Издательством профессионального
союза деятелей художественной литературы на издание
книги его "Стихов"

Петроград. Января 27 дня 1919 года. Мы, нижеподписавшиеся: Николай Степанович Гумилев, с одной стороны, и управляющий делами Издательства профессионального союза деятелей художественной литературы Виктор Васильевич Муйзель (действующий согласно постановлению редакционной коллегии профессионального союза ДХЛ от 1919 г.), с другой стороны, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Николай Степанович Гумилев переуступает свое авторское право на "Книгу стихов" (т. I), всего размером в десять печатных листов (по 40 000 букв в печатном листе) для отдельного издания в количестве 20 000 экземпляров.

2. Издательство профессионального союза ДХЛ уплачивает Н.С.Гумилеву за предоставленное ему на указанных в сем договоре основаниях право издания поименованных произведений 14 000 рублей, т.е. десять процентов с продажной цены каждого экземпляра, определяемой в размере семи рублей, причем часть этой суммы, а именно 7 000 рублей уплачивается Н.С.Гумилеву по напечатании Издательством профессионального союза ДХЛ упомянутого в договоре произведения.

3. Договор этот обязателен для обеих сторон в течение трех лет со дня его подписания, т.е. по 27 января 1922 года. Если бы Издательство профессионального союза ДХЛ почему-либо не успело или не могло воспользоваться предоставленным ему правом издания упомянутых произведений Н.С.Гумилева, или если бы издание не успело за указанный трехлетний срок целиком разойтись, автор, Н.С.Гумилев, может считать с 27 января 1922 года вышеназванные свои произведения освобожденными от всяких обязательств по отношению к Издательству профессионального союза ДХЛ.

4. До истечения указанного в пункте 3-м трехлетнего срока автор, Н.С.Гумилев, может воспользоваться предоставленным им профессиональному союзу ДХЛ правом издания вышеупомянутых произведений только в том случае, если окажется распроданным все означенное издание ранее 27 января 1922 года.

5. Автору, Н.С.Гумилеву, предоставляется право печатать отдельные произведения (из числа упомянутых в пункте 1-м)

ранее истечения указанного трехлетнего срока только в от-

ПРИМЕЧАНИЯ

I В личном деле Гумилева—студента сохранился формулярный список его отца. После окончания медицинского факультета Московского университета (1861 г.) статский советник С.Я.Гумилев (1836—1910), родом "из духовного звания", четверть века, вплоть до выхода в отставку по болезни (9 февраля 1887 г.) служил корабельным врачом на судах Балтийского флота, ходил в кругосветное плавание на фрегате "Переювет" (май 1865 — октябрь 1866 гг.) и, удалясь на покой (в Царском Селе его семья снимала квартиру в доме Полу-бояринова на Средней улице), продолжал поддерживать тесные дружеские отношения с такими же, как он, старыми "морскими волнами": братом своей второй жены — адмиралом Л.И.Львовым, флотским инженером, отцом Анн Горенко и др. Думается, что эта среда профессиональных моряков, в которой рос юный Николай Гумилев, оказала огромное влияние на формирование его личности и круга интересов, поселила в нем тягу к дальним путешествиям и экзотическим странам, дала материал для поэтического переосмысления в первой книге гумилевских стихов "Путь конкистадоров" (СПб., 1905). Невидимые, но прочные мистические узы всю жизнь связывали поэта с морем, морскими, родным Кронштадтом ("Видно я суровому Перев смог когда-то очень угодить, что теперь — его и не умел ни полям, ни леса полюбить...") и трудно не усмотреть перст судьбы в том, что он окончил свои дни рядом с последними защитниками "кронштадтской Вандеи" на берегу Финского залива.

Обстоятельства сложились так, что оба сына Степана Яковлевича не пошли по стопам отца. Младший — Николай — родился слабым, болезненным ребенком и очень рано увлекся поэзией, ставшей единственной страстью и делом всей его жизни; старший — Дмитрий (р.1884) — заурядный эпика, ничем не выделявшийся из среды своих сверстников, посредственно закончил в 1904 г. Николаевскую Царскосельскую гимназию, попытался учиться на юридическом факультете Петербургского университета (1904—1908), но, не закончив его, записался вольноопределяющим в лейбгвардии стрелковый батальон (откуда взяла вдова Д.С.Гумилева сведения о его учебе в Морском корпусе? — СС, т.1, с.ХI). Дочь С.Я.Гумилева от первого брака Александра (р.1869) вышла замуж за флотского офицера Леонида Сержцова, и впоследствии их сын стал спутником в африканских путешествиях, близким другом и помощником своего знаменитого дяди, врестного и тезки.

дельных дешевых изданиях типа "Дешевой библиотеки", продажная цена коих не выше одного рубля за экземпляр (определяется цель издания — распространение в широких народных массах). Равным образом не более одного произведения автор может до истечения указанного трехлетнего срока помещать в хрестоматиях, антологиях и другого рода сборниках произведений разных авторов.

6. Переуступаемое автором, Н.С.Гумилевым, по сему договору право на упомянутые в пункте I-м произведения никому ранее не переуступлено, представляется вполне свободным от чьих-либо притязаний и в течение указанного трехлетнего срока не должно быть никому переуступаемо. Если же приобретаемое по сему договору Издательством профессионального союза ДХЛ исключительное право на упомянутые сочинения Н.С.Гумилева будет оспорено судебным порядком или третейским судом, или окажется поколебленным актом существования у какого-либо частного лица или учреждения преимущественного перед Издательством профессионального союза ДХЛ права на означенные произведения, Н.С.Гумилев всю ответственность за то перед судом и перед таковыми приобретателями берет на себя, по отношению же к Издательству профессионального союза ДХЛ лишается кроме того права на дальнейшее получение от Издательства профессионального союза ДХЛ еще не выданной ему остальной части договорной суммы, и Издательство профессионального союза ДХЛ вправе, если пожелает, отказаться от выпуска в свет приобретенных у Н.С.Гумилева его сочинений или же, если спор коснется отдельного из упомянутых произведений Н.С.Гумилева Издательство профессионального союза ДХЛ вправе исключить означенное произведение из числа приобретенных им произведений. Причем, если таковой спор о праве Издательства профессионального союза ДХЛ произойдет ранее того, как разойдется половине издания или же даже ранее отпечатания издания, то Н.С.Гумилев обязуется также вернуть Издательству профессионального союза ДХЛ полученную им при подписании сего договора сумму в возмещение понесенных Издательством профессионального союза ДХЛ убытков. Те же последствия, то есть обязанность вернуть полученные от Издательства профессионального союза ДХЛ суммы и лишение права на получение невыплаченной еще Н.С.Гумилеву суммы, наступают в случае неисполнения Н.С.Гумилевым отдельных пунктов сего договора.

7. Одновременно с подписанием сего договора автор, Н.С. Гумилев, должен представить в окончательно подготовленном в печати виде все упомянутые в пункте I-м свои произведения, на каждом из которых должна быть сделана надпись и подпись автора.

8. Подлинник этого договора остается у Издательства профессионального союза ДХЛ, а копия его передается автору, Н.С.Гумилеву.

7 января 1919 г.

Н.Гумилев

Управляющий делами

В.Мушкетель

ТРУДЫ И ДНИ ГУМИЛЕВА

(ДОПОЛНЕНИЯ)

Двадцать лет назад, предлагая вниманию читателей первый том первого научного издания сочинений Н.С.Гумилева, его редактор Г.П.Струве справедливо указывал на то, что "не настало еще время для написания сколько-нибудь подробной, а тем более исчерпывающей биографии" этого замечательного поэта, прежде всего ввиду отсутствия необходимого для такой работы фактического материала. За годы, прошедшие с той поры, десятки русских и иностранных исследователей (каждый в меру своих сил и возможностей) по частицам восстанавливали хронологическую канву трудов и дней Гумилева, беспощадно разорванную временем и теми людьми, которые хотели бы навсегда вычеркнуть его имя из памяти соотечественников. Скромную лепту в эту большую, далеко еще не законченную работу постарались внести и мы — участники четырех "Гумилевских чтений", ежегодно проводимых на берегах Невы.

Публикуемые нами два документа находятся в личном деле студента Петербургского университета Н.С.Гумилева. Закончив 30 мая 1906 г. Николаевскую Царскосельскую гимназию с посредственным аттестатом зрелости (только две отличных оценки — по русскому языку и логике), молодой поэт незадолго до этого выпустивший в свет первую книгу своих стихов, отправился на полтора года в Париж для продолжения учебы. Судя по сохранившимся от этого периода его жизни довольно скудным документам, он меньше всего думал тогда о науках, вел рассеянную жизнь завсегдатая русско-французских литературных салонов, пытался издавать собственный модернистский журнал и даже прокатился "зайцем" в Африку. Недовольные поведением сына, родители лишили Гумилева материальной поддержки, и ему пришлось возвратиться в "родные пенаты". 10 июля 1908 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета, а год спустя перевелся на романо-германское отделение историко-филологического факультета, гораздо больше отвечавшее его духовным запросам. Лекции и семинары одного из крупнейших русских историков начала XX века С.Ф. Платонова, профессора-лингвиста И.А.Бодуэна де Куртене, литературоведа И.А.Шляпкина, медиевиста А.И.Малеина и целой плеяды блестящих знатоков античного мира (Ф.Ф.Зелинского, И.И.Толстого и др.) значительно расширили интеллектуальный кругозор Гумилева, несмотря на то, что этот "вечный" студент не отличался особен-

ной прилежностью, учился с большими перерывами (с осени 1909 г. по весну 1910 г. и с осени 1912 г. по весну 1914 г.) и покинул стены Университета, так и не защитив диплома. По рассказам одного из студентов-филологов тех лет В.В.Вейдле, Гумилев был редким гостем в здании "Двенадцати коллегий" (СС, т.4, с.7), однако именно здесь он, вероятно, и познакомился со многими своими однокурсниками — С.М.Городецким (1902–1911),^{х)} М.Л.Лозинским, В.И.Нарбутом (1908–1912), В.В.Гиппиусом (1908–1912), Г.В.Адамовичем (1910–1916) и О.Э.Манцельштамом (1911–1917) — будущим "ядром" Цеха Поэтов. Любопытно отметить, что одновременно с Гумилевым на географическом отделении физико-математического факультета Петербургского университета учился В.Н.Таганцев (1907–1912), молодой "денди", очень близкий ему по неутолимой страсти к путешествиям, частый гость литературных салонов, педантичный ученый и склонный к авантюрам человек. Факт их знакомства в те годы пока еще точно не установлен, однако вполне возможно, что они знали друг друга задолго до драматических событий 1921 г.

Патриотический порыв, столь органичный для романтической природы Гумилева, побудил его одним из первых среди петроградских поэтов уйти добровольцем на русско-германский фронт. Долгое время этот период оставался "белым пятном" в гумилевской биографии, пока однополчане поэта, ныне проживающие за рубежом, не восполнили столь досадный пробел (СС, т.1, с. XLV–LV; т.4, с.535–540). Нам бы хотелось только дополнить их рассказы еще одним весьма примечательным документом — справкой, выданной Н.С.Гумилеву 30 октября 1907 г. Царскосельским по воинской повинности присутствием, согласно которой он, из-за "болезни глаз" был "признан совершенно неспособным к военной службе, а потому освобожден от нее навсегда". Как оказалось на деле, в трудный для России час врожденное косоглазие не помешало Гумилеву метко стрелять по врагам его Отечества (СС, т.4, с.536).

Несколько лет назад известный московский библиофил-старообрядец М.И.Чуванов любезно предоставил в наше распоряжение уни-

х) Имеются в виду годы их учебы на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

нальный экземпляр четвертой книги стихов Гумилева "Колчан" (М.—Пг., 1915) с дарственной надписью на ее форзаце: "Многоуважаемому Михаилу Михайловичу Чичагову от искренно его любящего и благодарного ему младшего унтер-офицера его взвода Н. Гумилева в память веселых разъездов и боев. 27 декабря 1915 г. Петроград". Помимо чисто мемориального значения, эта тоненькая книжечка чрезвычайно ценна тем, что расшифровывает имя человека, которому было посвящено известное гумилевское стихотворение "Война" ("Как собака на цепи тяжелой...") (СС, т. I, с. 212-213). Думается, что дальнейшие разыскания в частных собраниях нашей страны и русского Зарубежья позволят выявить новые, интересные материалы о трудах и днях поэта-рыцаря Серебряного Века.

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH

S O N D E R B Ä N D E

1. Ju.D.APRESJAN, Tipy informacii dlja poverchnostno-semantičeskogo komponenta modeli "smysl → tekst", 1980, 125 S. ÖS 120.-, DM 17.-, \$ 9.-
2. A.K.ŽOLKOVSKIJ / Ju.K.ŠČEGLOV, Poëtika vyrazitel'nosti. Sbornik statej, 1980, 256 S., ÖS 200.-, DM 28,50, \$ 15.-
3. Marina Cvetaeva. Studien und Materialien, 1981, 310 S. ÖS 250.-, DM 35.-, \$ 16.-
4. I.P.SMIRNOV, Diachroničeskie transformacii literaturnykh žanrov i motivov, 1981, 262 S., ÖS 200.-, DM 29.-, \$ 12.-
5. A.STONE NAKHIMOVSKY, Laughter in the Void. An Introduction to the Writings of Daniil Kharms and Alexander Vvedenskij, 1982, 191 S., ÖS 180.-, DM, 25,70.-, \$ 11.-
6. E.MNACAKANOVA, Šagi i vzdochi. Četyre knigi stichov, 1982, 216 S., ÖS 150.-, DM 21,40.-, \$ 9.-
7. Marina Cvetaeva, "Krysolov". Der Rattenfänger. Herausgegeben, übersetzt und kommentiert von M.-L.BOTT, mit einem Glossar von G.WYTRZENS, 1982, 326 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-
8. S.SENDEROVIČ, Aleteja. Elegija Puškina "Vospominanie" i problemy ego poëtiki, 1982, 280 S., ÖS 250.-, DM 35.-
9. Th.LAHUSEN, Autour de l'"homme nouveau". Allocution et société en Russie au XIXe siècle (Essai de sémiologie de la source littéraire), 1982, 338 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-
10. Erzählgut der Kroaten aus Stinatz im südlichen Burgenland. Kroatisch und deutsch. Herausgegeben von K.GAÁL und G.NEWEKLOWSKY, 1983, LXX+339 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-
11. Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität, Herausgegeben von W.SCHMID und W.-D.STEMPEL, 1983, 404 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-
12. Boris GASPAROV, Poëtika "Slova o polku Igoreve", 1984, 406 S. ÖS 300.-, DM 42.-
13. Protestantismus bei den Slowenen / Protestantizem pri slovincih. Beiträge zur 3. Slawistentagung der Universitäten Klagenfurt und Ljubljana 1983, 1984, 280 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-
14. I.A.MEL'ČUK, A.K.ZHOLKOVSKY, Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo jazyka / Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian, 1984, ca 1000 S. , ÖS 630.-, DM 90.-, \$ 35.-
15. Gumilevskie čtenija: vypusk vtoroj. Herausgegeben von V.F. MARTYNOV, 1984, 214 S., ÖS 200.-, DM 28,50.-